

Стики и проза литераторов г. Нижиевартовска Литературное объединение «ЗАМЫСЕЛ»

K84(800c-1461

ИВАН•ЧАЙ

Стихи и проза литераторов г. Нижневартовска

Екатеринбург Издательский дом «ПАКРУС» 7002 ББК 84Р7 И18

> Редактор-составитель М. К. Анисимкова, член СП России, почетный граждании г. Нижневартовска

Редакционная коллетия:

11. И. Чернышово, директор МУ «БИС»;
члення за гературного объединення «Замасса»;
В.Ю. Акимов, М.К. Анцикловов, Е.А. Слитченко,
В.Н. Филиппов

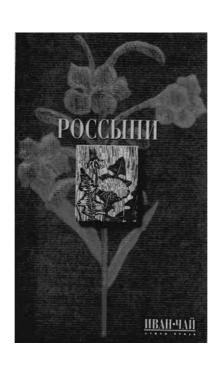
Художинк Н. Г. Курач (и. экострации)

Книга издана по заказу администрации муниципального образования «Город Нижневартовск»

> © Анисинкова М. К., сост. © Курач Н. Г., их. © Издательский дом «Паврус», 2002

ISBN > 901214-18 8

30-летию города нижневартовска посвящается

Валерий Юрьевич АКИМОВ

родился 6 сентября 1949 года в городе
Новомосковске Тульской области. Окончил Московский
инино-технологический институт
ин. Д.И. Мендалева. Сумих в пограничных войсках.
С 1978 года экинет в Нижиевартовске, работает
в ООО «Нижиевартовске, работает
в ООО «Нижиевартовске, работает
«Замысса». Антор поэтических кинг «Полоса
стуждения», «Хочу успеть», «Крупицы»,
«Земьяки», «Родослонная», «До чего же день
хорош».

жжж

Осень заявилась на порог.
Сарафан осина поменяла
На жилет ремонтницы дорог.

Ветер, на нее имея виды, Шепчет что-то там о рандеву. У березы листья от обиды, Как слезинки, падают в траву.

ЦАРИЦА-ОСЕНЬ

Осень мне мила не ив-ва сана, Я с ее богатствами на «вы»: С предрассветной платиной тумана И сусальным золотом листвы.

Никогда она не обеднеет, Никому не счесть ее добра. И сейчас вот кедры зеленсют От морозца в блеске серебра.

Опять осенняя брюзга Свою мелодию запела. Вновь в разноцветии тайга, Хотя недавно зеленела.

И вот уже былого нет, Желты поникшие травинки, И, как расплату за расцвет, Разносит ветер золотинки.

Хоть в годах от юности далек, Не проходят пылкие желанья, И любви не гаснет уголек. Не дают мне спать переживанья.

Вообще живу, как во хмелю. Уж так начертано судьбою — Жизнь свою на части я делю: До тебя и ту, когда с тобою.

[10] СТИХИИПРОЗА

россыни

.

Не судьба ли снова виновата?!
В светлыи день и в сумрачной ночи
Сердце, будто в юности когда-то,
С мыслью о тебе сильней стучит.

Аля меня, как солнышко, ты светишь, Чувства своего я не стыжусь. Даже если взгляду не ответишь, Все равно гляжу, не нагляжусь.

Сентябревос призванье Сеять дождик, беспокоя Шорох листьев. Завыванье, Нет душевного покоя. Грусть в піуршанне вплетая, Ветерок торит дорогу. И курлачет в небе стая, Унися мою тревопу.

ЗАКАТ

Еще он меж деревьями серсет — Апрельский снег в Сибири — не курьез. Пока ж багрянен неба душу грсет. И зелень сосен в лучиках берез.

Гладь озера синеет, будто скатерть, Как поплавок, у берсга халей... И хоть не жизнь, а солице на закате, Мне грустно одному среди аллей. ***

Я любуюсь тайгой не с балкона И, у страсти являясь рабом, Отбиваю земные поклоны, Нагибаюсь за каждым грибом.

Продираюсь, как зверь, сквозь чащобу, И дождем, и росою омыт. Только мало, все мало, еще бы... Но зато впечатленьями сыт.

КРЕЩЕНИЕ

У мороза краски из белил, По-январски холодио сегодня, Иней за ночь ветви побелил, Празднуя Крещение Господне.

Отдавая этой дате дань, Выстроились люди чередою. И потек поток на иордань За всеисцеляющей водою.

В ХОЛОДА

Стужа вновь перешла запредельную грань, Щедро тратя январскую квоту. Только нам все равно, в эту стылую рань Мчимся мы, как всегда, на работу.

Свет от фар, пробивая морозную мглу, Будто шарит под мутной водою. Даже иней сегодня похож на золу, Дии в ознобе грядут чередою,

[12] СТИХИИ ПРОЗА

Словно хочется им сотворить людям зло. Словно хочется им сотвирять людим эли. И восток нынче не розовеет. Но мы в холод спешим, чтобы дать всем тепло, А самим же нам долг души греет.

конец зимы

Метели, похоже, навылись, Мороз не вернется назад, Деревья от сна пробудились И сбросили зимний наряд.

Уже посерели сугробы, Дороги без льдистых оков, И небо синеет особо, И в нем кружева облаков.

Слепит солнце так непривычно, Заметно прибавились дии, Запели совсем необычно Проныры синицы. Они

Вовсю гомонят, не смолкая. И славят конец февраля. Желанью людей потакая, К весне повернула Земля.

МНЕ ГРУСТНО

...Мне грустно, как многим в нашей стране, Где жизнь человека безмерно гроппова, И нет в мире больше другой стороны С ценою сограждан такою дешевой.

ИВАН ЧАЙ

Мне грустно, как многим в нашей стране, Хотя если честно, не в этом признанье, А все вожаки — подлецы и лгуны, И мы им нужны лишь для голосованья.

Мне грустно, как многим в нашей стране. С такой демократией, хуже похмелья, Натянуты нервы сильнее струны, И даже вино не приносит веселья.

НА ПРИЕЗД АЛЕКСИЯ II В НИЖНЕВАРТОВСК 27 ИЮНЯ 1994 ГОДА

Тот день помог неверие избыть, Запомнился он, словно именины, И мне уже вовек не позабыть. Как воспылал душой христианина.

И, стоя в окруженье прихожан, Я понял присветменною душою, Что Ваш приезд сюда — для горожан Событие большое-пребольшое.

А солнце грело бренные тела И Ваше слово окрыляло души. И жизиь уже нестрашною была, И верилось, что заживется лучше.

И стук сердец звучал как благовест. И для меня, конечно, не причуда. Что я, не забывая Ваш присзд, Жду с нетерпеньем повторенья Чуда.

ЖИЗНЬ ЗА НАРОД ИОАННУ ТОБОЛЬСКОМУ

Слова о доброй памяти звучат, С молвою растекаются все шире В честь жившего здесь триста лет назад Святого покровителя Сибири.

Тот век его бездушием не смял — Идунјему не страшно бездорожье. Он в искушеньях смуты устоял, Всей жизнью прославляя имя Божье.

И выбрал путь свой бея мирских утех Великий сын Руси и Украины. Чтоб дальше жить с молитвою за всех, Оставшись неподвластным властелином.

Врагов своих в смирении прощал. Не уставая думал о грядущем, Упорно тъму незнаняя просвещал, Убогим помогал и неимущим.

Покой всегда был чужд его душе. Он превратил трудом своим на ниве Тобольский городок на Иртыше В столицу православия Сибири.

Он высоко пронес церковный сан, Народу делал праздники из буден, Заступник наш — Тобольский Иоанн. И мы его вовски не забудем!

Марина АЛЕКСАНДРОВА

АЛСК АРІДРОВА

(Марина Григоровенна ШВООРНЕВА) родилась
24 октября 1960 года в городе Ходженте (Таджикистан).
Окончна Московский зимико-технологический виститут
им. Д.И. Мецалеева. С 1990 года живет и работает
и Нижневартовске. Стихи пачала публиковать
в периодических изданиях с 1998 сара. Автор сборинка
стихов «Стихий Стихи... Стихи!». Член литературного
объединения «Замысел».

Тяжело испытанье Крестом.
Мне — растерянность и состраданье.
Что могло быть? Что будет потом?
Кто поможет найти пониманье?

Любима! Его и дюблю. Как мне повезло — я живая! И даже когда вдруг умру, Забыть о любви — запрещаю.

[16] СТИХНИПРОЗА

россыпи

Неистовость авезд по ночам, Блаженство мелькающих истин, Романтика — юным плечам, А мудрость — старушечьей мысли.

Сплелось все в прекрасный венок. Чувствительна— значит, ранима. Твержу, как молитву, зарок: «Люблю и любимым любима».

Однотонность и однотональность. Все созвучно, соцветно, легко. Хрупкость утра —

туманна реальность. Капли звуков. Поспешность шагов.

Водопадом секунды обрушат Шум и суетность. Возае меня Ветерок закружился и в уши Шепчет ласково: «Доброго дня…»

Из Самары через речку — В лес, на волжский бережок... Только там так сладко-резко Цвет-шиповник пахнуть мог.

А в Самаре дом из сказки, Воздух пахнет, как родной, Молоко с картошкой, ласка Тетки той, еще живой.

[17 СТИХИНПРОЗА

иван чай

Как в Самаре много парков! Летний ливень — в полчаса. Для «своих» цветов не жалко. Для «чужих» гремит гроза.

Волжский дух сердца тревожил, Рынок рыбой зазывал... Память дарит день все тот же, Что Отчизне ликом стал.

Шимун ВРОЧЕК

(Ввчеслав ДОРОНІНІ) родился 1 ноября 1976 года. В 1979 году перееха, с родителями в Нижиевартовск. Писать начал в 1995 году, будучи студентом Академии нефти и газа них 1Им. Губенива. Публиковался в Интернете. Первый рассказ а 1ри мертвых бога был каначата в газете «Фантаст» (Москва). Сборник фантастических понестей и рассказов «Герой нашего времени» вышел в издательстие «Приобье».

ТЕОРЕТИК

Фантастический рассказ

Из придорожных кустов высупулась драконья морда, блажению зепнула, показав розовый язык и черную дыру глотки. Насмешлию дрокнула. Кобыла непутанию кехранируа, скакнула вбок, высо-ко подбрасывая тяжелый зад, и сир Брадискольм, рыцарь

[19 СТИХИ ИПРОЗА

Бубновой Розы, не удержал равновесия... Земля прыгнула в лицо, ударила между глаз, высекла споп искр из шлема, раздавила, смяла, как куанечным молотом, доспехи и полностью вышибла сознание из бритой головы благородного рыцаря...

2

Аоб приятно хоманам. С вр Брадисхольм пришел в себя, но вълза открывать не специил. «Что это бъло? — думал он. — Сон? Или не соц?» — Не притворяйся! — сказали у ряцаря над самым ухом. Брадисхольм вадропнул и от неомиданности открыл глаза. — Потом спеда закрыл. — колов открыл. ... Дракон никула исчезать не собирался.

3

...Травянисто-зеленая лоснящаяся шкура покрывала ... Травянистю-зеслым лосищряся шкура покрываль туру таких абаритон, что знатиль об на прокоры всего кормеского койска в течение недели, пор укловни, что опи опойской будет интаться не виспечен изглу дам в двезы. Дракоп шумно плескался в оюдее, поднимая мириады бразя. Нетога чистам, каке съм бъв вией омами памъвные сапоти пахторы—двез тътежни силдат, периряшикся и вкрестовито пистора. — «Такому мадо много естъ», — подумал месчастный раздел, гладя на витра чудовища Сам рындарь от жары не стра-дал. Заботливный адакон повеска его, спеченутото цапарание маделира, в течни, под ветамы рассидатего здба-великаны. Херешая сда заслуживает хорошего обращения...

Ну-с, — сказал Дракоп, обливывансь. — Присту-пик. — Брадискольм шумно стлотнул. — Ответь ка мік-увлажаємый, каким способом вы предпочли бы быть умотреб-лены в пищу? Вареним. жареным, пареным, лапеченным

в золе, маринованным, соленым, вяленым, сущеным, моченым, сырым?.. — Тут дракон остановился, почесал чудовищную бровь не менес чудовищной лапой. — Последний способ, искрение, нежелателен.

спосоо, искрение, нежелателен.
— Почему?— вяло поинтересовался рыцарь.
— А вдруг у вас гли... паравиты какие-инбудь, болезии
там нехоропии. Вы же солдат, а не невиниая девушка. Ну-ка, отвечайте честно, чем болели?

 Ничем. — честно признался простодушный рыцарь. Дракон расплылся в улыбке.

— Разве что чесоткой. — спохватился рыцарь и сделал попытку почесаться связанными руками. — Пару раз трип-пером.. Свянкой, ходерой, моровой язвой... Совсем недав-но подхватил чуму... Ну, я почти вылечился... Честно.

— Верю, — сказал Дракон. Рыцарь вытарацил гла-за. — Значит, сырым отпадает... маринованным тоже... Су-шеным? Нет, не будем рисковать. Мы тебя сварим, с со-

лью, побольше перчика, корицы, пучок укропа, пару свежих помидоров... зеленый лук... немного уксуса... Совсем чуть-чуть, а то бульон станет кислым...

В живите рыцаря застрял кусок льда размером с медве-дя, на лбу выступил холодный пот, по спине забегали крупные, в кулак, мурашки.

ные, в кулак, мурашки.

— Хы! — прокашлялся Брадисхольм. Голос внезапно осип. — Я думал, драконы не любят готовить.

— Вот как? — Дракон ухмыльнулся, на его морде

 — пот какт — дракон ухмыльнулся, на его морле
ухмылка выплядель акв кловещий оскал. Рыцары побледнел. — И со многими драконами ты знаком? Я имею в виду,
лично. — Рыцарь замялся. — То-то же. Впредь не всему верь, что говорят люди. — правоучительно заметил. Дракон.

длакон.
— Не буду, — пообещал рыцарь.
— Толковый парень, — умилился Дракоп. Огромный глав с вертикальным зрачком прищурился. — Так как на-

счет моего вопроса?

[1] СТИХИНПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

— К-как... какого?
— Основного. В каком виде мы будем тебя есть?
— Вкушать. — поправил рыцарь.
— О-о! — Дракон посмотрел на Брадисхольма с ува-

— Смаковать, наслаждаться вкусом, втягивать ноэдрями дивный аромат, медленно отщипывать кусочки, растягивая удовольствие... — И в неземном наслаждении, прикрыв глаза, ощу-

— Й в неженном наслаждении, прикрым глаж, ощущеть на завые вирым серезномі всельномі, зарожденоє жизни, се расцият, паденне и гибель, безумие и смыса существовання, спрессованные в кратной мит... Стоп. — опомпалка Давкин. — Очем ито зі.

— О счыске мизии. — соврад рыщерь.

— Да? — Даркон с отвращением посмотрел прими
в честные голубне глажа Бралисковма. — У меня создаетка писчатачни. — сказал Даркон после кратиго разлумыл. — что некий рыцэрь питатеста заморочить толову некому дражкиу забывая, чем чреваты подобные выходики.

— Рыдарь мысленно застонал. Сорвалось! Еще бы чутть-

5

за плечо.

— Ради всего святого... Ради всего... Съешъ меня! Ну пожалуйста, а? Ну что тебе стоит? Ам — и мет. Вои у тебя какие челости... А зубы... — Трустно покачал головой Дракон. — Я бы рад... В каком угодио виде... Хотъ жареным, хотъ сырым... Будь ты больной или даже беще-

реным. может — потребовал рыцарь.
— Не могу, — Дракон вздохиул.
— На систина! Не отвертицися... ЧТО?! — Брадис-

— A-а, скитина: не отвертишься... ч 107: — Брадис-хольм задолукуля и замолчал. — Да, — в голосе Дракона звучала искренняя пе-чаль. — Не могу. Я, знаешь ли, скорее теоретик...

6

— Язва у меня, — рассказал Дракон. — Уже тридцать лет, как открылась...

лет, как открываесь...
— И из мяса, ин инпа?
— Ни-ин. Одна трава, овощи, всякая безвкусная гадость, на которую смотреть противно, не то что есть...
— Бедияга, — пожалел Брадисхольм Дракона, Потом
до него дошло: — А менш... менш... эамем путал, если мяса
не ещь? И рассказываль... Все эти блюда, способы вархи.

жарки — я чуть с ума не сошел, пока слушал...

Дракон скромно потупился: - Единственная у меня радость осталась: поговорить

о сде.

о сде.

— В присутствии самой еды? — На лице рыцаря было написано искреннее негодование. — Это не достойно благородного че... жм.-м... дракона! — Ну... — признал Дракон. — Может быть. Зато ка-

— 1 у... — признал диами. — милжет овтав. Зато на-кое удоводьствие получаешь от одного предвидиения ... Я же гурманом был. Случалось, новые рецепты узнавал. Тут же пробовал. Данно это было. Я и сейчас гурман. но... — Гурман. теоретик?

[23 СТИХИ И ПРОЗА

— Верно. Рецепты до сих пор собираю. Как представ-

лю, что все это я мог бы съесть... или пусть даже не все...
— Ага, — понял рыцарь. — Значит, у тебя есть любимый рецепт? Для особого случая? Как если бы какой-то мын рецепт? Для особого случая? Как селом бы какой-то волшебник... Пусть даже на один час... — Минуту. — поправил Дракон. — Мие бы хватило. — И что за блюдо? — Айн момент! — засуетился Дракон. — Сейчас по-кажу!

— Что?! — удивлению Брадисхольма не было границ. Дракон держал в лапах натюрморт, выполненный маслом на дереванной доске. — Это и есть тное особенное блюдо?! Картошка с салом?!

Картошка с салона!

— И с аумом. — смущенно уточныл Дракон. — Глаза его томительно сузнамсь. — Ал, какая предесты Как вспомное шкопращее на чутунной сковорще селом, ведо порезанная картошка, дучок. Заповни главнос. — наставительно изврек Дракон. — картошку солить только после жарки, ныамс она не будет кусутащей. — Понала?

Роцара выпертнию азмянал, подтвержава, что да — понал силить теперь будет только после жарки. И никогда до
нам во пореже.

или во время.

нам во время.
Дранон ласково поклопал рамдаря по плечу. Брадисколам стиснул зубы, чтобы не закричать от боли.

— А теперь. — сказал Дранон, — я должен тебя убить.
Жаль. — хороший ты нарень, сар рамдарь, хоть и человек.
Бал бы даконном — цень от тебе не бальо.

— Но почему? — возмутился Брадискулам.

— Потому что даконны — раса, внигократно превос-

ходящая человеческую... — Her!

— Что — нет? — нахмурился Дракон. — Ты счита-ешь, что люди выше драконов?

— Я тебя не об этом спрашиваю! — закричал ры-царь. — Я спрашиваю: почему ты должен меня убить? Ты ведь говорил, что не можешь есть мясо!

— Не могу, — согласился Дракон. — Но есть одно

«но». Дракон, как и человек, отличается от зверя тем, что убивает не только для пропитания или самозащиты, но и в других, недоступных пониманию зверя, целях.

- не міту
 — Убить за ЭТО?
 - А разве мало? брови Дракона удивленио попол-зли вверх. Запомни, человек, есть вещи, за которые стоит
- убивать, и картошка с салом одна из них...

— Последнее желание? — поннтересовался Дракон. одним движением чудовищного когтя освобождая рыцаря

одина дология дология от пут.
Брадисхольм тихо застонал. Разминая затекшие конечности, он задумался: «Выхода нет. Дракон меня не отпустит даже за все золото мира — жадность драконьего племени до презренного металла общензвестна, но даже все золото мира не сделает больной желудок здоровым. Как Дракон назвал себя? Теоретик? Теоретик. Хм-м... Теоретик, теоретик... А-а, была не была. — решил рыцарь, — хуже не будет. Попробуем».

 Может, кочешь чего-нибудь съесть? — предложил
 Дракон от чистого сердца. — Ты только скажи — я мигом сготовлю! Вот, например, дикий кабанчик потрошится, набивается лесными орехами пополам с фаршем из голубиного мяса, все это жарится на медленном огне до готов-

[25] СТИХИИ ПРОЗА

— Нет. — изобразил печаль Брадисхольм, благо, особо стараться не пришлось — приближение смерти мало у кого вызывает ашетит. — Благодарю тебя, сар Дракон. но я вынужден отказаться.
— Ты уверен? — засомневался Дракон, у которого от

— на уверен. — засолнываль дальоп, у которого от собственного расска за давно текли слюнки.
 — Абсолютно уверен. — заверил монстра Брадисхольм. — Но кое-что ты мог бы сделать, сэр Дракон, дабы

облегчить мне прощание с жизнью...
— И что же это? — в глазах Дракова зажегся огонек

интерсса.
— Мне стыдно признаться... — начал рыцарь. — но ...
не мог бы ты... из уважения к нашей едва не возникшей

ме могольдружбе... — Ну-ну. — подбодрил Дракон. — В моей седельной сумке остался один портрет.

щаться...
— Возлюбленная? — деловито поинтересовался ящер

— Болонова поли вызвал прилив крови к щекам.
— Не стесняйся. — сказал Дракоп. — Эдесь все свои.

ском. — Нет. — покачал головой рацарь. — Не совсем... — О-о! — вдруг морда Дажкив распламась в понимающей укмение. — Эначит, возмобленный! — Бог с тобой! — замажал руками рацарь, краснев уже по-пастоящему. — Мы такови делами не балуемси... — А камыми вы балуется.

— А кавизи вы балуетесь?
Брадисковы тянков водскијух:
— Честно говоря, никакими.
— Как так? — изумниса Дракон. Почесал бровь. —
А-а! — сказал он мизионемы позве: Голос его подрагивал
от скрытой радости. — Ты, значит, тоже?!
— Да. — потупился Брадисхольм. — Теоретик. Уже
третий год.

Дракон завалился на спину, радостно хрюкая, что, по всей видимости, означало высшую степень сочувствия к бедолаге рыцарю...

.— А кто изображен на портрете? — спросил Дракон.

отсменяцись.
— Ну... у тебя вот картошка с салом, а у меня...
— Любимый рецепт? — Рыцарь кивнул. — Особенное блюдо? — Рыцарь снова киннул. — Та-а-ак, — за-думению протянул Дакон. — Значит, хочешь и... — Рыцарь беспомощию развел руками. — Теоретик! — захрюкал Дракон.

Он ухватился чудовищными лапами за огромный живот, так его трясло от смеха. — Ой, не могу! Самочки, изящвыт, грациовные, ножемам тренью, гререню, крылынками бяк-бяк, чепуйка тонкая, нежняя, отнем играет, глазин ко-кетливые, ланки мягкие, такие формы, такой плезир... И ты всего этого лишмскэ? Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Ой! —

Дракон в изнеможении прикрыл глаза лапой. — Бе-до-лага! Ой, не могу! Ой, держите меня! — Ты уж извини, — Дракон виновато почесал бровь. — придется тебе пешком. До ближайшей деревни миль пят-

надцать... — Ничего, — Брадисхольм забросил на плечо ножны с мечом. — Я дойду. Прощай, сар Дракон! Спасибо за при-

Сменан. — и долад, прозданите ра-житуро боссар.
Он повернулся к зверю стиной.
— Бывай! — Дракон игриво помахал коттистой лапой.
Уголки его пасти исудержимо пополали вверх. Дракон улы-

бался. — Бывай... теоретик! Лицо рыцаря пошло пятнами. Он скрипнул ауба-ми, пальцы на рукояти меча побелели... Заставил себя

27 стихиинроз

ИВАН-ЧАЙ

расслабиться, глубоко вздохнул и широким шагом направился по тропе через лес. Пятнаддать миль, значит... Пятнадцать.

Широкая крылатая тень накрыла поляну, стремительно упеличилась в размерах. Испутанно заржала каурая кобы-ла... Удар. Крик боли назался почти человеческим... Огром-ные когтистые лапы произвил лошды наккова, дарако уднул сверху, круша кости огромным весом. Брызнула кровь..

кроив... Дракон с огромным сожалением подиялся с бездыхан-ной кобылы, отряхнул лапы и несколько раз вонзил когти в землю, счицая кровь. Подцепив указательным когтем прав вежно, счищав кроив. 1 годдения увъястельным когтем пра-вой данны седом, он выстащам се го из кронавній кании, стражи-ная куски плоти и осколки костей. Аккуратно отщенил се-дельную сумку с вышинтым на ней изкоїражением белло из-с красными ромбами на лепестнах. Изкоїражение было изрядно замазано кровью, но суть улавливалась и так.
— Бубновая Роза, — довольно проворчал Дракон, рас-

стегивая сумку. Спустя минуту он вертел в лапах небольшой портрет, выполненный маслом, хмыкал, вздыхал и задумчиво чесал

попильтеннов маслом, дмовале, вадовале и вагрумчини чесал бропь.
— Страшна как смертный грех. — констатировал в конце концеп Дракон. — Даже для человека. Бедный сар Брадиехольм. Пложи его дела, если он ТАКУЮ счита-ет особенным блюдом!

— Благородный сар. — обратился к Брадискольму юнец с едва пробивающимися усиками. — Мое имя Лопис Галлагард, я племянник сара Гарета Длиннок Копъе... — А-а, — понял раціра. — Так это тебе я должен был передать портрет девицы Изольды?

[28] СТИХИИПРОЗА

Брадисхольм с интересом наблюдал, как уши юнца приобретают нежно-пунцовый оттенок.
— М-мнс... Я. знастс...
— Знаю, — кивнул Брадисхольм. — Гарет мне гово-

рил. Жениться собираешься?

Юнец замялся, щеки заалели.

 Ага, — кивнул он наконец. Рыцарь одним махом опрокинул в себя кубок темного вина, хмыкнул, пожал плечами:

Извини, парень, не повезло тебе. Потерялся твой

портрет.

К.как потерялся?!

— Заломна руки нонец.

Дракон,

— торжественно сказал Брадисхольм.

Огромное опкедышащее удовжще размером с... вот этот сарай... нет, больше! С два сарая! Когти, как мечи, трехфу-

товые зубы, кошмарные лапы... Я чудом остался жив. дракон же позорно бежал, прихватив мою лошадь со всеми ве-

кон же позорно оежал, прихватив мою лошадь со в ксыи ве-прами. Я драждь, как лев, ю... Не в моих силах догнать ле-тающего дракона! Глаза юнца разгорелись. Потом снова погасли. — А как же... — произнес он, чуть не плача. — Как

же...

Я тебе ее опишу, — снизошел рыцарь.

— Правда?! — Правда.

Юнец в великом смущении почесал руки. Потом всетаки решился: — Она... красивая? — И затаил дыханис в ожиданин

ответа.

— Красивая ли она²! — завопил рыцарь. — Ты спрашиваещь, красивая ли она²! Да, — продолжил он тоном ниже, скрестив за спиной пальцы. — Да, она очень красивая. Женись, парены Сейчас же пошил катов, пусть договорятся о снадьбе! Не тяни, парень, иначе потом пожа-

[25] СПИХИ ПРОЗА

— Почему?!

— 1 гочему!
— Уведут, — отрезал ръздарь. — Из-под самого твое-го носа. . А вообще, семенная жизнь — самое прекрасное, что может бъть на белом снете.
— Вы бълд женаты?

— Нет, не был, — сказал рыцарь. — Я... — тут ры-царь замешкался, подбирая нужное слово. — Я. знаешь

ТРИ МЕРТВЫХ БОГА

Фантастический расская

— Рр-а-а-а! Воспоминани — Ро-10-а-10 Воспоминие детства: резущая тодив, иввернутые гольми руками камии мостокой Улицы Севроса, рухань, бестив, крики. Даджам Одавий, строминів, вескомсенный, небритий, с глутим разманем поднимающий над голокой (крино. «Шложий — крини даджа Это просто понятию. Даже мие, вослиметнему мальчиние. Шложи — подорге, дамери даджа с дружамым позымет, кеме будет радость. Даже мие, Титу, пусть в еще маломат для камия из мостокой. В прорем, для шлож в маломат тоже. Сейчас, набрая сорок лет жилин, став стариния центу-ронком Титом Востумен. За полименно, от даджам бал правитот, кто ведет за собой, всегда называет сложные вещун проставме коложим.

тот, кто всегт за солон, вестда называет сложные вещи про-ставни кложами.

Что было горожанам до свободы мечности, до прав и масти, до легитимности. или как ее там? Сложныя вещь становится простой, когда ножда берет слово. Оптиматы — грязные свыни, трибун — восъм, татрищи — шложи. Это было повиятно мис. восъмнаетнему... И тем более понятно всем остальным.

[30 стихии пеоза

_ Pρ-a-a-a!

Это было страшно.

Ревет толна, бежит толна. Потоком, мутным, весенним, иссущим мусор и цепки... И я, восьмилетний Тит, будущий задлица-центурнон, как меня называет легионная «зелень», тоже бегу.

...Когда навстречу потоку встал строй щитов, я подхватил с земли камень и швырнул его изо всех сил. Эх, отскочил! «Молодец, пацан!» — ухмыльнулся кто-то, вслед за мной нагибаясь за камнем. Булыжники застучали по щитам — легионеры выстроились «черенахой» (разболтанной

и не слишком умелой, как понимаю я с высоты тридцати ает службы), но вреда каменный дождь напес немного. Вскрикнул пеудачливый легионер, центурион приорал ко-манду: что-то вроде «держать равнение, обеаъяны!», строй щитов дрогнул и медленно двинулся на нас.

Ото овам странно. Атака жегима странню. Иногда, проверяя выучку центурий, я встаю перед строем и приказываю маладшему: шагом — на меня. Строем, без дротиков, молча... Озноб продирает хребет, скумы сами собой твердекот

— кажется, я снова на улицах Скирска, и спова сверкающая змея легиона глотает улицу стадий за стадием... Я кричу: подтянись, левый край, не говно месицы!

Я говорю: четче шаг, сукины дети!

А после, снимая шлем, чувствую пальцами влагу на подкладкс. — Pρ-a-a?!

Толна не уверена. Толна помнит: ей были обещаны шлюхи, а эдесь вместо того, чтобы покорно лечь и бесстыдно раскинуть голые ноги... Эдесь глотает улицу бронзовая эмея, эмея легиона... Почему-то кажется: это был вечер, закат: в сумерках бунтовать веселее, легче, факслы — какой бунт без резвого огия? — в истерпеливых руках. Шкура змеи-

ная плавится бронзой... Я, тогда черноволосый, ныне наполовину седой, смотрю.

[31] СТИХИППРОЗА

Прекрасный ужас наступающего легиона — я замер тогда, голова кружилась. Замираю и но сей день, стоя перед строем и командуя: шагом — на меня... Строем, без дроти-

ков. молча. Дадых «Флавий тоже растерялся в первый момент. Но он был умнее толпы (впрочем, даже восымлетний мальчишка умнее ее), и он был вождем. Простой гончар, мастер, он не ужел ревращать воду в вино, как бог христиан, мато он умел другое...

зато он умел другок...
Он делал сожное простым.
— Менты покорные!
Алька Фланий, бог толны...
Спустя тридцать пять дет, вспоминая тот день, я вижу:
бронязовая амея унирается толстым лбом в лоб бунтующего

потова.
Двери, доски, плечи — все пошло в ход, когда двдама
Флавиб сдела сложное простъм. Скринят костъ. Я, как
навву, слащу тот явум с сминиеваме тела, тресквощнеся
ребра. Давит легион, давит поток, никто не хочет отступать. Бризговаля замен против телного быкат.

— поворят, удав охотится, ударом головы отлушая
костъм

жертяу.
Дядька Флавий — в первых рядах, подпирает плечом огромную дверь. Върваниве с мясом броизовые петли вид-ны мие даже отскод, со второго этажа, худа меня заботы ла чъя -то заботливая рука. Подо миой сплопной поток, без просвета. Кажется, спрыгнув вниз, я встану и пойду, как по усы-

плажется, спрыгнув вина, я встану и пойду, как по усыпанияму канизми стратуму, огладяваясь и примечая вот канит, скобарь, в перекошенном руг и кватает половины зубов, вот Сцевола, нап сосед, ражжий, как ... Вот дадкам с Олавий, все то яжил и мостей, плечом — в ликрь, словно за ней сластлямя жизивь, в которую не пускиот. Но ладала снаьный, еи пробъется... $-\rho_{p-a-a-a} | A_{-a-a} |$

Из задних рядов летинеров летят дротики.

Он всегда был силен, мой дядька, даже тогда, когда лег под градом дротиков, умер не сразу. Центурному пришлось даждум вонзать в исто меч и дяжды пережидать конвудьски умирающего... Центурном, плотный и красноанцый, казался мне жутко старым, хотя, думаю, он тогда был моложе, чем я сейчас...

Так умер бог толпы.

— ...Я хочу стать солдатом.

— ... и хочу стать солдатом.
— У теба белос лицо, мальчишка. Еще великий Цсаарь говорил: испутайте человека. Если его лицо покраснеет — он храбр, если же побледиест... Ты — трус, а мне не нужны трусы. Пошел проче!

Трибун цедит слова, гордясь высокомерной, нахватанной — не своей — ученостью. Он молод, лет на семь старнои — не своен — ученостью. Ол молод, ает на семь стар-ше меня, тринадрятментемес, и ему сеть счем позвастаться. Он читал «Записки о Бальской войне», помнит Цицерона и, наверное, прицитирует по памяти «Природу вещей». Мое образование проще: мятеж, додъка Фланий, короткий меч,

яходящий между ребер, долгие скитания, одиночество, голод и боль... Зато я знаю то, чего не знает кичливый трибун второй когорты семнадцатого легиона. Я знаю: сложное можно сделать простым.

Я ухожу.

- ...Я хочу стать солдатом. В повадках центуриона есть что-то волчье, хищное, слов-

но он недавно вышел из леса и завернулся в человеческую шкуру: кряжистую, с крепкой шеей. Седой ежик венчает круглую лобастую голову. Глаза смотрят задумчиво. Дурак, — говорит центурнон, широкая ладонь по-

чти ласково касается моего затылка, сбивает с ног. — Ты молод и глуп.

Центурион уходит.

— А ты — старый козел! — кричу вдогонку. — Я достаточно храбр, чтобы сказать это?

иван чай

Центурион оборачивается, с усмешкой смотрит на меня,

сдентурния подрачивается, с усвещення бытири на меня, слащего в пьам.

— Достаточно глуп, чтобы крикнуть.
Я пенавику эту ухимыку так иск. как ненавидел брон-зовую змею, покравиную улицу моето родного города...
В стать, зелены! Подойдешь к Квинту из питой па-— встать, весены 1 (подощенно к Маниту и в питом латки получины выть палко по задице и окасал. Скаженно- я приказал. Потом пойденн на поварино чистить котам. Все. Провальний, чтобы я больше тебя не видел... Я чунствую: он знает. Сложнос — сдесать простым.

— Барро-а-в-а!

— разръ-а-а-а:
Восполинание юности: ревущая центурия бежит, пыта-ясь держать строй; крик разъяренного слона «Барра!» в нашем исполнении больше похож на вопль перепутанного

словения.
Перед нами темпеет фигура центуриона Фурия, белеет его лице; выражения с такого расстояния не разобрать, но я умереи, мы все уверены, что центурион Фурий Лупус, Фурий Волк, сейчас ужмыляется. Думаю, ненависть нашу он тоже прекрасно чувствует, даже не видя выражения

БАЗК...
— Держать равнение! — его голос легко перекрывает наши волам. — Левый край, подтинуться!
— Баро-за-зі
— Твою мать! — бетущий перед омной споткнулся, выронна держанный меч, пробежал несколько щагов, заваливаеть вперед и высоко взаманням руками. "Дарка переднего под колени плечом — тот тоже упал, ругаясь на реднего под колени плечом — тот тоже упал, ругаясь на чем свет стоти. Я пробеждае по увавшему щегу...
— Делай, нак я! — кричу.
— Переприятить барахтающуюся кучу со щегтом в одной руке и дорименной деревшикой в другой, в достежа — не так-то присто. Делой негой — на свину демящему — раз!
Правой ногой — уже на землю — два! Бегу.

— С-сука! — орет сзади обиженный голос. — И ты с-су... И ты! И ты тоже!

По стопам моим, так сказать.
В тот же день, вечером, Фурии подозвал меня. Все ушли в палатки, на другом конце лагеря кто-то громко требовал: «Арторикс!», а волк-центурион — непокрытая голова, седой ежнк и глубоко сидящие глаза — улыбался и молчал. И я молчал, только вот не улыбался...

Ненавидел. — Дурак, — сказал Лупус неожиданно. — Ты пра-

вильно поступил сегодня, ты не сломал строй... в настоящем бою ты спас бы этим множество жизней... Но я уверен: сегодня ты ляжешь спать с разбитым ртом. Я не буду вмешиваться. И еще: ты вряд ли станешь центурноном. Все. Проваливай...

 Я стану центурионом, — шептал я, ложась спать. Распухшие губы болели, щека кровоточила изнутри. Из четверых, что напади на меня ночью, трое выполнили команду «делай, как я». И среди них не было никого из ле-

жавших тогда на эсмле... — Я стану старшим центурноном.

...Мне потребовалось на это двенадцать лет...

— Когда вы толла, вас легко уничтожить, — говорит центурион, расхаживая перед нами. — Но строй... строй разбить гораздо сложнее... Тит, Комус, ко мне! Защищайтесь!

В следующее мгновение удар и голову валит меня с ног. В ухе — звон, в глазах — темень. Глухой гул. — Встать!

Привычка ваяла свое. Встаю. Даже не встаю — вска-

Привычка вявла свое. остаю, даме и е. в. том. — в., маек имаю. Кос-как, скиоза туман углядел Комуса, на его лице — обалдение. Спорим, у меня такое же. — Это было просто, — говорит Улугу, спотирая здоровенный мозолистый кулак. — Я напал на них пожиданно — раз и два, они были сами по себе. А ну-ка!

В этот раз я успел поднять щит и приднинуться к Комусу. Кулак центуриона бухнул в щит — я даже слегка подался назад.

1 готом... — Делай, как я! Качнулся вперел, плечом — в щит. Комус повторил за мной. Слитным ударом Лупуса сшибло на землю. — Делай, как я!

Я занес ногу, целя в ненавистный бок... Я стану центу-

Колено опорной ноги произила страшная боль, казалось, кипятком плеснуло изиутри... Падаю!

кинятком тлеснуло иниугри. . Надаю!
— Врату что- то кажется простым — сделайте это слож-ным, — заговорил Фурий, стоя надо мной, обхватившим пыламищее колено.
Я ричал, стиснув зубы, на главах выступили слевы.

Скорее всего, в следующий раз он десять раз подумает, прежде чем нанести удар.

— Ненавижу. — хрипел я. — Убыо Сука... Нена-

девадать высемя лет прималь, но в помни, лак овло, легко и просто пенавидает тебя, старший центурном Юурий Лупус, Фурий Волк. И как стало сложнее, когда по навету мальчишки-трибуна — того самого, который был на семь лет меня старше, был отдан под трибунал и казнен волк-

чатем с удивлением обнаружил, что ненависти как таковой больше нет. Есть привычка.

— Этого и следовало ожидать, — сказал Лупус обы-

— Этого и следовало ожидать, — сказал туркус обы-денно, словно только меня и ждал, сидя под арестом. — Ты вечно лезешь в неприятности, Тит.

— Я принес меч.

Легкий клинок (даже с ножнами он легче той деревяшки, с помощью которой нас учили владеть оружнем) лег перед центурноном.
— И что с того? — усмехнулся Фурий. — Думаешь.

я брошусь на меч, как это делали опозоренные военачаль-ники? Спасу свою честь? Так думает старший центурнов Квинт Гарс. Он послал тебя.

Я умолчал, что сам пришел к приору с этой просьбой.
— Так думает не старина Гарс. — сказал Фурий, глядя мне в глаза, — так думает трибун второй когорты.

— Трибун считает, что победа за ним. Возможно. Но

я не дам ему победы так просто... Броситься на меч — сдаться без боя. А на суде я скажу о нашем доблестном трибуне пару слов...

пару слов...
— Іотов поспорить, ему это не понравится.
— Я рад. что тъп пришел. Тит. — сказал центурион. —
Хътъ ты и поступил по-дурация... Смирно!
Я выпрямился.

— Возьми меч, вернешь Квинту Гарсу. Пусть отдаст

трибуну с помеланием броситься на мес акому. Скажешья приназал. Потом ступай к себе, завтра — марш в полной выкладке, двойная порма... И сще: ты станешь хорошим центурноном. Старшим центурноном... Все. Проваливай, чтобы я больше тебя не видел...

Так умер бог солдат.

Простое для врага должно стать сложным.

Трудно быть стариком в теле юноши. Когда смотришь в зеркало и видишь вместо привычно-

го дубленого лица с насмешливыми морщинами в уголках Впрочем, я не так уж часто видел свое лицо в зеркале.

В озере, в реке, в луже, в понаке для скота, в чечевичной

ИВАН-ЧАЙ

похлебке — да. Зеркало для меня диковинка. Это не как

похлебке — да. Зеркало для меня диковника. Это : ве как нада начистить бронзу...
Вирочем, ято не бронаь Серебро? Видел я «дивандам быстрое серебро, рутк... Так и кочется взять его в руки и катать лучиства шараки по дадони, мобуко и прой вегат с Торажене Шерке по дадони, добуко и прой вегат с Торажене! Зеркало — ято застывшая ртуть. Я поиял. Надо же, молодец Тыт Волхуний, старший центурнон, — в селой голове мысали, до сих пор шевселите.
На главное все же не это.
Андер — не мос. Совсем. Даже не римлянии. И не грек. Италиец, может быть... Тал.Э. Франиец? Тепца? Гот? Геруя? Те сольще рыжие...
Мятений овал лиця, пебламами челюств внесто моей тяжелой, уни слетка оттотыренные, явно неправленные и шему! Пірамов нет. Совсем. Кожа белая, пежня це...
И он — тот, что на веркаме. — молох.
И он — тот, что на веркаме. — молох.

— Дим! — зовут за дверью. Мягкий и енский голос так и представляется ладиая денушка. с широкими бедрами, рыжевилосая. Эх, было время! — Дим. — голос становится исуверенным, — с тобой все в порядке? — $\Delta \mu_{\rm A}$, — отвечает тот, что в зеркале. — Сейчас вы-

Не датынь и не фракийский, даже на германский не очень... Впрочем, на германский похож. Готский? С ка-ких ато пор, интересно, я понимаю по-готски? И даже гоких это под. п..... нирю:
— Да не расстранвайся ты так, — утешает голос за

дверью. Точно, рыжая! Чую, можно сказать... Красивая. Ры-

жие — они все красивые. — Не каждый же день в астрал ходить. Буря магнит-ная помещал , еще что-нибудь...

[38] СТИХИ И ПРОЗА

Буря? Магнитная?.. А ведь ее Надей зовут. И она действительно красивая. Вон как набедренная повязка ната-нулась... знаю я Надю, хорошо знаю... Впрочем, не я. Мальчишка в зеркале знает. И давно он из детского возраста вышел: лет ему двадцать четыре, и родился он в ав-

Родителей его... моих... зовут Александра Павловна и Валерий Степанович. А фамилия... родовое имя его... мос... Атака легиона — ато всегда страшно.

— Дима, ты что замолчал?
— Да. — говорю. — Да.
Мой отец Марк, мать Луцилия... А меня уже двадцать дет называют Тит Волтумий. Старший, клянусь задинцей Волчицы, центурион! Сложное сделать — простым. — Дима!

...Надя говорит, что «после спиритического сеанса» у меня изменился взгляд. Возможно. Мужчина от мальчишки отличается в первую очередь тем, как он смотрит на женщину. Еще Надя говорит, что мой отказ от мистицизма ее радует, потому что — как она слышала — дух мертвеца может вселиться в тело того, кто его вызвал.

Ерунда, говорю я, все это ерунда. Ерунда, соглашается Лисичка. При этом взгляд ее становятся очень странным. застывшим, словно она что-то ищет и надеется... не найти.

Я замираю, потому что если однажды Надя найдет... Я, оказывается, уже не могу без нее жить. Тогда же, открыв дверь ванной, я подошел к ней и об-

нял. Жаром опалило лицо... Эх, мальчишка, зелень легионная!

— Дима? — губы раскрылись в радостном удивлении. — Ты это... годовой не ударидся? Нет? — А сама в объятиях млеет, крепче прижимается.

— Ударился, — сказал я. — Когда тебя в первый раз увидел. С тех пор и хожу ушибленный...

[39] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

— Правда? — в глазах такой огонь, что душа плавится. — А я знала... Весь из себя холодный, а иногда так посмотоншь...

«Дурак ты, Дима. Молодой и глупый, Головой в дет-стве все камии обстучал. Наверное, правильно Надя говорит...»
Такое простое — сделать таким сложным.

Себя больше врага боншься...

Трудно быть стариком Когда чувствуень себя старым не потому, что ноют бы-лые раны и сломанные когда-то кости предвещают перемену погоды...

иу погоды...
Впрочем, старым я себя не чувствовал. Дураком чув-ствовал. Сначала все удиналал опянняюй и необычноством и высете с тем какой-то-странной, квичальной знакомостью... Впрочем, лишь для Тита Волгумыя это была новизна — Дима делал, года, на тарахтирые безлошадные попозни; жена всела продостающим железным (1) титцым: челал, годая на выдовад, ситы опинять ущи; вселы, просто желал. — и всела за ним чевал центурной. Узнавать было радостно и скучно. Скучная дадость.

Скучная радость. Иногда я путаюсь, присваивая воспоминание Димы цен-

туриону, в другой раз драка в средней школе номер два почему-то проходит с применением холодного оружия и манипулярного строя.
Мудрый центурнон Мяхайлыч...
Старость приходит не с сединой и усталостью. Моим

Старостъ приходит не с сединон и усталоство. Мном волоса мо седини еще далем, а усталота въз долне годы съужби в привък в одно и то же време — после отбол... Привъчва — вог и чем дело. Я — привъм Г. Привъм безть старним центурновом. Привъм съглатъ во рассения илизител задионовъ, привъм сузаствоватъ, иза холод режет килен под тиним одеждом, привъм стральть привъстения куза соддателях котало... Привъм стральть привъстения старатъ привъм старатъ привъм стральть привъстения старатъ привъм старатъ привъстения старатъ старатъ привъстения старатъ привъстения старатъ стара

и получать сам. Привык к строевому шагу, к тяжести гребенчатого шлема, к ощущению потертостей на затылке и висках... Боги, мне даже снится этот дурацкий шлем!

Старость — когда начинаешь ценить не удобство, а при-

вычку.
...И, даже обнимая теплое, домашнее тело Нади (рыжей моей, Лисички, любимой... единственной, хитрой и курносой...), лежа под пуховым одеялом в теплом и уют-

и курінссии...), лежа под пудовам одолом и теплом..., устном доме, я долго не могу заснуть.
Стоит міе задремать, я вижу: бронзовая эмея разворачивается на улицах Скироса, руки, факелы... Рр-а-а! Летят дротики.

Сложное -

- простым. И еще... Иногда я вижу холодный лагерь легиона, серое утро — рано-рано, часовые на башенках мерзнут в коротких плащах, на ветках деревьев, черных, осенних, по-

Дыхание паром вырывается изо рта. Я шагаю но уэкой дороге, закутавщись в шерстяную накидку, голова моя не покрыта, холодный ветер теребит давно не стриженные волосы... мне снова тринадцать лет. Я иду в легион.

Вот так.

Когда меняешь работу не потому, что прежняя тебе не

нравится или дает слишком мало средств на проживание... Впрочем, я не так уж часто менял работу. Мой послужной список (а работал я в различных охранных агентствах и иногда тренером в военно-спортивных клубах) был прекрасен.

Меня уговаривали остаться, сулили повышение зарпла-ты, различные блага и яыплаты. угощали коньяком и виски... Впрочем, я инчего не пью, кроме вина.

....Угощали редким вином, дарили оружне и путевки в акоитические места. Однажды, побывав в Риме, а по-се— в Балири, я арекси в путенествовать. Хотя Ли-сичке в Риме поправилось... Первую понь-там в бовька сойти с ума. Умьдев паутро мое лицо. Нада с собрала вещи и реши-тельно вивирула егем домой. Нада Р ляк же. 2 Домой После мы выбирались только в Подмосковое, к Нади-

После чла выбирались только в Подносковые, к Надимым расственнямам.
— Служевай — оцених мою выправку «центуриона
в синс-черном вырхадском наряде. — Звание?
— Стараной центурион, первый занинум тогорой когорта ссинадаетито летовия. — отческних я. — Орънки, трета Істтекая Компания. «тепетра Істтекая Мися паграды.
Лиця - аентурнови, растианнялось в неумеренняй умябие.
— Ты... это. Да?
— Италия, — подсказал Дима, — майор, »
— Я служна в итальянский армин, — сказал я, — дослуженок до майора. Петим уехал, домой потвирую.
Умицы Скироса.
— Ну ты. брат, даецы — присвыствуя «центурнов»,
дужески колинув по вмечу. — Скажи, что срочную служим.
— тогал, может бетть, внееров, а так...
Он натолицукся на мий вяслад, поперинулся, дамолчал.

миль... тогда, может оветь, вянерям, е папедхнулся, дамолчал. Руки потянулись межать шов на бримах: — Товарицу вайор? — Вольно. Ну что, берете на службу? Так впервые в жизни я подучил работу...

Трудию. Митроров три года. Я родился двадцять семь лет на-вал. со дня же моей смерти прошло около семнадцяти вс-ков. Мое вмя Тит Волучий, а зомут Дмитрием Валерьеви-чем. Я старицій центурног римського летнона, забімший как будет по-латыни: унал-отжался. 42 СТИХИНИЮЗА

Моя жена — рыжая красавица Надя, которая считает, что мертвые могут вселяться в живых. Ерунда! Мертвые могут вселяться только в мертвых... Я тому подтверж-

Моей жажды жизни хватило на двоих.

А может, все это — только сон умирающего на поле боя старого солдата. Я не знаю, как должны умирать стар-шие центурионы, но очень надеюсь — быстро. Впрочем, мне рассказывали: в миг до смерти перед глазами прономие расскаямвами: в мит до смерти перед глазами пропо-сится вся яняям. Не внам, что вспомнил, то вспомнил — и я не собираюсь умирать. Я собираюсь вернуться к моей Ансичке, рыжей, ласковой... Вернуться, последний раз по-быв дентурноном. Самим собой.

Смотрюсь в витрину. Недавно по этой улице прокатилась человеческая волна, гоня перед собой нескольких серых, неосторожно выскочивших на толпу. Легионерам удалось уйти, но брошенные циты и черные дубинки лежат на мостовой... Лежат и чего-то ждут. Ждут возвращения серых..

Смотрюсь в темное зеркало. Нет, не центурион. Мирная сытая жизнь расслабила лицо, убрала складки со лба, смягчила линию подбород-ка. Словно линии с восковой доцечки, стерты морщины: лучистые — из уголков глаз, насмешалные — от губ, скорбные — от крыльев носа. Разве это Тит Волтумий, Тит-центурион, гроза легионной зелени, одна ухмылка которого заставляла белеть от ненависти сотни лиц?! Не

Мне все еще снится дорога в легион, где я — тринадца-

— РАЗОЙДИТЕСЬ! — авучит усиленный мегафоном голос. Трубный глас. — ЭТА ДЕМОНСТРАЦИЯ НЕ САНКЦИОНИРОВАНА! ПОЖАЛУЙСТА, РАЗОЙ-ДИТЕСЫ ИНАЧЕ БУДУТ ПРИНЯТЫ ЖЕСТКИЕ МЕРЫ!

ИВАН ЧАЙ

Вот оно. Поворачиваюсь, вглядываюсь в конец улицы. Поляет вмея. От стены серых цитов отбетают люды, поворачиваются, гроят куллами, кричат. Снова бежут. Радом со мной, у некоего подобия трибуны (как я не люблю это соной), собърсте народ. И пороулка поляди нени вынишнивает и останавливается в растерянности сце одна группа лемонстрантов.
— РАЗОЙДИТЕСЫ ПОЖАЛУЙСТА, РАЗОЙДИ-

TECH!

Серая змея легиона глотает улицу стадия за стадией... Озноб в затылке.

Озноб в затълже.
Снова смиров в вигрыну. Есты
Скиозь гражданскую припухлость проступает знакомая
жестность. От краллен виса берт склады, у уб. в, вусовказа — принячные насмещиване морщины. Пробую умыбнуться — выходит совершению по-волчаь.
Твт Волучий, старший центурнон.

"Я вскаживаю на возвышение, расталкныя народ. Ука-

.. Я всканиваю на возвышение, расталкивая изрод. Указыкаю в герофу ирибанизовириех серых:
— Сейчас будет бой! Нужию организоваться!
— 3-а-а? — недоумевает толи у моих ног.
Эх. сюда бы мадьку Флавие! Он бы сейчас скавал то
сымос.. Самое вужное и доходчиное...
— Шложи! — ору я.
Сдедать сложное — простым...
— Нутаны! — недхватывает ликующая толпа.
— Менты поворные! — снаснбо, дядьна Флавий, мертивб бот толия.

твый бог толпы...

твый бот толим.
— Ментаї
Спрытивью с трибунім.
— По центурнам, поманинулам — стройся! — коман-дую я, подхватывыя с мостовой потервиный серьми цит.
В другую руку привычно ложится камень. — Делан, как в! Асеккая заминик. Сперва застервиню, зажате всесло и дружно выстраивается ряд, еще один. Щиты...

[44] стихиниеоза

— Куда лезешь! — ору. — Ты н ты — во второй ряд. Ты, со цитом... Дв. рыжий, ты! В первую шеренгу! Ше-велись, обезьяны! Шагом марш! — командую чуть позже. — Подтянуться! Четче шаг!

Они подтягиваются, ровняют шаг, словно мон команды на жуткой латыни с фракийскими словечками им хорошо миткноп — Спасибо, Фурий Лупус, Фурий Волк, мертвый бог

солдат! Пусть серые помучаются. Их встретит не толпа, где

каждый сам за себя, а такой же строй щитов... Нет, не такой же — куда им до профессиональных воинов! — но все же. Ты знал, центурион, главное правило полководца: про-

стое для врага — сделать сложным. Шагом — вперед. Строем, без дротиков, молча.

Навстречу движется серая змея, змея легиона, глотая улицу стадий за стадием. Прекрасный ужас — я на миг замираю, как в детстве и как замирал, будучи старшим центурионом Титом Волтумием в свои сорок три года и семнадцать чужих всков назад...

— Барр-а-а! — кричу я. — Урр-а-а-а! — подхватывают остальные. Крик пере-

пуганного слоненка, ей-богу! Озноб продирает хребет, скулы твердеют. Скоро столкнутся лбами эмси: серая, чужая, и наша, где рядом со мной шагает дядька Флавий, вздев могучими руками вырванную

дверь. Где на другом фланге, склонив круглую голову, держит строй старший центурион Фурий Лупус, Фурий Волк, нацепив на губы неизменную ухмылку...

Подобранный щит, непривычно легкий, словно при-меряется: вот сюда я приму первый удар чужого щита, чуть подамся назад, пружиня... заставлю противника потерять равновесие... Затем — толчок плечом. Эх, будет

Я кричу:

— Подтянись, левый край, не говно месишь! Я говорю: — Четче шаг, сукины дети! Будь на мис сейчас шаем. я бы почувствовал влагу на полкладке...

ОСТАВЬ ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ **ЛЛЯ МЕНЯ** Фантастический рассказ

Вообще-то я уже умер.

Вч р .
Или сегодня.

отская отдельным станов, это вым не выдычим.
— Центральный шесть годин-воссыь, конец связи.
Молчание. Следующий отсек.
— Орудийный два-воссыь-три, прием. Орудийный два-воссыь-три... Прием. Прием! Прием! Ответьте локаторио-му отсеку. Прием.

...Патрик Свейзи и Дженифер Грей обнимают друг друга под «Hungry Eyes». Я десятки раз видел эту сцену, но смотрю, как завороженный. Долгие дни (годы, вечности, минуты?) после аварии я пытался танцевать... Старый фильм, из тех времен, когда люди ни черта не смыслили в трехмерной съемке, точечном монтаже или контактной передаче. Плоский фильм. Древний и наивный, как реактивная тяга...

объеми фильм. Дужиния плавивной, вое ју объемистичный.

— Вообще-то все мы умерам.

— Орудийный два-восемь-три, конец связи.

— Орудийный два-восемь-три, конец связи.

Молчание. Следующий отсек. ..Что заставляет пилотов прыгать?

... что заставляет пилотов прыгать?

Я хотел стать пилотом — как мой отец. Почему не стал?
Сам спрошу и сам отвечу. Сейчас у меня есть время... мне
некуда торопиться. Методично обзванивать отсеки и смотреть старые фильмы на уцелевшем акране — отнимает не так уж много вечности. Моей молчаливой вечности... Тем более что фильмодиск у меня только один.

«Гоязные танцы». ...Оказывается, я люблю танцевать. Я понял это, когда

левую ногу в скафандре высшей защиты зажало при взры-ве. Колено всиятку, локаторный отсек — в гармошку, двух операторов, капитан-лейтенанта Шкловского и техника связи, — в броневой блин с мясной начинкой. Обычно говор-

ливые, ныне они молчат .. Все молчат Но я продолжаю обяванивать отсеки.

— Центральный шесть-один-восемь, прием... Иногда я понимаю, как страшно мне повезло. Если я

тиода я поимают, как стравно мне повезко. Если я синственням уцеленций на корабле офщер (а суда по мол-чанию сиязи, я вообще синственный уцеленций), то могу поздравить себя с повышением. Лейтенант Горелов, коман-дир эсминца «Веззаветный», порт приниски: Нью-Мехико.

1471 стихин проза

Юлитер: Военно-Космические Силы. Прощу любить и жалонать! Очень любить и очень жалонать. потому что корабъв под мони командованием дейфует в неизвестном нарвамение и сензаестной коростью, удаляясь от точки скачка. Но я — командир эснинцы...
В спом даладать три года.
Такое везение трудно не наввать стращным...

Выход на сначок — особое психологическое состояние. От пилота требуется спокойствие духа, собранности и... Вог имению И что-то седь, имеальны приберамы не регистрируемое. Вольший Варыв — так называл это отер, спачала гольая станавител вустой и меняюй, по спине бетут мураниям, а хатальок сподят мунительно и сладко... Вред. Объемый пределенной бреда. Петому что »— не инкол. Потому что точка скачад даже по вади — не пестотрые, по служам, уводами корабля с растояния в исклюжом также и можетры. Не только нектотрые Пакита. Може особот этальта». Такий объем за обото средениям неготрые, по служам, уводами корабля с растояния в исклюжом траната». Паки объем за объем станавить по точка и меняють. Не только нектотрые. Пакита. Може объем за также по настраниям по точка и на провененть меняют достования «Альбятрос»? Думал а провененть меня у семистетне с свы на вачений вкий рызмышого Враваа? Не знако Момет, и нет...

Однамо меняють кторетиль стое у депростерттами объемного в терето на переоструттами объемного нестот станавить объемного нестот с депоростерттами о Выход на скачок — особое психологическое состояние

Однако вечность встретила его с распростертыми объ-

иями. Как тебе там, отец? Не холодио?!

Оказынается, я тоже не умею тебя прощать...

— Двигательный восемь-два-восемь, прием. Повторяю: двигательный восемь-два-восемь, прием. Говорит лейтенант Горелов. Олет Висторович Горелов. Как старший по званию, принимом на себя командование корабем». Доложите об имеющихся повреждениях. Особое внимание прошту

[48] стихиипроза

РОССЫПИ

уделить состоянию скачкового и маневровых двигателей. Доклад представить в течение часа... Выполняйте. Конец

...Как, оказывается, скучно умирать.

Чтобы разнообразить этот процесс, приходится идти на

ухищрения. Пайки, въдаваемые скафандром, совершенно безвкус-ны. Питательны, витаминизированы, но пресны, как жизнь

Размолотое колено должно страшно болеть. Но скафандр почти исправен, аптечка работает, поэтому боли нет. Есть слабость и постоянно сухие губы. Когда я пытаюсь

Мне даже от застоя крони умереть не удастся. Электростимуляция разгонит кровь и не позволит мышцам атрофироваться. Я буду долго умирать...

Долго и скучно.

— Ходовая рубка один-один-два, прием. Говорит капитан. Готовность к скачку: двадцать минут.

В сотый раз смотрю «Грязные танцы».

В сотый раз передо мной танцуют Джонни и Малышка. В сотый раз мои плечи и руки движутся в такт движека. В сотав раз виот пости туров даши; на сова из всех песен, навскидку процитирую любую фразу любого персонажа. Я знаю операторов и статистов поименно, годы написания песен и марку пленки...
...Я знаю фильм лучше, чем тот, кто его снял.

Я танцую.

[49] стихинироза

Танцую, закрыв глаза Приклятый скафандр! Мое спасение, моя тюрьма, мой кинозал. Что в этом больше — любии или ненависти? До-статочно ли в спосые с ума, чтобы считать скафандр живым существом? Достаточно? Нет... и да.

гіст... и да. Потому что скафандр больше не стесияет движений. Он — вторая кожа. гибкая и теплая. Великому танцору немногое может помещать, а чтобы стать таковны, цуж-ным дав вецці поментреть стауа « Грязные танцы» и поте-рять левую погу. Мамбо, ча-ча-ча... О, румба! Я моблю

румбу.
Раз-два-три, раз-два-три... поворот!
Браво, Джонни! Браво, Олег!
Тапцую.

защую. От танцора требуется спокойствие духа, собранность и... Іолова становится пустой и звонкий, по спине бегут му-рашки, а затылок сводит мучительно и сладко... Танцую.

— Двигательный посемь-два-посемь, прием. Двигательный писемь-два-посемь. Прием! Прием! Отзовитесь кото-иобудь, мать выпу!
В ответ — масмашие.
Не типина. Типина — это поме, стрекомущее на десятия измем, ато шегер в кронах березового меса, густая темная аметла, которая шенчет... Это сины неба, заставляющая толом куминтов. Это — багровый Юнитер в изможниторе, вахта, когда ты — один и она — одиа...
Типина.
Е. Величество...
Типина.

— вашиь машиь можание — смеоть.

Тишина — живль, модчание — смерть.
— Ну, и черт с вами... Двигательный восемь-два-восемь, сдущай приказ. Готовность к скачку: десять минут.

[50] СТИХИ И ПРОЗА

Опоздаете хоть на секупду — до скопчания века будете драить гальюны. Это я вам обещаю. Все. Конец связи. Когда отец прыгал в Нирвану, он вспоминал лицо мамы?

Мое лицо? Или вечность стоит любых лиц?!

...Скачок — настолько сильное переживание, что пи-доты после рейса... Возможно, они просто не хотят уходить? Распробовав

вечность, они подобны наркоманам, живущим от дозы до дозы... Но почему — подобны? Нирвана одна на всех. Просто кто-то входит в нее медитацией и скачком, другие с черного хода... Что может быть острее ощущения смерти еще при

ыни: Большой Варыв. Скачок. Танец. ...Что заставляет пилотов прыгать?

Экстаз.

— Навигационный один-один-шесть, прием. Готовность павизационный один-один-пист, прием. Тотивность
к прыжку: одна минута. Курс: зенит-север-восток-восток.
 Точка «батута»: Антарес А, точка приземления: Солиечная система. Подготовить ныкладки для касания. У меня все. Конец связи.

Голос холодный и ровный. Держишь спину прямой, лей-тенант Горелов? Перед кем, интересно?

Мы все уже умерли. Вчера. Сегодия.

И на прошлой педеле...
— Всем, всем, всем! Говорит капитан. Сорок секунд до

— осем, всем, всем: говорит капитан; Сорок секунд до скачка. Экипажу занять места согласно штатному расписа-нию. Идем домой, парин... Мы идем домой... Ну что, вечность? Сын пилота вырос — он достаточно

варослый, чтобы приглашать дам на танец...

[51 СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

ИВАН-ЧАЙ

Им сама меня пригласинь?
— Всем, всем, всем! Начинается отсчет. В момент поль рекомендуется закрыть глава. Восемь, Семь, П. Песть...
Выход на скачок — особое неизологическое состояние. От пылата груберется снокойствие духа, собранность и...
Нучто, вечность, потакцуем?
... И тот- ос цед, никажими приборами не регистрируемос. Вольшой Вэрыв, как называл это мастер-пилот Виктер Горсков. Полова становител пустой и заможной, по спине бегут мураники, автамок сводит мучительно и сладко...
Раз-пал-три, раз-два-три, попорот!
— Пять. Четыре. Три...
Умагет лам меня отец, когда я буду прилетать через Нирвану? А я — его? Закотим ли мы вообще узнать друг мура?
— Два. Один. Ноль.
Мама!
Вечность стоит любых лиц?
Большой Вэрыв.
Скачок.
Вечность.

Галица БОЙКО-АНДРОСОВА

+++

И мечусь я, как будто в горячке, От судьбы улететь хочу. Словно в дикой, безумной скачке На взбешенном коне лечу.

Только как бы в седле удержаться И рассудка бы не лишиться? С обстоятельствами сражаться. И о камни бы мне не разбиться.

Боже, дай же счастливый случай, Сердце раненое уснокой. Прискачу через злые тучн. От любяи лишь меня не закрой.

ОБ ОТЦЕ.

Оя растрачивать себя не опасался. Факелом горел и разгорался. Речь сейчас идет не о наследстве - Любящем отцовском сердце.

Может быть, не так я дом сложила. Может, кирпичи не те брала И надорвала лишь свои жилы... Жизни нет, и дом не сберегла.

53 СТИХИ Н ПРОЗА

Екатерина Владими ровна ВОЛОДИНА

радилась в 1973 году в селе Кондинском Поменской областы. Околячила медицинское училище. Учила в Санкт-Петербургской академии исихологии. В Никинеартопске жимет с 1996 года, мен литературного объединения «Замысел». Стаки публуюрска в переподических изданиях. Автор кинги «Свободное дыхание».

РУСЬ

Пускай тнердят: «Она забыта Богом...», Пусть назонут немытой, пьяной, странной, Легко судить и рассуждать о многом... Как ей хнатает сил, многострадальной?

Но не найти тебя роднее, Русь, Люблю твой незабудковый цвет неба И, как молитва, тронет душу хруст Впервые выпавшего снега.

[54] СТИХИИПРОЗА

На чужой стороне пусть богаче живут, Шире улицы там, разношерстнее люд, Даже счастье горстями пускай раздают. Мне о крае родиом мысли спать не дают.

У нас песен не счесть, да и лучше покот. И леса зеленей, выше травы растут. Наши земли щедрей урожаи дакот. На родной стороне даже камии цветут.

НИЖНЕВАРТОВСКАЯ BECHA

Тает... тает... сердце тает. тает... тает... тает... сераще гает. Плачут... плачут крыши — слезы льют. Энает... знает... она точно знает. Что ее давио с надеждой ждут.

Непогода в трубах занывает, Сустится повседиевный люд. Торопиться в гости не желает, Поутру морозцы щеки жгут.

Не согреет и не приласкает И никак не отойдет от сна. С губ морозным облачком слетает Эта астеничная весна.

Мороз. Алмазный блеск оконного узора Играет радугою красок на стекле. Печаль ресниц... Слеза... Глаза-озера... И не поет душа о новом дне.

[55 СТИХИИ ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Сегодія солнце ярко, но не греет. Весна — царевной спящей в хрустале. ...С горчинкою воспоминанья веют От хризантем, что на моем окне.

Слышно, уж зорюют петухи, Солице ранним жаворонком вамыло, Собирают стадо пастухи...
Просыпайтесь! — утро наступило.

Тьма ли, свет ли — сердцу все одно. До утра я очи не смыкала... На беду? На счастье? Все равно! Я тебя всю ночь процеловала.

БАБЬЕ ЛЕТО

Золотая осень.
Бабае лето
Ссияно в солнечных лучах.
Жизнь моя до дитятки согрета,
Чудо продолженая — на глазах...
Как бы дала дождами ни рабила,
Все всиес небо поутру.

Все всие иебо поутру.

В бусах, алая робныя рубныя рубныя пуще пальсиест на ветру. Ягодой горят у нас кораники Половодье крассах... Улобо мие!

Скоро затурятся в лужах льдынку нь от серто по серто на отмет до серто на пуще сонники — в отме!

Осертало на платег вареные, Хватит нам и медя, и вина,

[%] СТИХИНПРОЗА

россыни

За столом, богатым угощеньем, Будет песия долгая хмельна. Золотая осень. Бабье лето. Края нет и дна голубизие. Пощали же, жаркое, поэта И не дай сгореть в твоем огие!

Сердца стучат, И вторят им капели, Всю ночь твердят: «Зимой переболели…»

Зима ушла — И глаз, и красок гамма. Сошла с ума Моя кардиограмма.

[57] СТИХИН ПРОЗА

Борис Николаевич ГУСЕВ

ГУСЕВ
родимся 28 июня 1928 года
я городе Химамиске Саратовской области. Окончил
нефтяной техникум и факультет муривламствия МТУ
им. М.В. Ломонносова. Работа бурильщиким,
председателем горисполкома, в райониям отделе партин,
председателем горисполкома, в райониям отделе партин,
председателем горисполкома, в райониям отделе партин,
председателем горисполкома, в райониро отделе партин,
праводент ученинское знамя», «Такопереработник»,
в радмоцентре «Эфир». Авурет многих митеритурных
конкурсов. Антор кинги новель «Аские диво».
конкорсов. Антор кинги новель «Аские диво».
конкорсов. Антор кинги новель «Аские диво».

ЧЕРНАЯ ЗМЕЯ

Рассказ

Бывалый рыболов, бойкий и ворчливый дед Аківныч, еще до восхода солица наловил израдню рабів и, не дожидажсь конца клева, ущел цередомути к рикожами, отдаленным нами под кустом. Взошедшее светило, разогнав остатки тумана, вызолотнил вершины деревьев. Зашелестев листной, потянул свежий ветерок, принеся с луга душистый запах размотраввы. И вдруг с небесной явшины посыпались на землю серебряные трели жаворонка. Наступило румяное и радостное утро.

Клев становился вялым, а вскоре и вовсе прекратился. Место, где мы рыбачили, было для меня новым, и я решил оглядеться.

Старица Терсы дугой огибала заросший тростником, тальником и развесиствлям ивами небольшой мыс. Вокрут было столько зелени, что и речная пода казальсе взельной. Я тико обощел куст, под которым среди роксаяков на заношением до дыр брезентовом плаще возлежала деа Джимых. Из-щод коричиской от времени соломенной шлапы, которой было прикрыто его лицо, задиристо торчая рыжий клинышек бородим и выкатываеля, клюсоча, густой храп.

Еще вчера, предвкушая счастливые часы рыбалки, он тщатсьные отговился к ней. Игнорируя колкие замечания супруги, старый рыболов сустился с удимирами, асками, крючками и насадками допоздиа. Но, как обычно, в предрассветную пору он по телефору поднял менік и соседа Юрия на рыбалку. А тенерь вот отсыпается , сморенный усталосттья и диажими поциекать солием.

ты и начавшим принскать солидем.

"Жигулы». Хозяни машино ИОрий — курчаный, с прямым короткым носом и пухлыми губами полленощий мужчина — даже во времь интенциальность касав косментам места, наконе даже по времь интенциальность касав акс ментам места, наконе даже по времь интенциальность касав акс ментам места, наконе даже по предыствения и потактивых долчкой то голлавах, то красиность от голлавичем сейчас, когда жже не клевало, он фанатично верил в рыбацкую удачу и не замечал инчего вокурт, кроме поллавков.

По едва приметной тропинке, проторенной рыбаками, я пошел вдоль берега. Он то горбился, обнажая песчаные обрывы, то зеленым ковром с бельми, синими и желтыми цветами опускался в теплую речиую воду. Почти под

[59] СТИХИ И ПРОЗА

каждым кустом из нес торчали рогульки для удилищ, а чуть выше на берегу мадислись покрытые серой золой косторида. В этих местах, как объемии. Акимым черед отправиой на рыбалиу, несчтное количество всякой рыбям. Знять, потоку в этом рыбацком Эльдорадо взяддых удилищноко можно встретить в любое време куток. Вот и сейчае сидат они неподвижно, как заворожениме, сосредиточению уставившись на половлявия.

Мое внимание привлекли полуразруписнные временем фундаменты стоящим здесь некогда домон. Возае них костае устанась сърень, кудявансьюе вишенеме деренца, красовавшиеся когда-то в палисадиниях. Сколько же деся такстий она домова этого хутория гладел на регива водал? И почему ледан политуми такой живописный утолог? На перенос, полаза эта дерененкая в разрая «бествергиятелных» и перессоми их в больше посели поблике к школя и больницам, маганизы, детедами и домум котругом.

и персесамми их в польшие поссания польшие к школам и больянцам, нагазивнах, детсамам и дилами кратуры. Обходя рады бугороков, останцикся от домов, в остановымся на заросивие траной подпроне. Всляд нагвылься и отслужнящиме свой нех орудия крестьвиского труда. Вот старый, заражавенный кобод и ступица от колеса телеги, порятува мопата, обложно серта. У вореше оскранившегося цокола из серого известняка подобрал заржавленный, сбольшими захрениями тогора старинной коми.

Беревно держав я в рукая коморы и паталася рассмогреть клейно. Но варук что-то заставило меня отявиться назал. Я оценность с явуя шатах, по следам потвечатаным моням кедами, к погребу, павню извиваясь, лего ибыстро полажа бъльшая черная вмен. Есбеспринос скольжение было ритмичным и красивым. На хребте регизияи выстрання положе рисунки, похожний на икс, аот слада до уголая та выцилась черная полоска. Задока!. Как жаль, фотоаппарат отлася в рискаже.

Я решил проследить, куда ползет эмея. Осторожно ступая по траве (вдруг поблизости отдыхает после ночной охоты на лягушек и мышей ее ядовитый напарияк), обогнул погреб и и земляной насыпи над его стенкой из дикого сеоого камия унидел овальное отверстие. В которое вползала

- Где же ты, мил человек, пропадал? Мы тут без тебя всю рыбу выловили. — пошутил Акимыч, когда я возвратился.
- Да вот за змеей наблюдал... Хочу се сфотографиро-
- вать, но мне нужен помощник.
 Змею-у-у³ Да я тебе, мня человек, ее хоть сейчас за хвост подержу. Только не забудь на память фотомартичку подарить, натуралист, балагурил отдохнувший дед.

подарить, натурамист, — свлагурим отдохнувшим дел. Он. как я понял, принимал воздунную ванну, так как был в майке и труска. На голове его красовалась номятая соломенная шляпа, а на тоненьких ногах — старые резино-вые саноги. В таком одеянии тщедушивый старейшина нашей рыболовной компании чем-то напоминал ощипанного петуніка є поизавка магазина.

Я достал из рюкзака фотчаппарат, а вместо него положил свою находку — зазубренный старинный топор, на который Акимыч даже не обратил внимания. Потом в кустах вырезал палку с рогулькой, чтобы в случае опасности можно было прижать шею гадюки к земле. Показав, как ато делается, вручил ее моему добровольцу, и мы отправиансь к старому погребу. Дед в резиновых своих сапогах топал сзади и все приговаривал:

— Где она тут, окаянная? Куда запропастилась? А потом стал подтрунивать надо мной:

— Ты, мил человек, ужа встретил, а не змею. И, попо, мил человек, участва, а не вмесо. г., по-ди-ка, от страка не увидал на ейной голове месятый вен-чик. Ха-ха-ха... Ужа от ежа не отличил. Эх ты, натура-лист! А еще в очках. И чему вас только учат в институтах?!

Мъ подощил к старому погребу. Гадлони в норе не было видол. Абизные опаслемо протянул палку и стором тонух ризульками у продолговятот отверстив. В възумно тонух кусочки грунта. И адруг из поры с быстротой молнии въжствудась терриа асига. Совые се вытолькула туго закпученная стальная пружина. На какой-то мит мощное, красиное, въвтануто е и стрему гумовище земе застьмо в покдуже и, блеснув на солице, слояно клинок из дамасской ста-

дуже и, олеснув на слоще, слояно клипок на дамасскои стами, упало на разрушенного погреба. — Ну, ш-што же ты ее не ф-фотиграф-фи-ровал приходя в себо от всцуга, упремул Анкиваче и нервин подергал себя за рыжую бородку. — Т-тажую кодру в-провевал. — И добавил, обратив мое внимание на спой геринеский поступок — Я же жизней своей р-рисковал, когда в-выгонал эту от-громадную и ст-трашенную зме-ноку на поръй

— Не успел, — ответил я, сожалея, — Очень уж неожиданно и бъегро метнулась она... И вот теперь попала в западию. На дне заброшенного погреба из-под слоя земам торуа-

гла дне заорошенного погрема из-люд сми всим торчами руширящих когда-то перекрытия и валакся заржавьенный ручной ковки батор с поломанным черенком. Падкока проворно подпольза к стенке из серого камия. Треутольная, с тупым мисом, приплоспутая голова се заметальсь. В полураскрытой пасти трепетал томкий раздиоенный замечок.

Обследовая препятствие, змел, круго изстобая паприженно удоляще, ведленно піписада вверх по каменной стене. Но как тодько могед докта отдельност есе се повезнам гладока тадала на слой земли, покрыванний трухляные и заиксивенаме доски. Все повятать ввянохитя заканеннам касивенеме доски. Все повятать ввянохитя заканеннам и кареное чещуйсятое тех. о в удугие колада и положна, за или припласнутую голову. Это была пода защиты и нападелям.

— Слушай, Акимыч, может быть, это анкас? — пошутил я, указав на коричневый от ржавчины багор, у которого лежала змея.
— Это еще что такое?

 Ну тот, княжеский, с рубинами и золотой насечкой. Тем, кто им владел, он приносил смерть. Еще его называют бодилом для управления слонами. Так вот, этот маленький багор папоминает анкас... Да ты, оказывается, вовсе и не читал книгу Киплинга «Маугли». Если бы читал, то знал

бы, что это за вещь. Акимыч, пропустив мимо ушей мое объяснение, доволь-

но выразительно посмотрел на меня.
— Эх ты, мил человек! Да был бы он хоть чуток медный, его 6 давно уже уперли, — популярно и исчерпывающе разъяснил он...

— И что вы тут рассматриваете? — зашитересовался подолгедший к нам Юрий

В отличие от Акимыча он был без майки и уже успел загореть

— Не видишь, что ли? Змею «поймали», — съехидин-чал дед. —Только пока еще не знаем, что с ней, окаяпной,

сделать — Бр-р-р... Какая мерзосты! — брезгливо передернулся Юрий, заглянув в яму. — Этих эмей я насмотредся в Средней Азии, когда жил там. Теперь от одного упоминания

о них меня коробит. Он спустился с земляной насыпи, окружавшей яму. Дед с любопытством воззрился на продолговатый вход в пору,

из которой только что выбросилась гадюка. А я нацелил объектив фотоаппарата на черные кольца грозного стража старого погреба, но не успел нажать на кнопку затвора, как к нам, сопя от натуги, притопал Юрий с большим камнем в руках. Не раздумывая, он бросил его в яму. Тяжелая глыба шлепнулась, накрыв черную вмею. И только конец хвоста исступленно хлестал по коричневому от ржавчины и крови

багру, похожему на драгоценный княжеский анкас из сказ-ки Киплинга. владельцу которого суждена была смерть.

Поздно вечером мы мчались по проселочной дороге, возвращаеть домой с удачной рыбалки. Все молчали, переживая встречу с гадюкой.
— И все же жаль рептилию, — сказал я, прерывая за-

— И все же жаль регітмию, — сказал я, прерывав за-татувшуюся паста — семдью прицурумься Ажимыч. — Это зменоку-то? — семдью прицурумься Ажимыч. — Так ей и нада (70 мж. пладьяя тварь, сколь нарасу, плади-ка, перекусаль до смерти, — предположны осерчавший дел и ви вълнения смяль и без того поменую шаляр, которую держал в руках. — Ты об этом подумай, натуралист. Это тебе не бабочес сачимы ловять.

на которого лечат больных, в том числе и, как говорят, ужа-денных. Свое отношение к змес давимы-давин выразили медики, использовая ее изображение и качестве своей змб-лемы. Это раз. Во-вторых, эти рептилии уничтожают лемы. Это раз. Во-вторых, эти рештилии уничтовают в бильноом комичестве предвиж гразулон и насексомых... А что касается бабочек, та уж изнини меня. Анкими Я тогда пошутил. В экспедициях име приходится ловить... закёй. Их я научно и исследую в научнох целях. Подготовил диссертацию по сосною буду ее защицать. Бъвал я ие дажней Азин. Юра. И за долой экспедиции принез вът чту метку...— и я показал ему щрам на запистъе правой рум...— Пораз поцедовал. Хорошію, в агетеме агизменняя сыворотка, как всегда, была... Пибнут же люди на-за

[64 СТИХИИПРОЗА

укоренившихся вредных приемов оказания помощи. Это и перетяжки, и надрезы, и прижигания, и даже прием алкоголя

Спорили мы эмоционально и долго — до самого дома.

но к общему мнению так и не пришли.Гад, гадина. Эти слова пришли к нам из седои славянской древности и означали «отвратительный», «мерзкий». ской древности и означали «отврати склопами», этехралили.
Бадами получным долгое время называли эмей, ужей, ящериц, лягушек. Потом ученые дали им другое название—
«пресмыкающиеся» и «земноводные». А вот у гадок отталкивающее древнее слово пренратилось в имя. Оно, как проклятие пращуров наших, лежит на них.

С незапамятных времен человек враждебно относится к змеям. За ядовитые укусы, в основном при обороне, они и расплачиваются. Так и живут с давних пор два слова рядом: «змея» и «убил». Но ведь змеи — часть природы. Так же как львы и тигры, медведи, крокодилы, орлы и пчелы. Они, как все живое и сущее на земле, имеют полное право на жизнь.

Так как же все-таки относиться к змеям? На этот воп-

рос мудю ответил зоолог процептом к змемя: тая атти возгрос мудю ответил зоолог процилого столечия Гартвиг: «Эмея не любит понапраему употреблять свое оружие. .. Человек воисе не мещает ее интересам, зачем же ей желать его смерти? Не тропь ее, и она не помещает тебе спокойно продолжать путь».

Λαρικα ΓΕΛΙΜΕΡ

Время стало длинней на четыре шага, Время стало пъяней на четыре глотка, Стало спелым, как блики заката в окне, Время стало страшнее на мысль о войне

Время стало колючим, как сорванный взгляд, И железным, как праздный военный парад. Стало горьким, как дым от ночных сигарет, Безнадежным, как слово короткое «нет».

Время стало туманным, как взгляды богов, Время стало тяжелым, как цепи оков, Время стало бегущим, как эверь на ловца, Стало мокрым, как слевы на маске лица.

Время стало тупьм, словно телеакран, И лукавым, как жесты кокетливых дам. Время стало чернее, чем ночь за окном. Время стало пустым, как заброшенный дом.

Время стало острее, чем нож у груди, Время стало больнее, чем крик: «Уходи!», Время стало холодным, как ветер в лицо. И чудесным, как скавка с веселым концом.

Алексан**а**ра ДАРЬИНА

ДАРБИТНА

(Александра Петровна ТОКАРЕНКО) родилась
13 сентябра 1939 года в селе Бражниково
Московской области.
С 1969 года добтала в НГДУ «Нижиневартовскиефть».
Член литературного объединения «Замысел». Стихи
публикуются в периодической печати. Автор сборников
«Бабе» дето», «Поставии тамять в караулы».
Живет в Нижиневартовске.

ты меня отыщешь...

Я заплутаю меж берез, Аукиу — ты меня отыщешь. Над нами соловьи засвищут, И я коспусь твоих волос.

Все повторится, как тогда... Туманит голову от счастья, Из рук твоих вода — причастье, Я будто снова молода. иван-чай

Кукушка где-то голосит, И шепчутся над нами кроиы. Нас старость не посмеет тронуть. В сторонке тихо постоит.

Я заплутаю меж берез, Аукну — ты меня отыщешь.

ДЛЯ МЕНЯ ОНА РОДНЕЙ

Доллар, дилер, дистрибьютор В обиходе, на слуху. Заворачиваем круто И, к великому греху,

Забываем речь родную: Нет нужды, как видно, в ней. Защищаю и ревную — Для меня она родней.

С детства слух слова ласкали: Няня, матушка, кума, За постой рубля не брали, Если встретила аима.

Согревали и кормили, Уступая печь гостям. Беднотою не корили, Ниако кланялись крестам.

Уходящим вслед шептали: Бог с тобой! Крестили вслед... И ушедших вспоминали, Принимаясь за обед.

[68] СТИХИ И ПРОЗА

..... Доллар, дилер, пейджер, киллер...

СТАРЫЙ РЫБАК

Скрипит весло в уключине, Годами пальцы скрючены, И он гребет, задумавшись: Неважные дела...

Река несет молчальника, А думы все нечальнее... Не видел, как состарился И молодость прошла.

Года, что птицы южные До снега стаей дружною, Крылом взмахнув, построились, Растаяли вдали...

А реченькой студеною, Еще порою дремною, Плывет тот старец согбенный По краешку земли.

И старцу долго кажется (Смотреть вверх не отважится): Над ним, рисуя крыльями, Курлычут журавли.

[69] СТИХИНПРОЗА

<u>ИВАН-ЧАЙ</u>

Через бурьян, через крапнву, Минуя к дому поворот, Спешу опять к заветной ивс - Она одна стоит и ждет.

Прильну к ее корявой коже, Наплачусь вдоволь — все поймет И снова, как всегда, поможет,

И снова в детство уведет...

Все слезы, страхи принимает, Я успоканваюсь вдруг... Мне хорошо: все понимает, Как самый, самый лучший друг.

Проснусь — заплакана подушка... Спасибо. И во сне она, Моя корявая старушка, Расслабит нервы без вина.

мужу

Дороже злата серебро твоих волос, Мой человек, единственный и верный. Я становлюсь, наверио, суеверной, Когда пугаюсь от ворчанья гроз.

И первой мыслью — думы о тебе,
Чтобы вернулся снова невредимым...
Бегут, бегут года неутомимо,
И я с привнательностью кланякись судьбе

За ту надежность в человеке близком, Уверенность — в обиду он не даст. За нас с детъми и жизнь свою отдаст. Поклон ему. И самый, самый низкий.

[70] СТИХИ И ПРОЗА

Неприветлив осенний ветер, Охладел и к дождям косым. Неужели вчера не заметил. Что я бегал совсем босым?

Неужели ему не жалко Нежных роз и кленовый лист, Дней погожих, рассветов жарких И что солнышко — раньше вниз?

Да и птицы нас покидают, Клин за клином спеша к теплу. Ветер, грусти не замечая, У обрыва трепал ветлу.

Туман клубится в камышах, Сливаясь влагою в низину, Окутывая всю картину Весны, бушующей в цветах.

Ползет белесая стихия, Смолкают птичьи голоса, В ней растворяются леса, Тропинки, заводи родные.

Не видно домика, рябины, Пе видно домика, рлоппы, Ручей вдруг стал и глух, и нем. Мне чудится — одна совсем, Как будто где-то на чужбине.

А зелень, упиваясь влагой, Становится еще нежней, Роса блеснет в лучах на ней, Туман падет на дно оврага.

[71] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Татьяна ДЖАРТЫ

Я буду видеть только твои сиы.
Я боль твою переживу как счастье.
Любовь к тебе и жалость, и участье
На перекрестке мира и войны.

 H_0 в этих строчках ты — это не ты, U я, как птица, быюсь в своей любви.

Теперь я знаю, что любовь слепа, А слезы — суть утрачений надежды. Во имя их сегодня, как и прежде. Во имя их сегодня и всегда Я пью до диа!

Екатерина ЖУКОВА

Осениес.
Обгрызанное поэтами небо Истерично визжало.
Облака доженнявали
Последние куски
Опавшей миствы...
Солице повериумсь и ушло,
Хлошум дверью так,
Что посывлась штукатурка —
Снег перед Рождеством.

*** Темно.

темно.

То небу облака
Как ночные полки носятся.
Скрывая татунровку неба,
Растрепанные,
Мокрые полосы петра
Спадают с плеча
И печально попадают в дужу.
Дождь все еще моросит.
Провода...
Провода...
Пожимают друг другу руки.

Во мис восток и запад Сошьнеь в одной точке. Сдавим, възгајум И проложим дорогой По меридиану Всему миру нараспашку.

[74 СТИХИ И ПРОЗА

Валерий Максимович ОСТРЫЙ

родился в городе Самаре в 1943 году.
Двадцать лет проработал на предприятиях
Нижиеварговскиефтегава Окончил Литературный
институт им. АМ. Горького. Писал рассказы и повести,
печатался в периодических журналах и галетах. Автор
кин: «На ожере посреди океана». «Непогода на широкой
реке», «Таймы и ауты», «Горькое и сладкое. Чистое
и гразное». Член Союза писателей России. Живет
в Самаре.

НА БЕЛОМ СНЕГУ ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЬЯ

Рассказ

Пятинца — все-таки превосходный день. Превосходный. Понедельник — тоже хороший день, и вторики, к среда, но пятинца — превосходный. Даже, суные, чем суббота, и уж намного прекрасней, чем воскресеные. Ну что такое воскресеные? Финита. финица значит. Все. Конец исдель: А вет пятинца... Пятинца — это отлично.

[75] СТИХИ И ПРОЗА

— Завтра двинем на дачу к Славке.
В понедельник он уезжал в командировку. Это была далекая и нудняя поездка. Сначала — одним самолетом — до Гуроева, затем — другим самолетом — до ППемченко, затем еще четыре часа автибусом, и уж тогда — все, выле-

зай, приехали.

Ему предстояла долгая командировка, на целый ме-... Ему предстовам долган командировия, на цельні ме-сяці и мити в дарже, называємом обідемитем, и нитаться в завутке, который — столовав. Но что нее это значнал по сраниенню с тем, чте му удастел побільять в тупцевитом царстне, трядесятом государстве, куда и Макар телят не гина. В дъл Шигенню — зто же край свята 7 это уже — далани сичуда. А какой дурак отклистся побивать на краю света. Разве что действительно совсем дурак или инохонд-

света? Разве что действительно совств дуров.

Он и пошел-сти на эту работу только на- за тоги, что инсвем месядев и году надо бало еланть но команзировкам.
И не куда-инбудь там в Кинель. Чернагсы, цет. Командириян бали в Грозный, пу не п сам Грозный, а иклометров
местно т Грозной, пу не п сам Грозный, а иклометров
местно т Грозный и п саму Помень, а восемьсти километров от Тюмени— называется Усть Бальк, каколо? Усть
Бальк — это их скажи! Угром-река, да и только. А вот
теперь — Мантинтаки. Ман т-лин-лак.
Деням он уже получил. Командировочные на месяц.
Ла еще на бълест туда и бортино. В карман лежала пачены,
которую бъло приятно потрогать. И пересчитать

— Шпом там горгуют, правда, точка не очень на
деленая, но не веяти же отсюда.

дежнява, но не сели же отклода... Он вспомина, как на даче было адорово и хоро по в про-шлый раз, и удивился, что тогда они спокойно обощлись и бев пина. Бъла дачи, деревья с так ими длинными черными стволами и красно-золотыми листьями, и настоянный на смородиновых листьях чай, такой чаище, что запах его помнился аж всю неделю, и они, такая веселая

[76] СТИХИИПРОЗА

ком. По сути дела, он уже был свободен и мог идти домой.

Все инженеры отдела из их группы так и сделали. В лаборатории остались девчонки — учетчицы, только что от парты. Зина и Вероника, которые по командировкам не ездили, а сидели сиднем за анализами да подсчитывали дебет-кредит. Юрка так их и звал: одну Дебет, другую -

Кредит

Кредит — Ну что, матрены, заскучали? Разлезикаются все? Так будете в вине в рабочее время бетать — что вым, плохо, что ли? В это премя раздался телефонный зоноюк, и Кредит через минопение протинула трубку Юрке. — Вас повывают Таймор. Юрка зданвился. Он инкому не давал споето телефона.

Записывал чужие, предпочитая звонить сам. Но в трубке раздался полузабытый голос Димки Серостанова, того самого Димки, с которым они когда-то были «не разлей вода», до тех самых пор, пока на их жизненном пути не повстреча-лась Юлечка Тихомирова — вксьмиклассиица из парал-

лельного класса.

— Здорово.

— жичрию.
— Батюции, Димка?
— Батюции, Димка?
— Узнал? То-то. Я смотрю — автомобнам останавливаются, нетут, говорят, бенанна, кризис, куда, говорят, там смотрит [Орка Трофимов?]

 Здорово, емеля-пустомеля, женатик несчастный!... Ты как меня нашел? — Да чо трудного? Я ж институт твой знаю, ну, думал-

— Да чо трудного 21 ж. ниститут твои знаю, ну, думал-думал, та там тобя найти, а потом взял и позвонил дирек-тору... Говорю... — Дима, ты что? Всерьез? — А что? Конечно, всерьез. Говорю... — Дима, ты что? Обалдел? Он сейчас в членкоры го-

товится, а ты...

177 стихинпроза

— Ну в что? Должен директор знать своих сотрудни-ков или не должен? Свою смену, так сказать... Я к нему очень корректно и вежливо, задало вопрос. Потом деликатно иблагородно отвечает: одну минутовку, сенчас я выс соеди-нос содним товоринуем, и ена вазы все очень... — Так и говорит? Хы-хы. Ну ты молодчина, старик. Отмочик. Ну, маяжи, так уважина. Слава Богу, я в поне-дельник на Мангъншаак отбываю. На месяц. — Ку-у-да?

- льний на (мангышлак отомваю. гла месяц. Ку-у-да На Мангышлак. Тае это? Ну ты и емеля. Новую сокровищин<u>ц</u>у страны Сове-
- гу ты и емежа. Повую сокровищияцу страны Советов не знаещь. Новую кладовую...
 А-а, Господы, и за какую провинность тебя туда за-сылают? Это же пустыня. Это же гдс-то в Каракумах...
 Сам ты пустыня. Сидите в своей дыре тюльку
- гоните.
- отте...
 Это какую тюльку? Самые лучшие в мире шарики одшипники ты тюлькой называещь? Да мы недавио зна-
- и подпилитили та толькой выявляет Дл мя недалию энаспив какую штуку отмочнал? Днамстров в девять метров.
 Поняд? Это.

 Ну ладно-ладно. Тім что звонна-то?

 Фу, черт. С тобой и голову питераециь. У нас бену
 сетодня небольшой. Юблисейчен. Так вто, мяя подурат жизни
 наявляет притамиать гостей. И тебя в том числе. Так что,
 милостный государь, каволете ввится. Форма одежды—
 парадная. Ордена необваятельно, но гадстук...

 Это что же за мблися.

 Это что же за мблися.
- перекатная.
 Это... уже год?
- Ты что там сопншь в трубку? Что-то я ничего не
- пойму.
 Да так, черт, время как летит!

— Ну, так ты давай. К семи. Можешь с подругой Уловил?

На улице происходило что-то непонятное. Ветер менял направление, сверху что-то лилось, что-то сыпалось, обла-ка, кажется, собрамись завалить трубу соседнего завода. В голову неожиданно и отчетливо пришло: «Цветы надо». Так же отчетливо и деловито сработало: «В ботаническом саду». До которого оклол отяти минут хода.

Он бывал эдесь не раз не два. В ботаническом всегда было хорошю. Они, коллеги по работе, часто практиковали это дело — из магазина в ботанический. Травка-муравка, пруд, звкалинты — хорошо. И даже сейчас, в сликоть, они захаживали слода. Была беседка, в ней скамейки. Что еще надо?

в последний заход он и заприметил что-то красное за оградой. Оказалось — цветы. И много. Еще мысль появилась тогда: «Хоть коси...»

О Юлечис Тихомировой он нсе это время ис думал. Как только Димка сказал, что у них с Юлькой «все на мази», он сразу и перестал о ней думать. Только при встрече им от смотреть ей в глаза. Почему? Что он, не знал подруг своих дружей? И даже не подтруннал над инин? И дазве не смеялся над тем, как они смущались и красиела? А вот Юльке смотреть в тазаа не мог. Непонятно. Почему он не мог смотреть ей в глаза?

Ботанический охраняли сторожа. На этот раз в одном из них Юрка и куждался. Отыскался тот довольно скоро.
— Отец, тут у вас цветочки где-то пропадают. Как бы букетик сообразить?

Сторож был не старый, но с палкой. Так, мужик как мужик. Посмотрел на Юрку.
— Это не у меня. Вот по этой тропке шагай, там уви-

[79] СТИХИ И ПРОЗА

— Спасибо, батя. А как зовут твоего напарника?
— Николай Митрофанович.
— Николай Митрофанович.
— Кортов сначала уходила вправо, потом първал в опражек, въбиралась на пригорок, убетала влево. Деревов еще не сбросили ликтву, а некоторые приво па удивление стояла в земен. Но что-то бъль в вих такое. С первого възгмада — торжественное и гордо, е сли приклотреть стояле и удеталос. И Орга питал. диатал к вихатривался и сам мак-то уставал. От этой типины, пустыпности и

ториясственности.
Последний раз он видел Юльку месяца три навад. Нечаянно столкнулись в магазине. Юлька нисколько не изменилась. Такая же... Только, может, пополнела? Но ей это

имась. Такая же... Только, может, пополиела? Но ей это даже короппо...

«Что тяз взявляя вспоминать?... Пополиела, похудела...

"Тест-о что? Вольку вот сейчас позвино Натавике и занальсть с ней на дачу. Там благодать. Деговыя, мистам.
Волла — такая торжественная и суровая. У-у-у-ф., — волны призрасти с беретом. — у-у-у-ф., у-у-у-ф. л потом печка, скечи и сучерки... Хорошо? Только бас без эмпина. Славка с Аемкой, Мишка С Тамкой в ж. С кемя Я Татявна ждетзвоняя в два. Наталья в четъре... Тарирата тарирара...

Троиз селаль наконец полеждині пюворт, и оп очутился перед большим запорощенням участком. В центре краспема щежет Народу, опять-тажи, на удин... Черт, вымерам
исс ови, что ли?...

— Николай Митрофанович. — он позвал негромко,
наделесь, что сторож окажется где-то вот тут, на крамечке
заброшенного домика, ими под навеском да какой т-то утвари, ким где-то среди ябонь, к которым уходила тропа.

— Николай Митрофанович. — позвал громке, ноб стозала такая типина, что можно было усланнать растревожен.

яла такав тишина, что можно обло услышать растревожен-ное свое сердце. — Дадя Коля! — захричал он, стараясь взбодрить ссбя звухами собственного голоса. — Мне пужны цветы.

[80] СТИХИ И ПРОЗА

А цветы дравнились буквально метрах и двадцати от Юрки, краснея как-то удивительно ярко и вызывающе. «Прямо аленький цветочек...» И опять в салу ничего и никого, как в сказке.

— Митрофаныч... — А цисты все гореам, гореал перед главами. — Митрофа-а-имч... — Он уже перестал удинаться ятим марсным драживцим цистам, он удиналас себсчто ис может пройти эти двадцать шагои, сделать так, как он поступил бы раньше, букнально до сегодиящието дия.

Да и сегодня, что произошло сегодня?.. Ничего не...
— Митрофаныч!..

Пошел снег. Он навалился так неожиданно и так крупно, что Юрка помувствовал усталисть и ногах. Он сел на крыльцо, стараясь не смотреть и ту сторону, где маняще ярко цвели жиные цисты...

Через несколько минут нокруг все стало белым-бело, и уже на снегу, повсюду, вразбрязд, под лучами выглянувшего солица отчетливо светились зеленые листья.

РУСЛЛН

$\rho_{acc\kappa as}$

Мать сказаль так: «Била в больнице у Ивана Евгеньевича, тети Тамариного мужа. Видела там твоего друга Русланова. Он покудел, ужас. Говорит...» Дальше в не раскамшал. Или не захотел слышать? Мы научились не слушать, когда нам этого не кочется, не слышать того, что им неприятню... Но Руслан — это другое дело, это совсем дочтое...

другое...
В тот день в не пошел в больницу — только что приелал; мелких, объщенных после дороги дел накопилось ненпроворот, да и вообще больница — не то место, с которого хочется начать встречу с родным городом, в котором не был почти два год.

[81 СТИХИ И ПРОЗА

Но через день я собрался. Когда-то Сашка Русланов бил моны другом, и я бы хител всегда считать его сноим другом. 10. Кого мы выбираем в другом. 10. Кыка кас въвбирают? За что? Мало ли у тебя бъло другой? . Ну, прителей. Выбрить-то, но венком случае, бъло из вгот — знакомых, собугальников диатало! А может, именно на-за знакомых, сокуткальников загалов: A может, именно из-того, что покрут толиналось саншком много собутаньников, и потервансь, отошал в сторону, отвернулись настоящие друзья?... Но и с Сашкой ты познакомился в этих разнесе-лых «Трех иявах». И он стал тиним другом.

...В праиматорской мис дали халат, повель по длиниму коридору. Перед палатой я остановился. Надо было сладить с собой — идти не хотелось... Уже ваявшись ва ручку

дить с собой — мати не хотелось. - Жие взявшись за ручну дерен и все цеу ситятнам то миновение, от которото непонятно почему, но стращию становнось уже сейчас, в спросил, попросил ваяймы недестающую валью мужества у делочин, вхившейся прожадить мени:
— Он как, пичето?

Ссетра седелам вид, что не поняла, о чем ее спращинают. . Палата была как палата. Кровати, тумбочки, самрети, занавсень — все бело. Трямо у дирен голинулся с мужем тети Тамары. Но явтляц искал Сашку, поэтому до ими не сераму доцло, что перес талами Илав Тактеньенич. Озиравсь, втидильяваесь, плохо видя и вичето не соображая, я проттику кор урку:

Озирансь, вподкамансь, полого нада и инчести не споправлял, я протинул сму руку:

— Здравствуйте

— Отогом не утерпел, обернулся и увидел Сашку, Пришлось убедить себя, что это — он. Просто инито из других
я палате не мог им быть. Значит, это он... Хорошо была видна белая кровать, белая постель — подушка, провидна ослая кровать, селая постель — полушил, про-стыяв. . Человек смотрел на меня. Он?! Я помахал рукой: - Сейчас». — ...Тут мать приготовила кое-что... — Ну, спасибо, что помните, что пришел... — Значит, скоро выписываетесь!

— Обязательно, Матери спасибо, Благодарю, Привет огромный.

И я пошел к Сашке. Мужество сразу покинуло меня. Сначала стало видно его лицо. Волосы были, как и прежде,

Глаза... Глаза были, наверное, тоже, как прежде. Но раньше кроме глаз было еще и лицо! Сейчас — только глава...

- Здравствуй, Саша! Что, похудел?
- Да, есть... малость
- Двадцать пять. Вот так.
- Когда мы виделись в последний раз... Ты был...
- Летом делали операцию, оттянули это дело, насколь-
- ко возможно, а теперь.. ...Это было давно. Года три-четыре назад. Или даже
- больше. В субботний вечер мы решили с Сашкой вместе поужинать. В честь чего? Так просто, в честь субботы. «Суб-
- поужинать. В честь чего? Так просто, в честь сусооты, « "учо-бога, суббога, хороший в негрерок...»

 Сашка пришел с девушкой. Симпатичная такая подру-га.

 что ж., мобовы так любовь. это прекрасной.

 Спустимись на набережную. Прошлись, пиотворими.

 Окино, отом, как завтра прошести выходной, сцер очем-то...

 Солице медленно садилось за Волу. Винку сце, супа-

лись. Подплывали, отплывали большие синие и фиолетовые пароходы. Все было, как во всех городах, расположенных на Волге, летом, на закате. Только чуть-чуть прекраснее и незаметнее...

Ужинали на «поплавке» — в ресторане на дебаркадере. Ничего особенного, чуть-чуть водочки, сухонькое... Неделя миновала трудоная. Руслан ставил какис-то эксперименты в своей лаборатории, я наслаждался на Самарке, ворочая пудовые метровки дровяного отопления: приближалась зима, народ хотел жить в тепле.

— Сергей, у меня скоро отпуск. Может быть, к тебе в бригаду напроситься? И заработаю, и отдохну. У вас ведь там сплощное солице, вода и ветер. Все, что пужно для отдяма. Как ты считаещь?

дамая. Как так считаеция?

Я посмотрел на Сашку — шутит или сервелно? «Но педь там кроме солиць, воды и петра сеть еще и работа, и ок которой путом сравнятьсясь», — хотел сказать в, но вспомина, как ны олизанды ввались переплывать Волу и чето, сам бы не Сашка, из этого мого выйти.

Руслан был пониже ростом, в плачах неширок, по бротиски с ниц у меня пинетая вседывания не возникаль. Взглад его, всегда спикойный и какой-то задуменный, солдавы обывачном ентальтаней сезадирителем. На так было до тех пора он не подпимал квтляда на ческовека, ще хамство народьюм сто использовать сто сисы безадение постоя на примежение от него примежение стойной стойной примежение стойной сто «привлекло» его своей беззастенчивостью...

«привлекм» его сиони огазастегичиностью...
— Ты это иссрвез?
Я загоредся. Это же здорово — посмотреть на «дабо-раторного» Сашму в компании водгарей, чвя родословная уходила к горьковским зимогорам. Это добопытно. Очень

любопветию.
— А малку ты с инчи пить будень? Ведь там рабочий день от вари до зари. Работа сезопиам... А нечером — по стакину. Ум так вамеденю.
— Ну что м. Видин будет... А без этого нельва?
— Деньен будут. Кроме зарилаты еще кос. что чабета ет... Назвыяется ята птука мырко. И добывается она так... Я подробно объясним. благодаря чему бригада имест-деньем, денья. Саника сумым внимательно, не перебивая Дал договортить до конца.
— Зачачт. обдирает вырод пътиконечку?
— Все законно. И потом...
О несребно.

Он перебил:
— И без этого нельзя?

Я представил, что будет, если Руслан поставит этот воп-рос в бригаде. Поскучнел. Поежился. Он понял и отрезал:

— Нет, это не для меня. А Наташка смеялась. Ей нравилось в ресторане, и она смеялась, оглядывая меня, Сашку, весь ресторан, публику, ласкавшую ваглядами ее запрокинутую головку.
— Ну, мальчики, ну перестаньте, ну о чем это вы все

спорите. У меня почему-то слегка испортилось настроение. Я уже не первый год летом во время каникул подрабатывал на Волге и не находил ничего заворного ни в самой работе, ни в том, как и за счет чего получаются «леные» деньги. Так было и так будет, и я даже не задумывался, откуда оно взя-лось, это «марло». Но Сашка же свой парень, чего он домается? Ведь не я придумал ату штуку, и потом — все за-

— ...Мы затрачиваем дополнительный труд, не классифицируемый нарядами, и получаем наличными от людей, которые наш труд оценивают, которым он нужен.

— Из всего леса ны выбираете лучшую, деловую дреесниу и за это получаете от таких же, как вы, ловкачей. Ведь после вашей выборки лес остается годным только на палисадник. Люди, которые вам не подмазывают, в итоге получают дрова. Ведь так? И получается, что водка, кото-

рую вы пьете, ворованияя.
— Мальчики-мальчики, пу о чем это вы? Господи, подумаешь... Вечно ты, Руслан, что-нибудь выдума-

— Все, не будем, закончили, — и я засмеялся, сначала деланно, потом искрение. «Ворованная! X-ха... Если дрова — пусть не берут. Кто их заставляет. Если хотят лес -пусть доплачивают. Только и делов».

Сашка заговорил об институте. Я плохо слышал — ме-шала запрокинутая Наташкина голова. Ей, очевидно, эта тема — институт — тоже изрядно надоела, студентам надоедают «правильные» разговоры об учебе, гарантирующей стипендию.

85] СПІХИПІРОЗА

ИВАН ЧАЙ

— А на десерт, официант, мы желаем шампанского и просим вас поторопиться. Вам ясно? — Она смеялась и просим вас поторопиться, для женог — Она домедалем и держала его за полу черного фирменного пиджака. Сашка сбился с мысли, я наконец поймал Наташкин вагляд; офи-цианту же дорово поведом — он пальчик за пальчиком оттибал Наташкины пальцы. — Сейчас несу.

Руслая изяннился и пошел за официантом — предстоя-ло выяснить наши финансовые возможности. Наташка по-

ло выясниять наши ринансковые окражносты. Глагашка по-чему-то перестала смеяться я затуманенным вором уста-вилась на меня. Я вке ей отнечал с вызовом... Подощел повессаевший Сашка и заговорил о чем-то возвышенным, я поддержал его, и все завертелось даль-ше — смех. запрокипутая голова и ватляды, ватляды,

Потом Руслан еще раз сходил к буфету, отыскал там

нашего официанта, и мы подиялись из-за столика. Гуляли по набережной, любовались вечерним светом, острили в меру своих возможностей. Наконец стали про-

товарищ — валепить: — Сашк! Что-то я не пойму... Но она хочет, чтобы ее провожал я.

— Ну и идите...

— Ну и маите...
Прошам иного лет, прежде чем я понал, что не мыел правы так говорить. Я был моляодой, сумпый и самундеренный: Все честно — я моллодой преденямі, отструмный. Она извібраль меня, тебе, Сашка, придеста регупнять — мы же дожентальнены. Придеста тебе. Сашка, отдолічуть, тум должен понять она выбраль меня...
Когда Сашка дися, мы, навриес, протрежем м. До меня кое-что дошло. Наташка не придумала ничего лучше, как

зареветь. И еще хорошо, что на улице было темно, и на нас не обращали внимания

Вернулся Сашка. Взял ее за руку и увел.

Околчив институт, я получил направление в Сибирь, на Самотлор, — озеро посреди океана. Работа полностью за-хватила, родная Волга все реже слепила воображение, но тоска по верным старым друзьям все же не проходила,

и ощутимо ныло сердце... Сашка Русланов был одним из тех, кого не хватало. И с

годами, со временем не хватает все больше и больше... Из чужих уст я узнавал: расписались, родилась дочка, получили квартиру. Потом я приехал в родной город, и мать мис сказала:

- «Была в больнице... Видела там твоего друга...»
- «Пыла в обладира... Видела там тносто друга...»

 ... Теперь все. Теперь недолсто.

 Да брось ты. Что ты говоришь, Сашк, Нет, ты...

 «Ну, а что «ты»? Господи, что говорят в таких случаях? Ведь он умирает! Он умирает, и все это видят. Ведь
- OH...» .. — Перестань, Сергей. Всем все ясно. Не судьба. Еще
- Перестань, Сергей. Всем все кого. Не судяба. Еще этот дуаржий характер. Все надо знать самому: историю болезии пыкрал инчно. изучил и адесь, и в Москве. А за-чем? Может, было бы легче...

 О. черт! Но это же... Сашка! Может, тебе надо чего? Вои, посмотри... На выбор... Для умирающих ие жалко... Только мие инчего не уумки. Сергей. И я тебя об одном прошу: не приходи больше. Ты меня понял не точетом Я ие учиг.

одном прошу. Не приходи оодные. Ты меня понял — не приходи. Я не хочу.
Как я дошел до двери? Как не завыл по-волчьи прямо

в палате? Нет, инчего. Дошел до порога. Помахал рукой. Улыбнулся. Неужели даже улыбнулся?

Сашка смотрел на меня, и лицо его ничего не выражало. ...По коридору навстречу, стуча каблуками, шла жен-щина. Не женщина — дама. Она настолько не вписывалась в этот длинный, узкий белый коридор, шла так уверенно и гордо, будто стенам демонстрируя свое достоувкренно и содол, слудто стенам демонстрируя свое досто-ниство и красоту, что признать в ней сраву ту девочку, что плакала когда-то на улице, было трудно. Но я узнал. Так как всегда помнил тот вечер, когда потерял настоящего

друга. — Эдравствуй, Наташа

 — одравствун, глаташа.
 Она тоже узнала меня. Еще в самом начале длинного и приклятого коридора. — как только унидела меня. И при-готовилась пройти гордо и независимо. Наверное, ей тоже хотелось вспоминать тот вечер... — Ну что ты, Наташа. Ну, зачем так...

— Пу что ты, глаташы, глу, зачем так... А Сашка все скотрель мис вслед негодвижными глаза-ми: «Я тебя об одном прошу: не забывай Наташку, Все-тами когда-то ты оказался первым воже нас. Если удециь — пиши ей. Она ведь еще мождам Момет, что придется под-сказать... Ты меня понял?..» — Руслан не гопорил этих слов. мне просто хотелось, очень хотелось, чтобы эти слова были

На улице веряулось врение — стали видны морщинки у медсестры, радость выписывающихся, трещинки на перилах большичного крыльца. Внизу стояла маленькая девочка, одна, и горько ила-

кала. — Ну что ты! Ну, чего ты, малыш? Ну что ты плачешь,

малешькаяг
— Ма-а-ма ту-у-да уш-ла...
— Куда² Туда² Сама ушьа² Ну так что же ты плачешь, деночка³ Ну, перестань. Ну, не плачь. Сейчас мы что-пи-будь гридумаем. Только не плачь. Сейчас, подожди...

буде придумаем. Іолько не плачь. Сейчас, подолжды.

Спустя кажает от время посе, еттекда в получи от та-три півсьмо... для нее Руслан был просто одним из можі мисточисленнях приятелей. По ппоросні се найти Наташ-кин дарес, считал своім долгом поддержать, помочь — недь я же хороший, чуткий, надежный товарищ. Мать почему-то можнала.

Потом я приехал опять. И хотел сам найти Наташку. Друзья помогли. Но не в этом... Они рассказали, как все происходило там, в больнице, в то время... Воображение дорисовало. Ведь я в деталях помнил тот алополучный, тот проклятый вечер. В том числе и Наташкино: «А теперь, официант, мы желаем шампанского», — на которое, к несчастью, у Сашки нашлись деньги, хотя шампанское в тот вечер не предусматривалось. В тот день, когда я видел Сашку в последний раз, На-

талья вошла в палату, как всегда, астко и испринужденно. Но вот слова, с которыми она обратилась к мужу, к Саш-ке... они камиями падали на бильничную койку.

— Ну... ты как?

Он промолчал. Только глянул и промолчал.

Она открыла тумбочку и, окинув ее взглядом, произнесла:

— Я хотела принести тебе кое-что, но у тебя, как вижу.

— Как Зоя Павловна?

Когда же я ее видела... Не помню. А, в четверг.

Тут она замолчала, чуть-чуть порозовев.

тут она замолчала, чуть-чуть порожовев.

— Я прокла тебя прявести дочь. Рак — это не опасно.

— Иришку. Дело в том, что я ее отдала в детсад, устроила, а там объявили карантин. Уже скоро кончится. Ничего особенног. Череа нежелы приведу.

— Значит, все-таки отдала? — На лбу у Сашки выс-

тупили капельки пота.

— Мне же надо устраиваться на работу. Перейду с очного на заочное или вечернее.

— Но ведь есть родители. И твои, и мои. Они помогут.

Униться-то осталось год с небольшим! «Господи, как я устала! Как я устала...» — она задума-

89] СТИХИ ПРОЗА

<u>ИВАН-</u>ЧАЙ

TPEHEP

Расская

Он жил в сшоем городе уже три педели, три недели в любимой Самаре! Что бы там ик было, что бы там ик голорилм. Самара. — это Самара. Это и Крайной Сенер и не какая-инбудь Тюмень. Самара — это город! Это Волга, это

кажан-иноуды Поменю. "мамра — это поряда с-го должа, это подил стодительно, это.

Последний два он был лассь два года навад, дв отпуске Прошло семь лет, как он окончил родной полителнический и получил направление на Север, в Западную Сибирь. Перме тур года регулярию приевяла в отпуск, в мамалива котмы дворожны два стор двога. Пр л лето притился забить совсем — детом бурилы наклонияе скважины. И попасть летом в отпуск — он движ е взаималея до этом. И дарут повело. Словам руку Кая ито призношно, лучше и говорить. Стадию. Все-тами дурак, ох и дурак. Стариний теклого на буровой сель двого двого на буровой сложа дуру Кура ито пискей Как будто без него некому. Нет, полел. И вог результат. Директор контора утром на интигинителе ав жаналел. Директор контора утром на интигинителе ав жаналел, ста дъсти. будто без него некому. Нет, палеж. И вот результат. Директор конторы угром на нитимитукся ак заимася от эльсти. Это же надля В самое горямсе время, самое бурение, самый разгар... Ну, уж таж получикось. А даз получильсь то навините. И вот он в своей любимой Самаре, в своем родном Куйбышие.

Дужей он встречал неожиданно. Илешь за хьебом — Колька, спускаешься на Волгу — Генна, заходишь в киме — Володака. Приятно!

им — Влюдовка. Приятию! Угро он начины с двуже е пива. Так было и в этот день. Спустнася под Хьановский. Направо, во двориже столовой, на этот раз оказалось пусто. Свериул налело, к адважу пивавода. Пиво оказалось — чудо I устое, темное, вязное, жельное. Швиае же такое пиво I Настроение следанось расудаетою. Треножило одно — нет перевода. Из — Усть. Балажа он уеза на певжданию. Прерсмо — больничный. получку ждять не стал. На дорогу и на первое

время вроде хватало. А там — подошлют. Но деньги кончились раньше, чем ожидал, а не присылали дольше, чем положено. Но это срунда. Главное, есть подо что зани-На углу продавали квас. За квасом очередь. В очере-

ди — Юрка Целовальников. Высокий, как и все баскетболисты, с животиком, как и все научные работники.
— Здорово.

- Ха, Димочка.
- Ну, ты как? Ничего. А ты?
- Да вот, немного трахнуло. Так... Что-нибудь серьезное? Да нет, закрытый, без смещения.

- Ну, тогда ладно. Не играть. Расскажи, что там у вас в этой Сибири делается?
- Что у нас... Бурим потихоньку. Разбуриваем. Осва-иваем, так сказать. Да что ты про меня? Как твоя аспиран-
- тура? — Аспирантура как аспирантура. Дочка родилась. Слу-шай, ты сейчас кем?
- Старшим технологом. Сколько тебе-то осталось?
- Да черт ее анает. Не ладится что-то. Вот дочка те-перь... Да и жена. Ты сколько там?.. Пойдем, пивка по-
- пьсм, поговорим...
- пасы, потовориям.

 Да в только что, по горльшико. Давай завтра? Ты мой телефон поминшь?

 Найду. Но лучше ты мие, а? Ты на сколько это дело планируешь?

 Часам к девяти.
- Так я сплю до одиннадцати. Я ж аспирант, давай, ты мис звони. Разбудишь. Да. слушай, я только что Дуду ви-дел. Слушай, Дима, это... пожар, в общем...
 - Да слышал кос-что...

ИВАН-ЧАЙ

— Половина осталась от человека. Серьезно, Дима.

— Половина — Одиа тень — Да, слышал. — Да, слышал. — Да, слышал. — Трешвицу попросил. Говорит, доскать до Ставрополя не на что. Он ведь там работает. Правда, говорят, вы-

мя не на что. Он ведь там работает. Правда, говорят, вы
— Слишал...
— Тени, Дима, сама тень...
— Ну ладно. Значит, договорились...

Все. До завтра...
С мерущий агин начался, как объечно. Встал, покрутам, ВЭФ», помагал докроной русий, питкулся, изобравая тимнастиру Что-то он пзавировал в это утро?... Мата
просма заехать, но это другие, это к обеду Павит стал...
Он выше, на учану. Вее вее короно дима! И такой зеденай городице! Правы вак в лесу И спуски красию отденай городице! Правы вак в лесу И спуски красию отденай городице! Правы вак в лесу И спуски красию отденами. Он отить ше к Водие, опять под Ханьновский.
Поске пива, пройдась по наберенной, уже по другиму
стуску получась к главночте. В оне «до выстребовымая
денувным учаственном стал...
— она помакала рукоб. Радоска дований, ашиса в кина. Дием,
омин. домадить пить конесс. В оной в стрети с старого друга.
Доной посхам высете. По нути защам в магавии. Настрем на бутьмы суского... скреб на бутылку сухого... Когда выходили из дома, он приотстал. Закрывал дверь

Когда выходими на дома, он приотста. Закрывьа дверь да и не котке. летов в сто время их всегда подои двер. Выходя на местничного клетову, усмящах. «ВъД Добрай день. А Дина дома? На лестнице, ступеней нять ниже, стова его любимый тренер. Не первый, не делителенный, но. — ламый. Тот, с которым...

— С приевдом, Дина...

— Зарамстий, Боркя.

В команде их было человек пятнадцать. В секции — еще больше. С ним одним давно, очень давно, тренер

[92] СТИХИИ ПРОЗА

 позволил к себе обращаться на «ты». пеоещел на «ты» -«Почему, Дима? Почему именно с тобой?»

Ты рано начал судить. Это вас сблизило. Не то чтобы ты подсуживал дударевским командам. Нет. Хотя порой у тебя не хватало смелости свистнуть там, где бы ты не испытывал ни малейшего сомнения, если бы в зале не сидел Борис Давыдович. Ты был мягче и безвольнее, чем твои торис давъдовит. Тът овъл жите и осволовее, чем твои северстники. Поэтому на теби так и не получилось классно-го баскетболиста... А Дуда это понял сразу, у него наме-танный глаз профессионального тренера. Так и получилось, что на площадке он мог спокойно обходиться без Димы Шибалкина, а вот в жизни... Почему бы среди прочих собутыльников не иметь тебя в своих оруженосцах? Тебе же льстило среди своих друзей иметь такого сильного, такого известного, что скрывать, такого уверенного в себе человска, каким слыл в то время Борис Давыдович Ду-

Он первым позволил тебе разговаривать с собой на «ты» — и ты возгордился. Его это тоже устраивало — тебе, оказалось, можно «тыкнуть», когда в этом возникала необ-

ходимость... Было, было, много чего было... — Ну, здравствуй, Боря...

— Ты торопишься?

— Ты же видел, я не один.

— Понимаю.

— Ну, как ты? Где? Что нового у тебя?

— Да вот, в Ставрополе. Слушай, выручи, Дима. Так уж получилось. Никак не доберусь до дома. Загудел тут

Теперь Дмитрий мог разглядеть своего бывшего тренера. Одет он... Но одевался он так всегда, хотя уже давнымдавно, много лет, его получка равнялась той, которую получал Дима в последние три года работы на Севере. К этому

привыкли все, его знавшие. Но вот синяки, ссадины на лице видеть было страшно. И Дмитрий отвел глаза...

[93] СТИХИ ПРОЗА

— Уж так получилось. Я ехал домой, все чин по чину.

— Ум так получнось. Я ехал домой, нес чин по чину. В загашният сетрацать посем рублей. Остановля машину. Там двое или трое, не помию. Как они догадальсь, что у меня что-т оста Чт, а я то тельснякий. В общем, меня милиронер подобрал. Он мино на мотоцивле ехал... И это был то Удуадев, который когда-т опришел с изим, салаган, в Метрополь. В лымных ботниках, телниках, давтно не гладеенных броках, оминийской шерствике и сером пладкаве питилетией свемести со знаком «Заслуженных превер» на давдаме. Оли ехало «Толь» откурато с сороеннований, где заявам приличное место. То ли третье, то ли четвертос. где авияли приличное место. 10 ли третье, то ли четвергое, во всяком служае, он. //дуарев, был ании довом. Подготиру-то им и не запретил стужинать в столичном ресторане— екали черев Москцу, пересадки позволяла немного по по столиде. Выбор пал на «Метрополь», «Метрополь»— и инкуда больше. Пили «Гара-Чанах», гакусывали салатом на крабов, а в основном разевали рты на окружающее. Дуда сказал, что зайдет проверит, как и что. Они сидели долскавам, что зайдет проперит, как и что. Они сидеми дол-по— бызы на что посмотреть — в уме решим, что ето не будет. И вдруг появляется. Вырсе в дверях. Прамой, как оскив. Высовий, калая клубуме, изывляет, отринивые Воло-сы жанявие, седоватие. Что-то ощущальсь в нем, в на-шем тренерей. Метратота к немут поясках лыс глазами и пошел перед ним, ведя за собой, приглащия. «Ну, как вы тут? Без меня, и нечето? Мне сто патъдасет конваяу. Икры черной. Масла». Выпыл, посмотрел но сто-рома. "Смотрите тут... и Пошел. Кивнум метралетало. (Как коннул!...) Тот поклонился. И все. Ушел. Прамой, как состав...

сосна...
— Я лежу Кровь «Грандании, что с выми?» И вот я ядесь. Знакомых сеймас инкого — лето, исе в развъедь. АД в и самт- туме должен быть в Волгоградь, велит тудь девочек... Опаздывано на два два, навернос, уже без мена... Дмигрый петовына, как онин грам В Волгоградь с Крас-нодаром, за выход в финал Заруба былы Краснодар был

сильнее. Ребята и повыше, и поздоровее, и поопытнее. Но у наших игра проредальсь. С любых дистанций, их любых положений. Бывают такие игры. У каждый команды — олна или две в год. Тогда вели очков восемь. Кончился первый тами. В перерыве Дуда Сламку — капиталь — за волосы пригнул и по шее двумя пальцами! Показалось, голова у Славки отвалится. А Дуда попериулся и с ини такую же операцию — они тогда со Славкой в игре вязяли на себя инминото лишиего. В раздевалае с удъя был, куйбышевский, болел за своих. Так у него челюсть чуть не отвалилась. От дивиления... А они — инчего. Проглотили. Дуде все процадам. Почему?

В то время в инх., совсем сще пацанов — Юрку Целовальникова. Славку Попа (от фамилан I Ionoв). Месрапана, — никто не верил, ибо играл они в тун гур — баскетбол — сле-сле. Не замечал этого только Дуда. Он один
нисколько не сомиевался, то игра у них пойдет — ведь
они занимались у него, Бориса Дударева. И эта уверенность перешла к ним, молодым реботам, в все они за это
впервые испътанное сильное чунство считали себя в долу
перед своим обожаемым тренером...

А Дуда, но сути дела, их тогда и не тренировал. Кидал

А Дуда, но сути дела, их тогда и не тренировал. Кидал мячи и уколал. В спортивный вал к нему зачастили его знакомые, которые его жаждали «буквально на одну минуточку». «Да-да, сейчас иду». У Дуды хватало знакомых, спортивных, которые считали за честь и просто за удовольствие выпить с ним.

В тот год Дударев работал с девчонками. Им. и только им уделялось его дагоценное внимание. Дуда всегда ставил верию. В одни год саслать чемнионами обе командал не мог ин одни тренер. Хотя бы семн пядей во дбу. У него в тот год подросли девчонки — и он отдапал себя им. И в конце концов. как всегда, его труд увенчался успехом — девчонки выиграли. Ребятам же только фарт, удача, спортивное счастъе подволяли выйти в финал и занять, независимо от последних игр, четвортое место. Четвортое из шестнадция (Прогивником и той игре была команда Краснодарь, На Дуду но премя встречи хучие не ссмотреть, в перерыве... «Кстати, Борис инкогда не работал со вврослами. Почму? Только нопия — железный принцип, которому он, важется, не изменял ми разу».

важести, не наменял ин разу».
Потом межу инин случалось еще много всякого. И не раз и не два они разбирались, как, что, почему. И Борис Давыдович уже не репласи «тънкут» Дине Шибалкину. Но каждая и кегуеча оканивалась одиналково: кес Димины недоразумения и обиды — вто так, трунда ... Все их

сму никто не поливлика. Димы рядом не облодо, напомнить ему никто не напомнила, а самому помнить свои обещания — саншком трудно, саншком обременительно. И Дударев не помнил, никогда инчего не помнил из обещанного собой, всегда хороши помнил, что обещалы ему.

дера и помник, мисла ничего не помник из осъщавание собой, исела хорошо помник, от обещава неу Дударев мог помениять в Сможенск. Сапросто. Ему было бы даже прияти поболать с завжаедерой спортивных игр об общих знакомых, о последних перемещениях, об изыкнениях в составах комана, о переклада, от отм, мому присыния и саставах комана, о переклада, от отм, мому присыния «заслуженного», а кого несправеданию забыми... Их объединяло многодение плодотнорное сотрудничество, учениям Дударева становимых студентами Чертумии. Но лично Дудареву необходимости звонить в Смоленск не было. И он вабыл. Сложнансь так обстоятельства. Вот если бы нужно было повонить туда ему, Дудареву, а ридам сто-ял бы Дима и канючил, то он бы вставил словечко. Не кривя душой. Шибалкин приличный игрок, его ученик. Да и потом уже вроде и выпито с ини чуть ли не ведро... Дима Шибалкин долго ждал этого звонка в Смоленск — его в связи с погоданием ие допускали до приемых экзаменов. Жлал, ждал и не дождался. Уж так сложились обстоя-

 ... Давно прошло то время, когда Дима собирался поступать в институт физкультуры, а Дуда жил в большом авторитете. Давно. И — забыто. Как говорят — «давно и неправда».

Скандал равгорелся, когда Борис от жены и детей ушел к своей воспитанинце Ирке Семеновой, которая занималась у него с десятилетнего возраста и которая была младще Дуды, ни мало ни много, на восемнадцать лет. И здесь

Все это случилось на глазах у Димы, но в то иремя все они уже оказались поодниочке — в Борис, и Димы, в псе его остальные ученики одного поколения, которые когда-то составляли единое целос — сборную команду области, из которой Борис и выбрал Дирку, Каждый из инки, находиших в свое премя так много общего в стареньком динамовском спортзале, уже жих самостаться ной жизвию, и поэтому расставляне Дуда с городом, в котором он проработал двадцать лет, воспринял как нечто естественное Навериое, дистиятиства на истора на котором он продаботал двадцать лет, воспринял как нечто естественное Навериое, дистиватися дудареву в этом городе после всей этой некрасиной

натоки де имеет смысал.
А Борис был уверен в себе, поэтому так легко и понесло его по России в поисках счастья. И действительно, брать брали, работу, квартиру давами, хотя все ето оказавивлось, конечио, не так просто, как думалось вначале. Но главное, он уже нигде не мог почувствовать себя так, как в Самаре. Он нигде не мог жить так, как привык, как жил уже многие годы — «Я — Дударев!» Предстояло начинать все сначала, как двадцать лет назад, но сейчас уже не те годы, не те нервы, не то терпение. Было одно — самомнение. А это не то качество, с которого дучше всего начинать жизнь на но-

то качество, с которого хучше всего начинать живань на но-вом месте, с не от тебе только с коншали и где и ужию заново доказывать — Я— Дуадеей» Поколесни он — будь адпров. Но все шьо по висходя-щей. И черев пять лет баскетбольная Россия забыла и про Боркас Дуадеена, и про его учениють И тогда он вериулся домой, в родиулся Санару, Врезени прошло достаточно, кос-что ску простили, кос-что — нет. В самом городе работу не дала, а вито радом, в городе сстриние, — поможуйста. Ра-богай, трудись, как в былое время. Но нет. И тут — нет. Иуто-то приновилы, что-то слождось в Боркес Дамуденае Дуадеее за эти годы. Да он, кажестся, и не пробовал встать попереск нежарамы.

дудареве за эти гиди. Да он, кажетем, и не приливал истати отполеж неусачам...

Оттолоски всех этих событий частичию дошли до Димы, кее-чему он был свидетелем сам. Но чтобы все это пытля-дело вот так — с синивами и ссадинами!.. Этого он не ожидал, это просто-напросто страшно.
— Так ты одолжи, Дима...

— Іак ты идоляні, дима...
Перед Димтрием стова совсем другой человек. И сосну он не напоминал инсколько. Нет, нисколько...
— Бора, у меня в кармане ня копейки. Честно. Так поучилось. Я педь соса неокумально приехал.
— Ну одолжи, у соседки. Надо.

— Ну одолжи, у соседан. Надо. Дметрий расгераска, надо было где-то влять этот рубль. Он подняхся на этаж выше. Позвонил. Открыла вазка-то пензакомая деятная этат пятацяти. Уставнаже, с любопіва-ством. Краснев, произвими — Прошу порцення. Я живу прямо под вами. Вы не можетс одолжить мне до вчегда пять рубся? — У меня нет таких денст... Хитите гра?

98 СТИХИИПРОЗА

— Хочу.
— Сейчас принесу.
Он стола и ждал. Она принесла.
— Спасибо, вы меня здорово выручнам, нечером ване-су. — Это он кричал. бетом спускавсь по лестинце. Борис ждал, не швегажь, замерев на этой слишком узкой для него

ждал, не шевелась, замерев на этой слишком узкой для него лестинце.

— Ну вот, выручил. Отдам... — что-то мелькиуло в этих голубых, таких зиккомых, но уже поблежишх славах. А потом — все. Мажиул рукой и ушел.

Прошел не один день и не два, прежде чем Днитрий вспомина, что забыл повнонить Юрке. Ведь он встретил Юрку Целовальникова и обещал ему позвонить. Как же он забыл об этом? Надо же...

иван-чай

Татьяна ЗОЛЬНИКОВА

Амбовь — привычка, говорят, Я б ис сказала это Не аря любовь и стизах творят. Но далеко мие до поита. Я помолу, я ие по ит. Пишу все так, само собою. Не соблюдаю этикет — И инчето от вас ис скрою. Вътъ может, коности рассвет, Что так слова свободно льются? Не знаю. Может быть, и может. А все-таки течевие добови весет меня.

Оксана ИСАЕВА

А я иншу тебе стихи, едва столкнувшись. Как будто не было беды с утра, проснувшись, Как будто не было дождя из капель серных И кислотой не жгло меня из глаз неверных.

Летать я больше не хочу — восторгов мало. Зажту я новую свечу — начиу с начала: С начала жить, С начала женть, с начала верить и любить, С сморсть в годая и находить То, без чего нельзя мне быть.

[101] СТИХИ И ПРОЗА

Александр Владимирович КАЛИНЦЕВ

родился 14 августа 1956 года на станции Бискаміжа Аскивского раймна Ханасской автономной области. Грудовой путь начал в 1972 году учеником токара. 11 осле службы в армин работал водителем, грузчиком В Ниминевартовске живет с 1980 года. С 1981 года работает слесарем на месторождениях Ниминевартовского района, последние 13 лет в «Черногорке». Печатался в периодических изданиях Нижиевартовска Метнона и Кропоткина (Краснодарский край).

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЮНОСТЬ

Ты прекрасна, спору нет! — Я без зеркальца скажу. С паутиной этих лет Я ковер стихов сплету.

Как получится — не энаю: Тайну сердца открываю.

[102] СТИХИ И ПРОЗА

Вечно пусть несется вслед: Ты прекрасна, спору нет!

Что творит с тобой весна. Если людям не до сна? Ясно, анает даже шкет: Ты прекрасна, спору нет!

Боже мой, как ты прекрасна! От тебя струится свет. Что с тобой мне день ненастный, В юность где купить билет?

Все же каждому свое: И для ночи есть рассвет. Зря ли сердце мне поет: Ты прекрасна, спору нет!

НАДЕЖДА

С рукой протянутой у церкви простоять Иль торговать на рынке разудало - С чужого кошелька легко монету ваять. Я не могу. Пусть скажут — это мало.

Стать воротилою, тут весь тебе набор, Иль у крутого быть шестеркой-подпевалой, Разрушить храм, в опилки бросить бор. Я не могу. Пусть скажут — это мало.

Ограбить среди дня, под маскою таясь, Побором придушить, не сняв с лица забрало, И мило врать, ответа не боясь... Я не могу. Пусть скажут — это мало.

ИВАН ЧАЙ

Шагнули мысли в двадцать первый век, Там бьется пульс здорового начала. Я жму Вам руку, новый человек. Надеждой жив. Я счастлив. Разве это мало?

Зачем рядить мне истину в штанишки? Прочти о ней ты у Хайяма в книжке: Гола она с рожденья и до гроба. С ней хорошо — ты жив. С ней корошо — ты жив. С ней плохо — мертвы оба.

ПЕТУХ

Рассказ

Жарким летним днем в небольшом селе, что на Украи-Жарким летним дикм в небольшом селе, что на Украи-не, в семеь молька пересленцев случилось пепредвиденное. Разноцветный красавец петул, с угра еще холяни дво-раз попелитель гарема, адруг оказался чужни Откуда было знать холяевам, что пекрашний вечерини гость, деловито кухарскавший на огороде, принесте стегодининою сумятты уу Они, конечно же, заметили чужного петуда, и молодая холяйка сказала, как в воду смотрела: «Ты длядь, точь-точь как наш». Что называется, сглаяма. Хотя будь он дру-егото шета, подал мбы это объечтно его дальнейшую участь. гого цвета, вряд ли бы это облегчило его дальнейшую участь. но может быть, избанило от возникшего скандала.

но может быть, изоавило от возникшего скандала. Оказалось, что усоседей по улице, чтоере внесколько до-мов от нас. убежал петух и какой-то доброхот сказал, что видели его у нашего двоја. Соседка же, не мудствуи лука-во, слыша только голос сердца своего, обвинила во всех смертных грехах мою жену и коршуном унесла нашего пе-туха. Аргументы высказывались веские и, по ее мнению, очень убедительные: «Петро, казав, шо вчора бачылы

[104] СТИХИ И ПРОЗА

у вась. Вот так и сказала, как пригводима. Моя молодуха, женщина далеко не робкого дсетка, принила в откровенное отчавние от желаной логини доврки. Описломленивя доселе невиданным напором и даже (не побоюсь этого слова) безаэстенчивой наглостью, вчеращивя горожанка затосковала по цинилизации, где ей не было равных. Двалдатидмухлетивя повариха, бранивя штурмом кабинет первого секретаря обкома, спасовала перед дремучей, но могучей силой крестьяния.

Когда я пришел с работы, она рассказала мне последине неутешительные новости, а под конец с емящей заявила: «Иди, хозяни, вырумай петуха». Моз жена прекрасно знала, что к совсем не умею ругаться, драться, воровать и доставать. И тем нитересней было се заявление: «Ту, думаю, рав уж Наташка не справилаеь с хохлушкой, что же я буду делать?» - Честно привилаюсь, опешим повтаму сильно.

Проклиная всех петухов и соседей через одного, я поплелся выручать своего куриного падишаха. Не идти было просто нельзя. Те пятьдесят метров были для меня дорогой на эшафот. С людьми заведомо наглыми нли лохмато тупыми я обращаться совсем не умел. (Какое счастье, что я тогда ошнбся!) И вот, подходя к дому, куда насильно перекочевал мой петух, пришло на ум простое, как велосипед, решение. Это бог, видя мон затруднения, надоумил меня. Святая простота! Каждое животное знает свой дом — вооруженный этим постулатом, как мечом, я открыл калитку. Соседи, очень удивленные исординарным решением и настроенные больше на привычный скандал, быстро согласились на эксперимент. И вот мой петушок на свободе. Встав на землю, Петрович без малейшего замешательства рванул домой, да так, что лапки вращались, казалось, вкруговую. «Свон куры-девки слаще», — порадовался я за своего куриного султана. По глазам соседа, с которым работал вместе, понял, что жене его предстоит словесная выволочка, но ато была лишь догадка, а там как знать...

ИВАН-ЧАЙ

Довольный, как бегемот после купания, я пошагал к сводивольный, как остемот поск купания, я пошатал к сен-ску дому, мою счастляную рожу над об выхо лицеарсть. Ведь я даже и не подовревал, что найденное решение одобрял бы, наверное, сам музрам Соломон, царь Изранля. Мир праху его и слава Всевыншему.

МАЛИНОВЫЙ ПЕРЕЗВОН

Вашенные часы размеренно-исторически пробили две-надцяга раз: после каждого удара в окие башенки появла-мись фигурах помпави ним кома, буйвода мил тера. Знаки Зодиная, или попросту эперушки, черсдой сменам друг друга, подчинаес законам, пореженным сывше Фигу-ры животных были сделаны из броилам и мнесте с часами и водшебными колоколами-сосудами, наполненными обворо-жительными звуками, составляли великолепный ансамбль. Бронза, начищенная до блеска, радовала глаз и притягивала внимание

Когда башенные колокола били полдень и диковинные звери приходам в движение, народ по привычке останав-нивался и крестидся на изумительный и святой звои. Воис-тину, малиновый звои этих часов прославил Н-скую губер-иню, и даже из столицы масэжали знатоки-слухачи. Все в одни голос цокали от восхищения и одобрительно кивали

Гений неведомого механика заставлял двигаться даже

зменю инекамого механика заставлял, двигатъск дале мене съ на минимальсъ, разелва двистъ и завороженные зри-тели углерждали потом, что слашали свист и шелест. Что ж., вполле может безть. Мастер, по преданию, был проетъм соддатом и за-лумус свою принес из дальних походов. Фальмах у него была не то Черепцов, не то Жеребцов, ох, память людская...

[106 СТИХИ И ПРОЗА

Так вот, «из дальних странствий возвратясь», невмоготу стало служивому: уж очень хотелось часы с боем и аверушками изобразить в бронае. Стал уговаривать общестно слободское построить башию.

Долгих три года собирали скупые мужицине пятаки, наредка какой-нибудь богач кинет пять рублей в складчину, да и на том спасибо.

И вот застучали топоры, ааавенели пилы в слободе под названием Клин. В кузнице без отдыха качали меха, наковальня пела свою извечную песню, здесь священнодейстновал сам Иван Жеребцов: содат, часовщик, кузнец.

И вот наступнам приятные хаопоты последних приготовлений. Пружина на часах была взведена до упора, и лишь «собачка» удерживала хитроумный механизм от вращения.

Иван опустил «собачку», и шестеренки показались живыми. Большая шестерия сделала пол-оборота, в окие поямися ненаданный зверв. Змей Горымы» «Бом», — скаала большой колокол. «дин-дин-дон-тин-тин», — подхватили его меньшие братья. Собравшиеся зеваки завизжали от восторат.

Дела шли ладом, да вот беда: домой Ивану хоть не появляйся, запилила жена вусмерть — ведь жалованье от общественных работ было никудышным.

В помощиник и Маму определьны Юхима — эпонаря из храма Казанской Бомней Матери. Он была вяят на звонныуе еще мальчонкой и последние триддать лет то и делал, что дергал «било» и гонял голубей, облюбовавших житье в его владении.

Послушать благовест приходили за десятки верст. Юхим считался звонарем-виртуозом, и его слово в опредслении «голоса» колокола было решающим.

Звон наподнил слободу неожиданию, некоторые даже вздрогнули. Народ долго не расходился, упиваясь мелодичным авуком. Предводитель дворянства расчувствовался и подарил Ивану три рубля. Мастер прогулял их в два дня, обильно угощая своих помощников.

Прослышав про необыкновенные часы на Клинской башне, потянулся народ посмотреть на диковинку, и вскоре вокруг стали появляться купеческие лавки, крутиться лоточные пройдохи.

точные пройдожи.

Томы, атот непревхойденный звонарь, попал в разряд чудаков, потому что в ночью приходил послушать звои колоколов. Стоял не шелохизушись и, казалось, проживал за минуту 12 кизмей, пока пс 12 вверушек сменяль друг друга.

Шло время, деревяннам бания постепенно приходила в несодность, и втому на кохок решилы поставить каменную в честь почившего в бож Ивапа-мастера.

Ее выстрили на удивление быстро, и освятил, как полагается, протоверен Гащина. 16 городам и весям прожатился слух, что душа мастера и 12 масов иючи прилегает послушать собтенног творенье.

Вокруг башии гомонила и переливалась на все голоса разпольженных являмах.

разноплеменная ярмарка.
Но налетели враждебные вихри, и черный ворон, как тать ночной, запорхал над слободой. Купцы разбежались,

торговля совсем захирела. С башни сняли бесценные творения, потащили в лом,

сдавали на вес: полушка за кило.

Здание башни уцелело по причине имевшейся в нем пужды. Из Иваново-Клинской башни, которая соловыной

трелью малых колокольчиков будила округу все последние сто лет, сделали... склад. Через много лет один заезжий чудак и доброхот выз-

вадся восстановить, по рассказам старожилов, ивановские часы со эверушками и колокольчиками. Он, как и мастер Иван, долгие годы занимался этим нужным для общества гіван, долле сида запималь а тілм пудпівня дом юздества делом. Было тажело вы-за утерянного секрета малинового авона: приходилось полагаться только на свой слух. Зато помощинков было хоть отбавляй. Скоро в густом морозном воздухе раздались басовитые удары с мелодичными переливами: один мощные и напористые, как голос дъякона Алексия (из соседней слобады), другие — нежные и ласковые, как воркующий голос суженой.

Иваново-Клинская башия вновь дарила радость. Последователь мастера, пришлый полесский механик, был счастлив, что ему удалось воссоздать часы и заиметь столько дружей и учеников.

Представитель местного земства ревностно глядел на счастлявых модей и завидовал настойчивости чудака-добростота. Но дело было сделано, и ему ничего не оставалось, как поклониться и сказать:

 Я рад, что вы закончили свой прожект, буду хлопотать о премин. Мне очень жаль, что вашим ученикам не найдется работы в нашей губернии.

Кони, взметая снег, понесли его в управу, по пути подняли стаю ворон, которая, хрипло каркая, полетела в сторону сважда. А малиновый перезвон своими чарующими звуками на-

А малиновый перезвон своими чарующими звуками наполнял окрестности, радуя сердца людей.

KOTFAOK

Рассказ

На дворе стояло лето 1924 года, московская алита развижалься на дачи. Молодежь, пользуясь отсутствием родителей, устранвала досуг по собственному разумении. Ресторации отнюдь не пустовалы. Биржа труда работала в мене напряженном режиме.

Страна смело шла навстречу коммунизму. Нап заметно оживная настроение граждан молодого государства: открывались кафешантаны и лавочки, швейные и сапожные мастерские...

[109] СТИХИ И ПРОЗА

Театральная жизнь летом вамирала, молодые столич-ные актеры собирали чемоданы: их путь лежал на юг, на гастроли. Михаил Жарков, молодой, подающий надежды артист

театра, не был исключенем и под размеренный перестук колес ехал в сторону Ростова-на-Дону.
Михаилу было двадцать пять лет. Все выгодно отлича-

ло его от других: высокий; светлые, немного курчавые волосы; большие, серые с голубизной, чуть навыкате глаза; безукоризненный костюм, инчуть не прятавший его строй-

оезукоризненным костном, инчуть не прятавшин его строи-иро фитуру.
Сшитяй накануне кителок в мастерской мьдам Яб-лонской сия лювязной и требовал внимания: Михана ли-куратно надел его на рожок пешалки. Он был ценетилен не только в отношени одежда, в сто лаковах туфак, как в верекаж, отражалось солице, заглядывающее в окно ва-

гон Товарици подшучивали порой над его щепетильностью: «Ты, Миша, любишь наряды, как барышия».— «Порядок люблю»,— невозмутимо отвечал им стильный Жар-

Пронырливый Борис Соломонович Кацев, антрепренер принараливи клупк Сълдинопович Гадусв, антрегиренер небольшого московского татър, усяда, как всетда, равныш для устроения летних гастролей на далекой Кубани. Все ждали его звонка. И нот поезд «Москва — Минеральные Воды» учости. Жаркова с труппой прочь от унылой и пыльной Москвы.

ном ічискяю.
Труппа ехала весело: с вином и гитарой, на ходу разучинали ром. Не надеясь на память. с надеждой смотрели на
старото Игнатыча, с уфлера доревилециюнной завяваски.
Режиссер, передатавляд жит ваглады, строго заметна:
— Игнатыч, ты у меня смотри, голуба, чтоб перед спек-

таклем ни-ни...

Михаил, на удивление, проникновенно пел цыганские романсы.

Горячо обсуждали репертуар и стихи Маяковского, потому что контракт оговаривал обязательное иключение его произведений в гастрольную программу.

Вечером из купе доносилось грозное:
— Левой, левой... Ваше слово, товарищ маузер...

Станция «Кавказская» встретила их утренней прохладой. Мимо носились торговки разной снедью; здесь было все: пирожки и кулебяки, булочки с маком и изюмом, вишня ведрами и стаканами, кислуха с аппетитной желто-ко-ричневой корочкой в глиняном «глэчике». Черноглазая красивая казачка с корзиной в руке в до-

мотканой вышитой сорочке зазывно-певуче выводила:

— Господин, да визьмить, будь ласка, ца ж варэныкы з вышнямы, николы мабуть на илы.

От ее слов и яркой колоритной внешности веяло экзотикой, и Михаил невольно остановился. Ему явно понравилась эта молодая женщина: Жарков достал портмоне, нашел монету и протянул приглянувшейся красотке. Откровенный взгляд артиста уперся в полные, девятым валом вздыбленные груди, задержался, насколько позволяло при-

личие, и нехотя ушел в сторону. «Вот мать-природа, — восхищенно подумал он. — Наверное, выкормила двоих или троих мальцов, а самой хоть бы что». Казачка, заметив причину интереса и восхищения, с вызовом спросила:

— Шо, нранятся?

Михана ничего не ответна, повернулся и. как завороженный, пошел мимо станционного выхода, совершенно забыв про покупку. Казачка оглянулась и со смехом напом-

Напротив вокзала стоял добротный особняк городского суда, принадлежавший ранее помещику Хмелевскому, а рядом — двухатажное здание отделения дороги. Слева был разбит небольшой парк, где имелись все атрибуты нарождающейся культуры: фонтан, танцкласс с эстрадой в виде ракушки, карусель с лошадками и оленями. И ко-нечно же, пиво. Михаил недовольно поморщился от вида захолустного небольшого городишки.

Раскинутый на правом берегу Кубани, одноэтажный, он утопа», в зелени вишневых садов, усыпанных красными плодами. Их было так много, что издали они смотрелось, как звездочки Млечного пути, Стожары — красное на зе-

Товарици Жаркова пропали из виду еще на перроне,

Поварищи гларкова пропали из визу еще на периож-и он пошев. вкетать извозчива. Жизнь в городе, который еще три года назад прозывал-ся хуторы Романовским, кипеса вкорут железной дороти. Важный извозчик, не вынима самокрутик имо рта, сказал, что гостиница в двук шагах, зо утоми, называлась она Дом приезжих. Охадавшийся неподалеку шустрый паренек вы-

приезжих: Оказавшинся неподалеку шустрым паренек вы-ямался яз гривенник домсети саквояж. Когда Жарков добрался до номера, товарищи встрети-ли его улыбками и шутливыми возгласами: — Ну что, ловелае, вак квазчова?

— А мы глядим, он и рот открыл, слюнки пустил, Дон-

Жуан. Особенно изощоялся трагик группы, золотушный Алек-

Сособенно изощравает тратик группы, золотушный Алек-сиард Каминурия:
— И что, Миша, теперь в хате поселишься под камы-шом, свою торогома заведешь «Жарков и К°с»?
— Ржам так, что аж стены дожами. Потом на столе по-мяльсь заветная бутьлогия. Михаму бережно вручым оттару, и вскоре его баритон саминался за пределами но-

В дверь постучали. На пороге возникла фигура касте-

ливши:
— Товарищи, за бельем, в каморку под лестинцей. За-ведующий просил передать, чтобы вели себя потише.
— Так мы же артисты, нам надо репетировать.

112] СТИХИ И ПРОЗА

Артистам из Москвы кастелянша Оксана выдала новое белье. Они же, в свою очередь, видя се унажительног отношения к служителям Мельпомены, вручлых контрамарку на все спектакли кряду. На первый спектакль, который ставили в клубе желез-

На первый спектахьь, который ставили в клубе железнодорожников, собрались видные люди города, и, как всегда, волиуясь, Михаил по привычие выглянул в зал. Ему было важно заранее настроиться на зрителя: ведь он такой равный. Ставили пьесу из классики, и народ откровенно скучал.

Михам во этором акте внеавлию почувствова, на себе чейто заинтересованный взгляд. Он невольно стал размскивать его по рядам, в то же время стараясь не сбиться с роли. И вдруг он отыскал черные хорошенькие глаза молодой девушки, патачию глядящие на него. «Кто это?» — с инте-

ресом подумал он.
После спектакля Михаил, этот столичный лев, ринулся к выходу, надеясь встретить прекрасную незнакомку. Она

была уже на ступеньках, когда он разыскал ее.

— Прошу прощенья, Михаил Жарков, разрешите вас

проводить.
Девушка немного опешила от бесцеремонного обращения молодого человека, хитя сразу узнала его по голосу; без трима он оказался вемного моложе сценического героя.
«Ишь какой пряткий, сразу проводить», а вслух сму-

щенно ответила:
— Таисия Рыбченко, учительница, — и протянула руку.

руку. Михаил пожал маленькую, чуть влажную от волнения ладошку и пошел слева от нее. Короткая волнистая стрижка придавала стротость ее зоному лицу. Длинная черная обка и белая блужка базы без излишеств и ладно сидели на се стройной фигуре. Она недавно окончила учительские курсы, и в школе работала с удовольствием. Первый пионерский отряд в городе появился ее стараниями и хлопотами. Повже Михаил узнал, что она была дочерью машини-ста парновая и белошвейки, уважемых лодей в своем по-саже. Отеце нерегонам, сотавы с севера на оти наобо-от, а зать, искусная швел, обшивал всех в околотке. Они достим вожемьрам детей, в неем в этой большой и трудо-лобивой семье хватало митеринского тепла и хлеба в нава-

логияти с кавы заказ макерительного с года о должны проистому украинскому борцу.

Умица Красинармейская встретила их веленью садов и непорочной белизий бульденежа. Эти высокие кустаринковые растения цвели густым белым цветом, не зря их еще

ковые растения цвели густым осным цветом, не зря их еще Вызвавами чисть и влевию — невоставия.
От увиденной красоты у Миханала потепласо на сердце, де такое встречины в Москве? И развае сеть там такие девуший з — он не мог налюбоваться толенькой, слояно точеной, физуомой споси ступтицы. Вот тебе и заколус-тое». — думал Миханл, не спуская с Тансин глав.

Вскоре они подошли к ее дому, и тут я кустах палисад-ника мелькиуло чье-то платьице, белое, в крупный крас-

инка мелькиуло чье-то платьяще, ослок, в крупивы кум-ный горошее.

— Кто это? — спросил Миханл.
— Маадшая сестренка балуется, — как можно равно-душней ответнал Тася, яная дуной ирав своей сестры.

Ирка, ее десятилетняя сестра, росла неспосным ребен-

Ирка, ее десятилетиви сестра, росла несностивы ребен-мом с зальмущихсям карактором; ин одив проделжам на уми-це не обходивалес без ее участия. Сопеси недавию, до кани-ку, отец выпорал Иранду за иновловие хумителятелю: пид-ложима учителю русского языка кнопли на стум. Отец ипрол-е и приговършала»: «Не срави насе съвтреме». — Не «Не дай бог, отчебучит что-инбудь». — подумала по-сстру Тански в посиещима проститься. Марков, прощрасъ, успел заметить добротный, ухомен-ный дом, больяую о тотичну» по дворе, которая споей те-нью ствасала от палящего солица всю дворовую живность. Ота бъда очень строй, но у отда не подималальст рук ру-бить ее — тогда от жары не будет похоя и в доме.

Михана медленно шел к Дому приезжих, где его ждали друзья-актеры. Сегодня он был совсем не готов отвечать на их зубоскальство по поводу очередной «жертны» и прочей чепухи. Михана прилег на койку, анцом к стене Ему очень понравилась эта красивая, степенная, строгая девушка. Он поймал себя на мысли, что ему хочется видеть ее каждый день, и жалел, что не успел условиться о свидании на завтра. Успоканвало одно: он знал, где она

Назавтра, уже находясь в роли, он с ужасом осознавал, что плохо помнит слова текста. Улучив момент, нагнулся к «ракушке» Игнатыча и прошептал:

— Лука Игнатьевич, с меня причитается, не дай погибнуть, помогай.

нуть, помогам. Суфьер, стараясь изо всех сил ему помочь, даже вспо-тел. А у Михаила с каждым ударом сердца в голове разме-ренно-четко стучало: Та-ся ... Q. cvactnel Он увидел се в вале.

Тансия следа в четвертом ряду, и до тех пор, пока не почувствовала на себе его вягляд, не переставая твердила взволюванию «Провинцилама Зачем в сму» Вопреки сомпениям радостно забилось сердце, когда она

заметила его легкий знак рукой. «Подожди, не уходи». говорили его глаза, и Тасе показалось, что у нее выросли крылья.

Их влекло друг к другу, и оба не имели ни малейшего желания сопротивляться этому внезапному чувству, от которого растут крылья и отшибает память.
После спектакля Михаил взял Тасю под руку, и какое-

то время они шан молча. Не надо было никаких слов. По-том Миханл, волнуясь, стал сбивчиво говорить про Моск-ву, гастроли, как трудно читать Маяковского, эти его стихи-ступеньки...

Тансия узнала, что рос он в семье музыканта и актрисы и был их единственным сыном. Еще он рассказывал про

долгие зивниие вечера, когда к ним наведывались друзья, декламировали стики, а в гостинной около розлае сланшался несравненный голос. Лам И Черной. К скамейке повле долка они подопила уже в польной тем-ноте, но расставаться совсем не тотелось. Михана закурат-но сних свой котелом, положим на край с камейки, и они при-

Сели:
Ирка была уже в засаде. Через щель в заборе она при-иялась палкой видить по спине Михаила; он дергал плеча-ми, не понимав в чем дело. Потом ему это надоело, и он

ми, не понимав в чем дело. Потом ему это надоело, и он предлажил Лес прогультке.

Не успели они отойти, как к скамейке метнулась черная во тьме фигура. Деячонка дождалась, когда парочка отойдет годальше, и принялась т

Вскоре парочка вернулась, и Жаркон, прощаясь, ска-

зал: — До завтра. Тасенька, приходи, если хочешь, после обеда на репетицию.
— Хорошо, Миша, — с бьющимся от радости сердцем

ответила Тася.

Отнетила тасм.
Михаил в кромешной тьме нацупал котелок. и... гневнюе «черт!» повисло в воздухе. Таисия с испутом спросила:
— Что случилось?

— Что случилосъ? Микала тотът и протвиул ей то, что раньше было шлятой. Извидный котель и порожни было шлятой. Извидный котель катера, истоттанный в грязи, был покож на воронье гнедо. Тансия заплакала от досады, а Микали бросна котельо в кусты и через секущу нечае верноте настрившей ноги... Проежжа потом еще не раз мимо станции «Кавка ской», он вседа выходил на перрон. Вседа что-то покупал у шустрых торговок и, делая дурашливое лицо, спрашивах.

— Вареники с вишнями есть? Те смеялись от потешного запроса солидного гражда-

е смеломе от потешного запроса солидного гражда-нива и предлагам раков к пиву. Он с грустью вспоминал далекое премя, маленькую красивую учительницу, свой истоптанный в грязи котелок. Ульбался.

Ульбался. Стоило ли обращать винмание на порчу какого-то мод-ного котслеа, когда все покрут было в буйном цветенни, а в их сердца закрадывалась исчаниная любовь? Этот вопрос он с грустью задавал себе всякий раз, когда поезд останавмивался на далеком перроне, и не на-ходил ответа. В оживленной толле прохожих он вкладом искал красивую девушку Тасю, так ваволновавшую его сердце.

ИВАН.ЧАЙ

Ольга Анатольевна КОРОСТЫЛЕВА

родилась 14 февраля 1962 года в городе Сызранс Самарский области. Окончила Тюменский индустриальный институт В Низиневартовске живьет и работает с 1981 года. Победитель двух горидских поэтических конкурски. Чем интературного объединения «Замысса». Печатается в периодических городских наданиях.

О ТЕБЕ

Не хочу, чтоб ты опять Стал моим стихотвиреньем, Заставляю замолчать Глуное воображенье.

Не мечтай, не напишу О тебе в свою тетрадку И слезой не намочу Я волос льняную прядку.

Память жалит, как оса. Беспокой! Мелькают лица. А в ночном окне — луца, Видно, тоже ей не спится.

[118] СТИХИ И ПРОЗА

К сыну в кроватку
Так хочу я прилечь,
Чтобы теплым дыханьем
Смог он сердце согреть.

Чтобы сонной рукою Он обнял меня, Чтоб любовью-рекою Вновь наполнить себя.

Альбина КОШКАРЕВА

Твон глава — мон озера, Родник тепла и доброты, И даже тень недавней ссоры Их не сумела замутить.

Смотрю в озера голубые. Миг расставания тяну, Ищу предлоги я любые, Пока в глазах твоих тону.

Тону беспомощно, покорио, Тону, страдая и любя, И знаю я, что невозможно Ни быть с тобой, ни без тебя.

И вновь весна, и вновь капель, И вновь Иртыш ломает льдины, И вновь несет меня апрель С мечтой на крыльях журавлиных.

Мне тебя не забыть,
Но ты песиею в небе,
Мне б тебя не любить,
Мне бы знать, что ты не был,
Не смотреть бы вослед
Улетающим птицам.

[1.0 СТИХНИ ПРОЗА

россыпи

Стылых зим, синих лет Не считать вереницы. Не тянуться бы вслед Затикающим звукам, Не кричать бы в ответ Серада глупого стукам. Мие забить бы тебя... Но осениие птицы Надо мною летят. И в азажнеют ресинцы. Вновь процральную песию В небе синем курльчуг, Словно счастье отставшее Кличут и кличут.

Говорят, что язык — мой врат, Иногда это так, это так... Иногда это так, это так... Иногда это так, это токов с дорогн Он стоит на моем пороге, Мне бы сердце в кузак зажать, Мне бы сердце в кузак зажать, Мне бы дверь перед ним закрыть. И забыть, и забыть, и забыть, и забыть, и забыть, и забыть, и бы технорог еруди, Бьется сердце в груди, Бъется сердце в груди, И заык говорит ему снопа: «Войди!»

Что значит жизнь? Ты жив, покуда Надежда теплится в груди, I Іока надеешься на чудо, На свет, блеснувший впереди.

[121] СТИХИ ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Страдаем, любим, как и прежде. Друзьям тепло души даря, И умираем мы в надежде. Что все же прожили не зря.

444

Как хорошо в лесу теннстом, В росе, накланявшись грибам, К стволу береам вологистой Прильнуть щекой, прижать к губам Листок слетевший, робкий вестник, Унылой осени предвестник.

Альбина Семеновна КУЗЬМИНА

родилась в Сибири 17 марта 1958 года.
Окончила Томский политехнический институт. С 1976 года миент в Нижикенартовске. Работала главным редактором радио на талоперерабитывающем заводе, специальным корреспоидентом радио «Регион-Томень». Автор фотосборника «Дорогами предков по Вазу-реке», трактата «Дорогами предков по Вазу-реке», трактата «На священных берегах Ваха», путеводителя «Мой Нижиевартовск». Публикуется в городской претиональной прессе, в журивалах «Югра», «Мир Севера». Руководила литературным объединением «Замыссл». Награждена Благословенной грамотой спископа Томенского и Тободъского «Золотов перо просветителя». Член Союза журиальистов России. Работает собственным корреспоидентом окружной гаметы «Новости Югры».

ИВАН-ЧАЙ

ВАЗЕЛИНОВАЯ БАНОЧКА

Старый деревянный дом стоял на окранне деренни, нестарыя держиным дом столь на одалис держини, не-далеко от церкиушки. Бывшим купеческим называла не ов в деревие. Резные разукращенные наличники, высокие рас-писные ворота, клумбы с цветами во дворе привлекали местную детвору. Озорные мальчишки частенько наведынались сюда в вечерних сумерках, чтобы набедокурить: цветов нарвать, редиской с грядки да огурчиками свежими Войти в этот дом мог не каждый. Родители моей под-

Войти в этот дом мог не каждый Родителм моей под-уржин Ириния моди добрые, приветамные, а вот стодитую бабуниму многие пуще отин болгел. Она не питернит шало-стей. Так крапняюй нажалит... Иришке тоже перенадало. Намерию: поотому и подрут у нее мало. Но мы с бабой Настей — гости завиные. Собиралиеь к имы, как на настоящий праданик. Бабушка достанет на заветного сундука. обитоти железом, новый цветастый пла-ток. По-мотрит, поледант рукой, к црке подмесет, потом в сторону отложит. Юбку жаккардоную переложит с места на место, будут сомиевается, се ми надеть, догуто м. Ро-зовую блужку выберет, на себя набросит, плечом поведет, будто перед а гредалом. И опить закрывает слудку на ключ. Эх, как мис котелов подглядеть, что в том заметном сундуке! Илем мы, ваявшись за очин. Бабушка коспиял, такжо Идем мы, взявшись за руки. Бабушка красивая, глаза у нее блестят. Завидят они друг друга при встрече — адоро-наются, раскланиваются, будто целый год не виделись, потом три раза целуются. Разговаривают они тихо, иногда

смеются, потом переходят и гориницу играть в карты и, ка-жется, совсем забывают о нас. А нам того и надо. На цыпочках мы подкрадываемся к инм и наблюдаем, как они выигрывают друг друга. Если выигрывает бабушка Авдотья, то громко хлопает в ладо-ши: «Браво, браво, господа! Наша взяла!»

1241 CTHXH 11903A

Моя бабушка выигрывает в карты чаще. Каждый раз она тихо приговаривает: «Ну, суженый, ряженый, приди ко мие». Это чтобы ей козырные карты в руки шли. А по-том: «Ну, крепко держись, Авдотья Алексеевна, Анаста-сия Николаевна тебя бить будет». Как только заметят, что мы рядом, сразу сердито ворчат: «Ну-ка, уходите отсюда!»
Потом на кухне бабушки пьют чай из блюдечек, вприкуску с сахаром, а мы добираемся до карт и — тасовать колоду. Правда, потом нам влетает ой как! Но все быстро забывается.

Иногда разговор бабушек переходит на шепот, наговорятся вполголоса и поют: «Степь да степь кругом...» или

«Катя, Катерина, купеческая дочь...».
Песни грустные. И уголком головного платка они утирают слевы. Тогда и мы с Иришкой сидим тихо, не балу-

Вот и пора домой, наши бабушки опять целуются, раскланиваются, будто навек прощаются, а мы с Иришкой повторяем их движения, смеемся в кулак, только бы они не

заметний.

Сумерки начинают стущаться рано. То вдесь, то там
слышатся равноголосые пересмешки, девичьи песии. Собирается на вечернику молодежь. Возае центральной усадыбы на скамейнах сидат парии и девчата. Съзышна вессъвапереборы гармошки с соседней умицы. Это Митька-гармошет выполите Наиз сосета Явал тоже за се остоим от нист выводит. Наша соседка Валя тоже там, со своим морячком Игорюшкой. Их мальчишки дразнят: «Тили-тили тесто, жених и невеста...» И убегают потом.

Я тоже могла бы посидеть на лавочке, орешки кедровые пощелкать, да бабушка не отпускает. Все ворчит: «Мала еще. Придет твой час. вырастешь.»

— А когда я вырасту? Как посуду мыть — так я уже

большая, а как на скамейке посидеть — то масныкая?
В доме все считают меня непослушной. В угол прошлый рая поставили. Ни за что. Потом дядя Федя меня оттуда

[125] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

- И что же подарят тебе?
- Р1 что же подарят теое;

 Самую красивую куклу выберу. Я наряжу ее в красное платье. Там столько одежды! Возьму плюшевого мишку. Он такой пушистый-пушистый, как Шарик у деаушки Елькеев. Есть кроватка и столик, воазыму посуды разной... Мячик, санки... Ой, еще два велосипеда. Ма-ленький мне, а большой — Кольке. Он научит меня ка-Tathog.
- Как же ты все это унесешь? — А я вниз все сброшу, на траву.
- Не жалко будет, если разобъется?
- А я... облако попрошу, оно на землю опустит! Ну-у, скажу: облако, облако, помоги мне, пожалуйста-препожалуйста...
 - Что же это за магазин такой?
- Магазин-Небо детских игрушек, так и называется, я прочитала!
- я прочивала:

 Ты уже и читать умеешь?!

 Конечно. Это же в сказке! Ну, вот. Бабушка, можно, маме и тебе я подарю книжки?! Ты меня научншь читать, как мама? А папе большой велосипед... Бабушка!
- тать, как мама? А папе большой велосинса... Ъабушка Там всего монго, кей дерение кватит! Олиу куклу я пода-ро Иришке! Она всегда мне дает своини играты! И тут вдруг в своей руке я ощутила ту самую вавелино-вую баночку, которую дала мне поиграть Иришка. Иришка будет рада! проговорила бабушка. Ведь у нек, как и у тебя, голько тряничные куклы... Да, хорошим магазии вы с Невидимкой придумали! Когда только такое будет?!
- Но я уже не слушала ее. Перед собой я увидела Иришкино лицо, и как она спохватится, когда станет искать ба-ночку, а не найдя, будет плакать — ведь такая хорошая ба-ночку, а не найдя, будет плакать — ведь такая хорошая ба-ночка! Я только крепче скала руку.

 — Что ты навертелась вся? — строго спросила ба-
- бушка.
- [127] СТИХИ И ПРОЗА

«Надо вернуть! А бабушка крепко держит за руку!» В какой-то момент мне показалось, что бабушка слышит, как застучало мое сердечко:
— А что, если не отдашь?! — подал голос Невидимка

- А что, ссли не отдашье! подах голос Невидимка.

 Иришка ваплачет!

 Подумаешь, рена! Поревет и перестанет! У нее всегаа больше игрушек, чем у тебя!

 Потом отдам! решила.

 А что ты скажешь бабушке, когда она увидит игрушку! малосдалию изводил Невидимка.

 Скажу, нашла.

 А как и волегоме!

— Скажу, нашла.
— А ском не поперит?
— Скажу, нашла поэле Иришкиного дома.
— Она будет рутаты...
Красиная павсанновая баночка с яркими розами и белами цветами яблони жела руку. Я слегка расцепила палами, Белами в пірямь марелась, будето печки. Такой у мена инкогда не брыло. В деревню инкогда не приволили ирушке. Вот есла бы детских ирушке быль много И кукол А то во всей деревне только бабик исстяные, которыми мальчиний в грододки простуд, да всеревными подавляли. ми мальчишки в городки играют, да деревянные подавалки, мы мальчишки в городки играмот, да деревянные подавалям, еще борки инточные, из им можно и студыв сделать, и кро-ватку для куклы, и домик построить. Куклы у нас трапич-ные, бабущка давно их сшила. А новых игрушем кету! А у Иришки валелиновая баночка! Ее папа купил в большом городе, когда ездил рыбу сдавать. Смотришь на вазелиногороде, когда ездил расоу сданав в. смогришь на назглино-вукс баночку, смотришь, как будто в саду гуляешь. А там деревья красивые, цветы. И птичин поют, и музыка играет, и чей-то голос сказки рассказывает. Звери и птицы рядом

и чен-то голос смазки рассказывает. Эвери и птицы рядом ходят, и никто инкого ин боштск... Баночка была пахучая. Это от розового вазелинового крема. И сколько бы мы с Иришкой ин смотрели на ма-ленькие узоры, каждый раз придумывлалесь вовая история. Эх, еще бы поиграли, да бабушка домой появала. И чего они мало играли в карты?

С сожалением взглянула на закрытую калитку Иришкиного дома. Вот и изгородь двора заканчивается, а баночка в руках. И вдруг меня осенило: «Я сейчас верну! Брошу во двор!

И завтра Иришка увидит!» Чтобы освободить правую руку, за которую держала бабушка, ойкнула: - Сандаля расстегнулась!

Наклонившись поправить сандалию, глянула по сторопам: куда лучше бросить? И, чтобы не заметила бабушка, выгнулась в обратную сторону и — р-раз, бросила баноч-

ку! Та полетела прямо в траву и, покатившись немного вперед, упала под самую изгородь.
Я хлопнула руками, отряхнув о подол платья.

— Что такое? — спросила бабушка. — Птичка выпорхнула из травы?

— Нет-нет, это не я. То есть я... — запутавшись от вранья, схватила руку бабушки.

Бабушка насупила брови, вздохнула. И тут вдруг мне стало стыдно. Кровь прилила к лицу,

уши покраснели. Но я молчала. — Йные словно в рот воды наберут, но правда все равно наружу выходит. — задумчиво сказала бабу-

шка. — Откуда ты знаешь, что я обманула?! — не выдер-

жала я Посмотри мне в глаза, — встревожилась бабушка.

вытирая платком мое лицо.

— Я не хотела! Я нечаянно взяла! — говорила я сквозь

слезы, предательски выдававшие меня. Сознавайся, чего опять натворила? — рассердилась

бабушка — Я взяла Иринкину баночку! Это Невидимка загово-

Но бабушка качала головой и повторяла:

129] СТИХНИПРОЗА

— И это мов внучка! Нас ведь в люди пускать не будут! Тва мнасциь, кто ты теперь? Мов внучка — норовка!!!
И это мов внучка...
В талолее безеклостион селино кто-то смеждея в повтравъпровка, ты обдунку обмыча...»
— Бабушка, в не буду больше объявляеть тебя, — твердиля в, разманивая слем по пускам.
Мы пошли кисать важелинопую баночку.
В сумеркая бодо уже дводо вядю, но место, куда упала.

В сумерках было уже плохо видно, но место, куда упала очка, я помнила и наконец ее нашла. Коленки и руки

овночива, в помнила и наконец се пашла. Соллен в јухо бъми мокрыми от роски, а надо от слез. — Бабушка, прости меня, помалуйста, — всхлинывая, повторала я, вытаскива из-под городобы баночку. Бабушка долго молчала. Потом произнесла, будто вспо-

миная что-то:

— Воровать — это плохо, а обманывать — вдв-Нельзя доброе сердце с детства тераать плохими делами. Жизнь на свете покажется длинной...
— Я не буду обманывать. Я не хочу быть воровкой...

— Я не суду обманывать. Я не хочу оыть воровком...

— Я-то поверю, а вот простит ли тебя подружка? Захочет ли — она после этого дружить с тобой?

— Не внако...

— Ступай к ней и честно скажи, что украла. Иди, —

— Ступай к ней и честно скажи, что украла. Иди, — она отпорила камтку.

— Бабушка! Я болось. там темно!
— Подожау теба у ворот.
Я шла по тропнике к дому. Въвтерла заплаканное лицо. В сещах с турдом нацуплала ручку. Днерь навстречу отворила Иринка. Удивленно протараторила:
— Теба ночевать отпустанли!!!
— Не-е, — покачала я головой. — Вот забыла тебе отдать. Извоин меня, я украла, в забыла, — совла вавели.

тесе, пользама и пользам, в мобыла, — совала възсъм-страть. Изинин меня, я украла, я забыла, — совала възсъм-новую баночку в руки перепутанной Иришке, что-то лепе-тала сквова легам. Бъло досално и горько, что я обманула и себя, и бабушку, и Иришку. Бъло очень стъдно.

Всхлипывая, оправдываласы: — Я дядю Федю попрощу, он мне много игрушен из дерева сделает. Он все умеет. И фокусы. Его в армин на-учили. Я тоже в армин пойду, как он, буду сильной. И научусь игрушки делать. Потом тебе подарю... — говорила

учусь инрушки делань гионом геог подарил. — товорила в дес, что приходило на ум. — Ну. что ты, Аленка! Ты мне и так всегда игрушки давала. Ты же моя подружка! Возьми до завтра! — Нет-нет. Спасибо. Ты правда процаешь меня?!

Обратно я бежала чуть повеселевшая. Бабушка ждала возле калитки. «Возьмет ли меня за руку?» — горевала я, и слезы еще

скатывались по лицу. Бабушка протянула руку. Затем поправила ленточки на

косичках, теплой ладонью вытерла мне лицо.
— Ну вот и славно, — проговорила она наконец.

Мы молча зашагали в сторону дома.

Несколько дней я не выходила на улицу. Казалось, вся деревня знает о вазелиновой баночке.
Прошло много лет. Давно нет бабушки на белом свете.

Но светлый образ ее и добрые слова, что заставили меня признаться в своем проступке, навсегда в памяти. Этот первый горький урок пронесла я через всю свою

жизнь.

ФЕНИНЫ ЛАПТИ

Рассказ

Маленькая Феня была расстроена. Ее лапти совсем прохудились. Большой палец ноги высовывался так, что уже никакая заплатка из клочка сена не помогала. А ей завтра раным-рано подниматься. На берег реки бежать, к колхозному складу, где рыбаки собираются выезжать на рыбалку. И там целый день надо быстро бегать. Іде воду вычерпать,

[131] СТИХИ ПРОЗА

если лодка протекает. где под рыбу тару поднести и взве-сить, где рыбакам помочь запутавшуюся рыбу из сети вы-

каздить...

«Как я в дърявъх буду бегатъ? — почти засъплая, думала Феня. — Не стану говорить мамке, — решлая она. — И у нее обувка такая же. Вот бы открыть угром глаза, и как в скавке: по щучьему велению, по моему хотению — все сбылось».

мию — пес сбалосъ».
В полудере съпшала — мама поздно вернуласъ с ра-ботът. Стой поръз. как объявила войну, она всетда призодъ-ла и колхоза вполично. Вени уме забъла, хогда мама у дъв-баласъ. — все върсва бъла хогдой. И с нее за все спращивают. А все ята война. Объява у нее бъли крас-ними. Оза веда председатель колхоза. И с нее за все спращивают. А все ята война. Объява том бъла что-то стращиво: Если бы оно бъло кроците, разве забра-мо то-то стращиво: Если бы оно бъло кроците, разве забра-мо бъл палу на оронт? Разве застапнала бъл веня мама рабо-тать, когда надо учитела? Будто навър. Объя отчетивно увидела перед собой ко-хочен, вебрятое лицо отца. Он наклонается к ней, целует. гладит по голове и гозорит:

гладит по голове и говорит:

— Потерпи, дочка, потерпи. Вот выгоним фрицев — заживем. Тогда я тебе такие лапти сплету, вся деревпя бу-

дет завидовать. И тут Феня проснулась. Села на край полатей. При-слушалась. В доме стояла тишина. Посапывали ребятиш-

ки Отца рядом не было...

ки Отда радом не овало... Соскочина, она быстро оделась, загланула в кроватку к Федошке: что-то ворочается. Долила остатки молока в бу-тамочку, сунула ему в рот. Посмотредал, как смачно сосет брат, на миг выдер-нула соску. Полилось молоко в рот. Вкусное. Не отор-

ваться. Хорошо быть маленьким. — погладила по головке братика.

(132) стихнипроза

Сегодня Феня успела встать раньше мамы, а то она

обычно будит ее и наказывает:
— Не забудь, Феня, покормить Федющеньку. Володе и Танюшке накажи, чтоб смотрелы за Фаей, она так и смекает на крыльцо выбораться. Фина что-то закашлала, надеть носки надо. И сама, смотри, в колхоз не опоз-

И уйдет опять надолго.

 г) ундет спиять надмиль.
 Скрипнула дверь. Феня удивленно оглянулась.
 Проснулась уже? — проговорила вошедшая мать сподойником молока в руке. — Мне сегодия чуть позднес. — Мам! Папа с фронта пришел! Мне сон приснил-ся! — бросиласъ к ней Феня. ожидая, что ответит мать.

— Присиндея... Дай-то Господи! — испуганно выдохнула Анастасия, перекрестившись. — Ну, славно, попей париего молока да бети. Поди, уж все собрались из брига-

ды. Путина началась. Полно нынче работы. Феня, напившись молока с краюхой ржаного хлеба,

выскочила в сенцы. Среди обувок нашла свои лапти. «Хорошо Манс, у нее дедушка, — подумала Феня.

«Хорошо Мане, у нес делушка, — подумала Феня. — Он умеет старвье латит чинить и новые пьесть. Ах, почему они у меня так быстро рвутся? Оттого, наверно, что я всех быстрее бегарогать, больше трудодней вынишут, стало быть, и жьеба больше получим. Веаде бегом бегай! Не жди, когда тебя попросят, сама беги». Хлопнув дверью, Феня помчалась по высоким ступень-

кам крыльца, мокрым от росы. Чтобы не поскользнуться, ухватилась за перила. На последней ступеньке увидела дедушку Григория, курившего самокрутку. Жил он в одном доме с Феней, только с другой сторо-

ны. С дальних болотистых мест приезжал он в деревню и квартировал эдесь, пока не сдаст рыбу.
— Здрасьте, дедушка Григорий! — пробегая мимо него,

кивнула головой.

[13:] СТИХИН ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

— Погоди маленько. Фенюшка, я к тебе, — поднимаясь, проговорна дед. Феня остановилась.

— Вот. — он вытаздил из-за спины лапти: — Носи на

Она схватила новенькие лапти:
— Ой, дедушка! Как вы узнали, что у меня лапти про-

— Ой, дедушка! Как ны умыли, ито у меня лапти про-худимись?! Обрадованная, быстро приняжась развязывать опучи, отброская в сторопу выряваее лапти. Порпамые примерала новенькие, еще пахитуще лозой. Топную спачала одной, потом другой ногой, зашигуювала побистрее и как виждь пробемала писух по лестинце. Тула и обратно. — Кане они сетине! Каке удобные, делединка! На какой-то вит они остановилась. Вдруг спохватилась.

И а каком-то мит опе остановные в даруг столов голос.

И пониципи голосом тихо селавла:

— Аслушка! Я не могу их взять. — Помолава, обавиас. — У Шуря, моей подужки, тоже дырявые ...

Дедушка взял ее за руку, посмотрел в глаза, полные слез,

Аслушка въвосъ и под на съвъзка — И Шуре твоей спасету.
Она опускъна голову:
— Не могу, ледуппа.
— Что тъд. Осни! Сколько тъз мис дел сделада! И под помъла, и рубавни постирада! Тъя их задаботдал!
В это время отпорилась дверь, и на кръдлаци вышла

мама. — А я думаю, с кем это и такую рань разговаривает

дочка? Поздоровавшись с дедом Григорнем, она выслушала его

с удивлением, не перебния григорием, она выслушала его с удивлением, не перебния в.

— Да вот надумал Фене подарок сделать! — с поклоном произнес дед. — Видел вчера, когда бежала, палец-то

[134] СТИХИ И ПРОЗА

наголе был. А не берет. Так вы уж, пожалуйте, Анастасия Николаевна, скажите дочке-то. Феня с непутом смотрела то на дедушку, то на маму. Спрятала руки за спину. И ждала, что скажет мама. Ведь папа велел ее слушать.

— Спасибо вам на добром деле, Григорий Митрофано-

вич. Ну, раз заслужила, пусть носит.
— Вот и я то же говорю, а не берет, — почесал дед

затылок.

— Бери, дочка! Да помни, — сказала она. Пулей вылетела за ворота дома радостная и счастливая

вторяла:
— Спасибо, деда! Спасибо, мама!

ИВАН-ЧАЙ

ПОЛУДИ

(Гренада Алексеевна КУЗНЕЦОВА) родилась 27 февраля 1945 года в городе Омеке. Член литературного объединения «Замысел». Автор сборников: «На дорогах». В пути». «Диен удивительных поток». Живет в Нижиевартовске.

ΠΡΟΓУΛΚΑ

ПРОГУАКА

Да бузывых у порога

Заждались, копытом бног.

Заждались, копытом бног.

Задамствуй, сивемыя дорога,

Мой таниственный дорога,

Мой таниственный провес,

Нежно-пъзубей.

Вет они — пристор и воля

Для меня и для конен!

Тем за авжуяй Грыме: грыме.

Мир открылся без греков.

Льеств в душу колюкольчик

Из есенникских стихов.

[13е] стихи и проза

А у леса на опушке Я коней попридержу. «Что грустите вы, подружки?» — У березок в спрошу. И узнаю: как и всюду. Вместо строить — лишь домать. И березкам, видию, будет Той судабы не избежать. Эх, ты, русское раздолье, Непорадки без границ... Колокольчик в чистом поле Захлебнука....

ВАЛЬС НА ВЕРАНДЕ

Шлепает дождик
Босьми ногами по лужам,
Прытает реаво,
По крыше желелной стуча,
Виокит смятенье
В мою неусниую душу.
Вальс на веранде
Гревожит и мучит меня.
Весело капли остекла
Веранды стучали,
Плавно мелодия
Вальса «Березки» неслась.
Мы танцевали,
Ладони в замке нас держали.
Вальс на веранде.
Ты будешь процјальным для нас.

На севере в слашуу зов Алтая.

А за Алтае — Севера призавля.

Мечусь, успокоения не зная.

Покой дуниевый знавства забяля.

Влекут Алтая склальнае громады.

Волита Севера к себе зовут.

И в дунові откликнуться вы рада.

Меня ни засесь, ни там не обийдут.

Жарки предгорий встретит, пламенея,

П нибые разольет стрети видимось.

И засесь, и там — дуние очаровальне.

И засесь, и там — дуние очаровальне.

Н увасилі тамніственной дивлось.

Удрами свое высокое название.

БЕРЕЗКЕ

Консц апреля, ветер жесткий И леденяцие закаты, Но вопреки всему березка Зеленым облаком объята.

Она в весением платье новом, В стремленье к далям голубым, И терпелина, и готова К любым превратностям судьбы.

СОБРАТЬЯМ

Мои собратья по перу. Как мне приятны ваши лица! Над вами нежный свет струится, Поскольку служите добру.

[138] СТИХИИ ПРОЗА

Навстречу радостно лечу, Такое редкое общенье Всегда несет обогащенье, Спешу я бабочкой к лучу.

Аромат прошедшему послушен, Вдруг родным повеет на пути, Он способен растревожить душу, В детство может он перенести.

Белый донник, нежный его запах, Он всегда в жилище нашем жил. Он таким любимым был для папы И меня собой заворожил.

И когда на северных болотах Этот белый донник нахожу, Попадаю в детские широты И домой букетик приношу.

в.м. шукшину

Гора Пикет, Весь божий свет Тобой любуется отныне.
Таких имсот, таких красот
На всей земле нет и в помине.

Россия есть. России цвесть! Не оскудеет в ней природа, Она живет, Пока дает Таких гигантов из народа.

[139 СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ	

ПРОСТО РАСХОХОЧЕШЬСЯ

Клавдия Марковна, преподаватель русского языка и литературы, давно пенсионерка, медленно шла домой из магазина с булкой черного хлеба под мынкой. Сегодия шла особенно, медленно, занятая устным расчетом: она делила особению медлению, занятая устным расчетом: она делила в уме 9.50 — стонность стесляншиего хасба на 20 коне-ек — стоимость того хлеба, который покупала, когда толь-ко вышла на заслуженный итдых. Для пристоты делила 10 рублей на 20 копеск. — В пятьдесят раз, — вслух удивилась Клавдия Мар-

конна.

«Сірошу немного козффициент, — репінла она, — всетави бухва стоит не 10 а 9-50. Пусть козафициент будат не толь от 10 в 10 а 9-50. Пусть козафициент будат не теперь она се песен прибавиван 1300». Теперь Кландия Маркинна пиприялась на гланиом мометте и не заметила, то в дали по дале по дале се на настреу и пля две деченним дет двеналдият — триналціяти и лидя на нее, всеслю холотали.

Она не обратила на девчонок никакого внимания, ей предстояло перемножить 130 на 45. Сразу ато не получит-

представли перевникать в 201 в т-2, гразу аго пе получит-ся, надо повтавно перемногожать. Они приближались, пеудержимо смежь И ей самой става, около шести тысяч. И так приятию, прямо голубем мира промелькиула мысль: на шесть-то тысяч... куда их

Девчонки поравнялись с ней, она все улыбалась, донольная расчетом, и теперь, тадя на хохотушек, тоже громко рассмелась: она поняда, что над ней, над се видом они сме-ктся. В доченной стареньюю разластайке, с топкими пож-ками на-под нее, она сама знала, что очень напоминает недораскрытый вонтик. Кландия Марког на смеялась вместе

[140] СТИХИНПРОЗА

с ними. Девочки уже прошли, но постоянно оглядывались и не могли успоконться.

«Упасн. Господн. вас в старости от наших проблем», — думала она, глядя вдогонку хохотушкам.

Тут она увидела свою приятельницу, соседку по подъезду, Антонину Николаевну. Та тихопько плелась, потому что слово «шла» к ней давно уже не подходило. Денчонки снова разразились всплеском хохота. У Антонины Николаевны два сына и внужн-то — все пацаны. На ней были наде-

ты мужини пиджак, который поминт всех генсеков, юбка в большой горох и кроссовки внука.

Клавдия Марковна остановилась. Поджидая приитель-

ницу, она вессло улыбалась. Антонина Николасвна ее сразу спросила:

— С чего соловьем заливаешься?
— Да вон молодежь над нами смеется...

— Пусть посмеются, не выпало бы им наше... —

— 11усть посмеются, не выпало оы им наше... — И тут же сменила тему разговора: — Ты Розу Андреевну помнищь? В моем подъезде жила...

— Ну как не помню, ее эять в прошлом году в Германию увез...

— Увез., увез., да ис в прошлом, а два с лишним года назад, она за это время где только ис была... Тебе привет от нес. Вчера явонима. Минут семь, не меньше, болгам. Я ей говорю: ты на секуиды-то погладывай, поди, марками платить будсива.

— Заплачу, говорит. Сказала, какую пенсию получает. Внук потом полсчитал, на наши выходит — больше двадцати тысяч. Я за нее порадовалась, а она в ответ: ясныти деньтами, а душе свое надо, тянст, говорит, до-

деньти деньтами, а душе свое надо, тянет, говорит, домой, спасу нет, приеду, говорит, погостить — внук у нее здесь. — Да-а, замечательно, — протянула Клавдия Мар-

— да-а, замечательно, — протинула главдия гларковна, — съездить бы куда да поглядеть, как там люди живут! А вот от кория-то разве оторвешься? Вот и тоскует ИВАН ЧАЙ

она там с этими тысячами... Ой что-то мы заболтались,

- А над чем хохотали-то? Над собой.
- И то хорошо. Над собой смеяться не каждый умеет.

Я ВСЕГДА ЛЮБИЛ ЕЕ ОДНУ

Друг мои, северный Нижневартовск, ты собрал нас. друг мои. северным тижневартовск, ты сорол нас. режко блаиопацучных маце — переживших сервезные се-менные грамы, со исех краев и всеей. Многих из нас изба-вил от лушенных мук. Отилск, засставил решать на-сущиме проблемы. Олну из любовных историй поведаю тебе, читатель.

Она хранится в памяти моей с первых шагов по земле Нижневартовска.

Моя герония, Наталья, приехала сюда из Ставро-польского края больше двадцяти лет назад. Не было здесь у нее ив родных, ин знаковых. Приехала не один, е доче-рыю Катепией. - На большую конкум, — как опи гвоврит. Кочка спружениял, но удержала. Так, на Старопольке, в небольшом поселке жиля вся ее радия истокоги веков. все радом. Нисто не рвался в чужне края. А ей принцость. И вот помежу. Жила Наталья с чужем в семье его родителей. Жил мадки и дружно, жадля итрогри ребенка — загадывали мадчика. И вот один дель перевернул весь привычный ук-лад, пес разушила.

лад, все разрушил.
В тот день Наталья решила после работы доехать на автобусе, который развозил рабочих их кирпичиого завода до центра поселка, чтобы кое-что купить. Катюше перед тем, как забрать ее из детского садика. По дороге

автобус опустел. Когда подъезжали к последней остановке, она была в салоне уже одна. И вдруг водитель вместо того, чтобы затримовить в остановиться, дает польный таз и гонит по дороге за послож. Сначала Наталья не испугалась: Кондрат человек свой, поселковый, давно на автобусе работает. Правда, знала она за ним одно нехоропиее качество — не мог пройти мимо молодых женщин равнодушно. При посадке в автобус, бывало, стоит возле дверей и

обязательно обланит двух-трех местных красавиц, слоин об в пјутку. Нарочито громко скажет: «Птица тъ мия, курица». Попадала иота инотасе му еиод рку». С отгращением въръпвалась. И для себя въработала тактику — аходить в автобус поэже веся, когда Кондарт уже за рукм.

За поселком Наталью охватил страх. Она постаралась побороть его, подошла к кабине и почти приказала: «Эдесь останови!» Кондрат не отреагировал, только глянул исподлобья. Взгляд был мимолетный, но полоснул злой решимостью маньяка. Были они уже далеко за поселком, возле полуразрушенных не то коровников, не то свинарников. Наконец автобус остановился. Парень рывком бросился к женщине. Наталья вцепилась в сиденье. Кондрат прохрипел с торжествующей элобой: «Ну ш-ш-што, недотрога...» Попытался оторвать ее от сиденья, кусал шею дьявольскими поцелуями, пальцами-клешнями отцеплял руки, хотел схватить в охапку. Наталья упала, вцепилась в ножки сиденья. Парень схватил ее за ноги. Раза два дернул так резко, что пальцы ослабели и разжались. Кондрат поволок ее по грязному полу. В какой-то момент женщине снова удалось ухватиться за ножки сиденья. «Одно помню, — рассказывала Наталья, — я боялась, что вытянет он меня из автобуса. Боялась панически. Ведь на земле за что уцепишься, за травку?» Она не чувствовала, как саднило спину.

Потом, поаже, обнаружит царапниу от шен до поясницы.

«До сих пор не пойму, почему Кондрат вдруг резко
бросил со мной бороться. Сел за руль и поехал в поселок.

ИВАН-ЧАЙ

Скорее всего, кто-то его спугнул. Может, кто из сельчан

Скоре всего, кто-то его спугнул. Может, кто из сельзан пришел, чтобы из коронния влять доски для доляства. Я, конечно, перепутанняя, ничего не видела». Я, конечно, перепутанняя, ничего не видела». В центре Наталья можь вышьа из антобуса и пошла к детскому саду, Бъло уже не до магазина. Люди рассматривами ее. Многите станавливальне, по не решамися что-то сваать вым спросить. В небъльшом иноскем ве карут друга знакит. Многите помими Натальниу свадобу — друго, всесую. Года тром местный фотиграф не симвал, свитрины фотиатрась их с Григорием спадебную фотиграфии. Люди потанавливальная на мобовальсе - «Жакая кресаныя нара», ну прямо артиства!» Она отметная долгий вяглад воспительными, когором свазада систум в голоссе - «Ката-

прямо артистві». Она отметима долгий вягляд воспіт зтачальниры, которая сказала снотутом в голосе: «А Като-шу дедушка забрал....
С горящими укусами на щее (спину под кофточкой не видно). Наталья пришла долой. Спекровь и свекор только опулум, но ин сова не сказалы. И, главное, ничего не спро-сили. Тладели осуждающе, тяжело, видно, сразу все истолковали по-своему. Наталья вдруг поняла, что оправдываться бест

Мужа Григория родители встретная у ворот. Никаких объяснений слушать он не захотел. Гневию кричал и ругался, Наталья забрала дочку и ушла к матери. В поселке ноли слухи о ее измене

поломи слуги о ее изманен. Григорий вечерами начал гулять с соседкой. С хохотом проходили они мимо ее ворот. Агоди стали поговаривать, что Григорий, оченкало, на соседке женится. Натальния мама часто въздалала, иногда говорила дочке укроми: На-хлебаешься одна горького до слез...» Наталья видела, что клеменшем одна горького до след...» Татальы видела, что мата вирит сплетимы отей и осумает. Но адопорменном мучается, боится за ее одиноместно. «Расскавать все? Спить сматеры муча внепутеную доле? Но тогда все узимот тры родных брата, вступатся за ссетру. Получит Кондрат по первое число. Но он вся рузильной, засудит братьен, горя не оберешься. Летче все вынести одной». Олижды вечером Наталья пришла на речну, ссъя под нями. Ня души кругом, голько сень реки и неба. Ивы длинными ветками касамога и головы, будго гладят, утешают. Сидела, думала о ребенке, которого иосит под серацем. И решма, тот пойдет к [ригорию, расскамает правду.

и решила, что поидет к григорию, расскажет правду.

К знакомой калитке подошла решительно, открыла. Ее
не смутило, что он был дома с соседской девушкой. Сидели, рука в руке. Сказала почти шепотом: «Поговорить

надо...» Григорий посмотрел насмешливо, уверенный в своей правоте: «Не о чем говорить... Уходи!»

...После аборта Наталья проболела больше месяца. Не выходила из дома, сил не было даже дойти до ивы на бере у. Она заметила в себе перемену: слуки о свадьбе Григория, его счастлиной жизни не задевают ее. С ушедшим малашом все ушло.

Первый раз выйдя из дома после болевин, на работу шла тихо, с каждым шагом все отчетливее понимая: отболело... все отболело... Вдруг дорогу перегоридма грузопава машина, на которой работал Григорий. «Садись, довезу». — распажнул он дверцу. Наталья отвернулась, обоныя машину и, не пророния из слова, пошла, не огладываясь. Григорий до проходной тихо схал за ней, но появать больше не сентился.

не решихся.

К осени Наталья вместе с Катей приехали в Нижиевартовск. Сразу навалившиеся проблемы с работой, жильем постепенно вытеснили на сердца оставшуюся боль, переживания отошли, потускнели. Долго они жили в балке, как и многие в Нижневартовск. Ката училься в обычной школе и ходила в музыкальную. Наталья много работала. Все стало на свои места.

...Совсем недавно Катерина, теперь доцент института, со своим сыном-третьеклашкой Гришей навестила отца, когда узнала, что он болен. — Как мать-то там? — впервые за все их встречи спро-

— Как мать-то там? — впервые за все их встречи спресих Григорий-старший.

[145] СТИХИИ ПРОЗА

иван чай

— Да все нормально, работает. Тебе привет.
— Передай, дочка, матери, что я всегда любил только ее... И сейчас люблю.

ПЕТРОВНА

Рассказ

Всякий раз. когда встречаюсь с наглостью и хам-ством, вспоминаю Анну Петровну, мою соседку. Вспо-минаю ее спокойный авгляд убежденного в чем-то важ-

ном человека. Первая наша встреча состоялась около водовозки. Первая наша встреча состоялась около водовожи. К балком воду толде подномили по графицу, на машине. Многие приходили с флягами, вода быстро кончалась, и мне часто не цзавалось и полведра нацелить. Так слу-чилось и в этот раз. Высте с летьми у уньло отошля с пустыми ведрами от машины. Неожиданно кто-то тронул меня за рукав. Это, как оказалось, и была Анна Петровна.

— Идемте, — сказала она, — я сегодня набрала целых два ведра. Мой Федя на вахте, мне одного хватит

Так началось наше знакомство. Я узнала, что Анна Перовни на Калинина, где росла в деталие. Там окончила после шкомы бужгалтерские курсы, там больше двадцати лет рабитала на заводе. Я быстро привывла советоваться с ней по житейския вепровам, мы часто забегали друг к другу. Ве сбалке, таком исе, как и уменя. — мыленькая кукопных с печкой и за перегородкой «зала». Меня удивила само-дельная мебель. На кухопные — шкафыя до поголка, в зала шифоннер, тумбочка, столик иебольшой. Все из дерева, кра-сиво отшлифоналю, украшено выжитанием. Анна Петро-на на мое воскищение ответила: «Это все Федор сделал.

[141] СТИХИН ПРОЗА

Больше четырех лет назад... А выжигал, укращал совсем

На тумбочке возле зеркала стояла фотография девушки с глазами Анны Петровны. Однажды я спросила. — Это вы в школе?

- Нет. ответила она, это дочь

— Она студентка? И Анна Петровна, погрустиев, рассказала свою жиз «Была моя доченька студенткой... Нет ее. На реке Белой утонула. Пять лет прошло. И я здесь почти пять лет. Мне одной пришлось ее поднимать. Замужества не получилось. Семья Виктора не признавала детдомовских. Считали, что выходцы оттуда — народ безнравственный, испорченный. Окончательным толчком к отчужденикі была моя досрочная беременность. Решение родителей исключило нашу свадьбу. Моей, тогда безымянной, Елене было

Виктор, правда, предложил негласно от родных продолжить отношения. Но я-то знала, что в их семью попасть мне навсегда заказано, а значит, заказано и мосму ребенку. Да и не хотела, чтобы кто-то из его родных приходил отговаривать меня от их сына и, может быть, гневаться на меня. проклинать. В общем, не дала я Виктору согласия на тайные отношения и попросила не приходить.

месяца два — два с половиной утробной жизни.

Когда Лена родилась, мне дали хорошую комнатку в общежитии. Там была раковина и краи с холодной водой. Такие удобства были не во всякой комнате, а нам повезло. Виктор пришел проведать дочь, котя уже был женат. Он н после заходна перед праздниками, приносна сладости,

и после закодил перед праздинками, приносил сладости, ниогаа обповка дочери. Когда у Виктора с женой родильсь дети, реже стали появляться у Лены папины подарки. Толь-ко на день рождения... Но обязательно. — Здесь, — Анна Петровы кивиуль на фото, — Лене двадать два. Врач почты... Детей дечить готовилась. «Еще закорать и праводали и нада с тобой измуме большим и нада стала. — поводали и нада с тобой измуме большим и нада стала. — поводали на нада с тобой измуме большим и нада стала. — поводали на нада с тобой измуме большим и нада стала. — повода на нада с тобой измуме большим и нада стала. — повода на нада с тобой измуме большим и нада стала. — повода на нада с тобой измуме большим и нада стала. — повода на нада с тобой измуме большим и нада стала — повода на нада с тобой и на

два года, — говорила она, — и нам с тобой никакие болезин

не страшны». Ладно мы жили с ней, как подруги. Никогда между нами не было недомолнок. Переходный возраст я и не заметила у нее, никакой царапинкой мне не запо-

Миндок...
И вдруг эта беда. Я помию все до мелочей, когда ее привезли... Песию по радио передавали «Парень кудрявый, статиый и бравый». вын, статным и оравым».
После гибели дочери не могла оставаться в городе, где все было связано с Леной... Я бежала в Нижиевартовск. Знала, что работа здесь есть. Мой Калинин ничем теперь

меня не держал. Из города убежишь, а от себя... Нижневартовские за-боты не уменьшили страдания. Жила, как робит, все поте-

ряло смысл. Не знаю, что было бы со мной... Федор, вахтовик из Томска, появился неожиданно. В тот день он зашел к нам в бухгалтерию за каким-то документом. Рабочее время заканчивалось, главбуха не было. Нас сидело четверо в отделе, он подошел ко мне, попросил все офирмить и сказал, что через два дня засдет и заберет. Меня удивила манера его общения: он был застенчив, но не лебезил, как

манера его опідетива, по пола звастичня, по не лескала, как часто случалось с другими, что заходили в пухталтерню.

— Оставьте, — скалала в, не подпиная головы.
Фледор зашел дня через два, в конце работти. Я уже соізиралась довой. Он поблагарама, мы вышли вместе.

— Я провожу вас, не возражаете?

Я почему-то не возразила. Дорогой кроме попутных пустяков он сказал, что дома есть сын, который вот уже второй год после института работает на заводе, собирается

О жене не упомянул. Я отметила это, но расспрашивать не стала. Возле балка остановились.

не стада: долже одала остановидить.
— Вы разреците, в заййду на минутку...
Мы запили. Федор окинул въглядом мою обитель. По-молчал отрешению, что-то обдуманая, словно меня нет ря-дом. Потом сказал, указывая рукой:

— Здесь шкафы нужны, эдесь тумбочка, эдесь стол небольшой... И. пожалуй, пока хватит. Доски я найду. Принимаете плотника?

- Да, но вы же на вахте...
- После нахты у меня будут две недели А как там... в Томске?

— Я переговорю с съном по телефону. Что-то он тогда назвал, сейчас не помню. Я заторопи-

лась разжигать печку.

- Я что-нибудь быстро приготовлю поесть Спасибо, не надо. Бегу на автостанцию.
- В течение двух недель, пока Федор был на вахте, я часто думала о нем. Зачем прибивается? Женат, не женат?

Откуда идруг такое виямание и желание помочь?
... Федор появился вечером после вахты. Принес инструменты, связку досок. Все сложил и заторопился: — Завтра с утра начну... Шкафы буду делать

Кое-как удалось зазвать его перекусить. Меня удивила его какая-то детская робость за стодом. Такой крепкий, рослый мужчина и так стесняется. Поев, заторопился:
— Приду утром. Надо к ребятам зайти я общагу, у них

остался рюкзак с продуктами. Я отдала ему ключи, сказала, где будет еда, чтобы на

плите разореа. Вечером, верпувшись с работы, удиви-лась его мастерству. В новый шкаф Федор выставил из своего рюкзака банки с тушенкой, сгущенкой, рыбными консервами, кашами, крупы. За ужином стал меньше стес-

Почти всю мебель он смастерил за две недели, осталось сделать книжные полки. Режим работы оставался прежним — пока я на работе, он стучит-колотит. Вечером, поужинав, идет в общежитие. Иногда за ужином разговоры затя-гивались. Он все узнал о моей Лене, о моем горе. Но об отце ее не спросил ни разу. Потом уже, когда мы года полтора прожили вместе, я у него (отдыхали тогда в Гаграх, на море) поинтересовалась, почему молчал, ничего не спра-

— А я и так все понимал, — ответил он. Перед отъездом Федора, когда была готова почти вся мебель (кроме книжных полок), как раз выпал перабочий день. Это было накануне 23 февраля. Я заранес купила сму теплый, из натуральной шерсти, красивый свитер. Он

теплами, из натуральном шерсти, красивым свитер. Он вспъзиул, как факса, и воруг перешел ма «ты»:

— Прости меня, в в деньгах сейчас тебе не помощник. Всю зарплату перевому сыну. Ему для женитьбы мебель пужна... Еще две получки пошлю, я ему обещал. К лету,

Анюта, ясе уладится». ...Долгим получился наш тогдашний разговор с Пет-

ронной, далеко за полночь затянулся. Порасспросила и про первую жену Федора.

первую жену Шедора.
— Он уже разведенный был, когда со мной познако-миже. 20 лет с ней прожили. Пыла она. Съна. Николая. Федор сам върастия и, только когда тот последний курс института заканчивал, на работу в Нижневартонск устроился. Двухкомнатную квартиру в Томске, что завод ему иыделил, Федор разменял, и одну компату они с сыном ей оставили — Анна Петровна, а правда, что вам года два назад

данали однокомнатную квартиру в новом доме, а вы от-казались, уступили свою очередь другим людям? Мне тут

казались, уступили спою очередь другии модями лин тут одив женідина про это рассказывала. — Правав. Утех модей дите малос, купать-стирать вода пужна. А мы подождем еще. Всякий раз, когда на жизненной тропинке встречаюсь

я с нагмство и камством, инве епконинает граниние истричаюсь я с нагмство и камством, инве епконинается добрай, бес-корьстпый человек — Анна Петровна. Вольшое ей выпа-ло горе пережить, ио и счастье не обощло стороной. Они вместе с Федором и по сей день. Внужам раумога — де-тям Инколая. Видать, за доброту судьба Петровну награ-

[150 СТИХИ И ПРОЗА

Светлана Анатольевна ЛИХАЯ

родилась 22 ноября 1967 года в городе Ургенче (Умбенстан). В Нижиневартовске живет с 1982 года. Окончила Поблажкий педапогический нистуту, филолог. Работала учителем, корреспоидентом газет «Закоперодаютик», «Вемерий Нижиневартопск», «Земение вести», «Дельфа-пресс». Печатается в различных газетах и коллективных сборниках. Член литературного объединения «Замъсса».

А СТОЯЛ ЭДЕСЬ ДОМ КОГДА-ТО...

Только пербы вполобхвата Над темнеющим прудом, А стоям зарсеь дом когда-то, Наш большой и шумный дом. Нашнаса просто школа И смотрел в лицю веграм. Тридцать школьников веселых Тут сходились по утрам. Мы читами: в Ъурв милою...», За окошком в такт словам в такт словам

[151] СТИХНИПРОЗА

И гуляла по полям. Возле школы лес стеною, Аужа у крыльца блестит. Смотришь, ласточка весною «Прямо в сени к нам летит». «Привов сени к нам метит»— Акоть воды поинет у брода, Разьентел дитаю стук... Призтерждала нам природа Все премудросты наук. "Соды — синие метем. Іде найти наш быстрый сьед! Отпумем, удетем. Нам тенерь по тридцять лет. Вдоль дориги рожн не ската. Дремнот пербы на д прудом.

Стлалась выога над землею

А стоял здесь дом когда-то, Наш веселый школьный дом

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

БЕЛЬИА ЦВЕТ
В круг гостей ты под фатою пышла.
Осленило платъе белизной,
Будто цвет спои ласкопав инина
Па тебя оснывлал яссной.
От тебя сиетлегот стения домя
Так нарад твой свядебный хорош
Как ты я танце легко, невесомо
Белоскенным лебедем пільяющь.
День, один лишь день тебе послужит
Платъе эти бело етыое.
Чтоб сбымись в большом и в малим
Вес твой пвисокие мечты.

Ностинент объемом и и малим Все твои высокие мечты, Чтоб всю жизнь тебя сопровождал он — Белый цвет сегодняшией фаты.

цветы

Цесты, такие гордые, не знали В немом великолении своем, Что их за сто с полтиной продавали, Срезав стебли тонким острием. В большой букет подкошенно ложились, Блистая самой светлой красотой, Дыша весной, и все еще гордились Своем удивительной судьбой. И линь потом, забытый, утомленный. Букет в стеклянной вазе увядал, Завидуя простой траве зеленой, Которую никто не продавал.

Ветер желтые листья
Сметает с земми.
Все плотней и плотней
Дождевая зависа...
Над притихшей деревней
Летят журавли
И скрываются где-то
У ближинсто леса.
И блестит нержавеющей сталью
Вода,
Стерты тучами яркие
Краски заката...
Но, как прежде, по рельсам
Бегут поезда,
Растревожив меня,
Приглашнают куда-то...

иван чай

какая жижию была смешная. Не жизиь, а архарка сплошная: Игра, азарт, восто ри алость. Что из любовь — то роковая, Что из печаль — то пековая, Что из прехожий — то и гость. Вся — негерпенье: а что там. Там за уклю, аа поворотом? Мис чуть на север иль восток? ...Слетает с дерева дисток. К его таниственным узорам. Я приникаю долгим виором.

Стареет мир. стареют годы.
Но не стареет никогда
Акобовь — бесценный дар природы.
Акобовь ее премя молода.
А было просто все, как в прозе:
Заметно потельем дин.
Самотивами в небе гризм
Вистем дине. Салютивали в небе гризва
В честь приближения весны.
Е с случайно он увыдел,
И, захымелев, как от вина, възобился.
Встретившись, признаже,
И тем отпетила она.
И тем отпетила она.
И тем отпетила она.
Увы, красичую наружность
Принять за краситулуши,
И чтоб вазымность и преградой
Не заключа сомисива дами,
Она скажали, что когда-то Она сказала, что когда-то Была обманута другим.

[1:4 СТИХИН ПРОЗА

И жмиг в его потухшем взоре
Она призрение прочла
И откровению в награду
Лишь униженье обрела.
И он ушел, он с ней расстался.
Хоть Богом клялся, что любил.
Он горькой правды испутался,
А искренность не оценил.

Я жду тебя, когда пурга Вопско метелит сиет, когда антофус до меня Свой прекращает бег. Я жду тебя, когда ни жит Не видно — моду вверх диом... В заборе старом две доски Ол вегра — ходуном. Одна в сиету вел, как в песке. Скритит: «Напрасно ждешь». Другяя, на одном гвозде, колдует, кот орилешь. Озябшая, иду домой. Промерама до костей. Промерама до костей. А сазди слоино домовой Кричит: «Встречай гостей!»

иван-чай

Напряжен до предела слух:
Вдруг взорвется немой явлиок,
И морозный ворвется дух
На забытай тобы порос.
Я тихонько прикрою дверь
И скажу невавачагі: «Привет!»
И на цыночка вытянусь внерх...
Я все жду, а чебя все мет...

[156] СТИХИННРОЗА

Владимир Ильич ЛАЙТЕР

родился 28 августа 1949 года на станции Даурья Боравиского района Читинской области. Окончил Дальневосточное высшее инженерно-морское училище и Москопсекий университет им. М.В. Ломонносова. В Нижиевартовск приехал в 1983 году. Работал корреспондентов и тазете «Местное время», редактором газет «На ударной стройке», «Строитель Приобые», «Земские вести». Первые публикации появились в тазете «Дальневосточный морях». Член Международной федерации журналистов. Работает преподавателем Нижиевартовского педагогического института.

ВСТРЕЧА В ВАГОНЕ

Расская

Мягкий вагон приятно покачивало. Ее путь лежал из Москвы в Донецк. В купе, кроме нее, никого не было. Она закрыла глаза, и ей подумалось: «Неужели я, хрупкая

1157] СТИХИ И ПРОЗА

девчонка, сумела переломить свою судьбу. О. как правы индийские философы, утверждающие, что мысль материальна. То, о чем мечтала, сбылось». Подсоянание работало четко, и перед ней возникали картинки далекого про-HIAO

шмого.
Все в живли начиналось банально. Жила на Украине.
Окончила среднюю школу. Получила серебряную медаль.
В аттестате все изтерки, кроме английского языка. За непокорность надо платить. Но поступнал тула, куда данно
наметила: в пединститут. Вот там всерьез занималась науем английского языка.

чением английского языка.

Ее воспомнания прервал стук в дверь. На пороге по-явился пожилой мужчина приятной висшности с черным дипломатом в руках. Вежливо представился:

— Добрый день. Меня зомут Виктор Иванович. Мо-жете навывать просто Виктор. А как выс зивут?

жете называть просто иметор. А жак вые зонут— Женя, Евгения, — ответнал она и совершенно нео-жиданно для себя представила его идущим по улице Дели. Немного погодя попутчик достал фрукты, коробих кон-фет, бутьажу шампанского. Иавинившись, разали в стоявшие на столике стаканы игристый напиток и предложил ей. Она согласилась.

Она сосласилась.

— Вы командированный ?— спросила Елгения.

— Угадамі Возвращнось из Берлина, — самодоволь
— Из Дели.

— Вы откуда следуете?

— На Дели.

— Вы шутите?

— Нисколью, я там живу.

Он хмыкнул про себя.

— Как же вас туда занесло?

— ток же вас туда запесло:
— Это длинная история.
— Надеюсь, расскажете. Время у нас есть, — сказал, подливая шампанское, попутчик.

Она внимательно посмотрела на собеседника. Уви-дела в его глазах неподдельную заинтересованность.

[158] СТИХИИ ПРОЗА

«Рассказывать или нет?» — подумала она. Но, махнув рукой, решилась. — Ну, слушайте, поудобнее усаживайтесь, — сказала

она нгриво. — По распределению мне предстояло работатъ в средней школе. Село Садово. У нас на Украине. Работъ, как всегда, непочатый край. До меня в ней изучали немецкий язык. Детям пришлось переучиваться. Работала в две смены. Для меня было одинаково: что день. что ночь. Не замечала. Благо, что глухомань такая. До центра пятъдесят километров. Автобус только два раза в день. Огорчилась, когда узивла, что только через три года имею право сменить место работы. Спас двоюродный брат моей мамы. Палочка-виручалочка. В Херсоне он работал начальником конструкторского отдела. И у себя на судостроительном

заводе нашел мне место в отделе переводчиков. Устроил только тогда, когда отработала положенный срок. Новая

работа оказалась мне по душе. Так пролетело полгода. И тут к нам на завод нагрянули гости — представители Дальзавода. Они предлагали работу во Владивостоке — переводчиками. Им нужно было организовать техническое обучение специалистов индийского военно-морского флота. Из местных никто не имел такого опыта работы. Я и еще одна, в то вромя ничем не обремененные девчонки, недолого думали, решилисто поехать. Дальзавод оплачивал дорогу, предоставлял жилье. Прокатиться, увидеть всю страну, конечно, было очень заманчиво. Вот так я оказалась во Владивостоке.

В вагоне было уютно: аромат фруктов, запах шампанского располагали к разговору.
— И не пожалели о своем решении? — удивленно спро-

сил собеседник.
— Нисколько. Там было все интересно. Многолюдье.
Вселя использе моряки. Поминального много много

Всюду молодые моряки. Пришвартовывалось много иностранных судов. Пришвартовывалась как-то и индийская подводная лодка. На ней находился мой будущий муж Радж,

тогда он был лейтенантом. Его экипажу предстоял ремонт подлоди

— И вы познакомились? — с ноткой ревности, по-кашливая, спросил Виктор. — И что, любовь с первого

кашливая, спросил диктор. — г. т., положения в ваглядай — Что-то в этом роде. Красная форма, симпатичный молодой парень, неплоко говоринший по-русски и по-аиглийски. Он занитриговал меня своим обаянием. Несколько месяцев мы встречались, и совсем неожиданно он предложил мне руку и сердце. Я была в полной растерянности. лико в под тороди. По связа в поднялся переполож и раз-разился скандал. Меня уволили с вавода. Его срочно от-правили назад в Индию. По их законам он не имел права жениться на иностранке без разрешения министерства обороны Индии.

Она замолчала, потянулась к сумочке, открыв, достала

сигареты и тут же положила обратио.

— Владивосток семидесятых годов — закрытый порт. Город моряков, рыбаков и пограничников, — сказала она. — Иностращы — жкотическая редиость. В расстроенных чувствах, со слезами, я вернулась домой к роди-

рил, что у нас что-то получится. До сих пор я благодарна рил, что у нас что-то получится. До сих пор я благодарна им, что они нашия в себе мужество, котя и можда, поддержать меня. Мик кажеств, что отца убедила мама, которая видела мон переживания: педля кождый печер ходила к реже, которая випоминала мик море.

— И что же дальше? А что же он?— не скрывая для обощетства, сперома Виктор.

— Бог его мыет, что думал он. Но мак бы там ни бы-

ло, на удивление всем, через полтора года он добился

официального разрешения и приехал ко мне в Снежное. Ох уж было разговоров в городе. Но мы уехали в Индию.

- Счастливая судьба, будто не перя рассказу Жени, сказал Виктор. И дети есть?
- Двое, сказала она с гордостью. Ведь через несколько лет моего Раджа направили на учебу во Владивосток. Мы поехали втроем: я, муж и дочь Юля. Осенью у нас появился Анкуш. Он у нас родился в России. Когда вернулись, меня приняли на работу переводчиком в министерство обороны Индии.
- Любопытно! Чертовски любопытно! Но, как я думаю, прошло ведь немало лет.
- Двадцать четыре, сказала она с гордостью, потому что в ее словах и поведении чувствовалась та уверенность, которая присуща счастливым людям. — Радж стал командиром подводной лодки...

Виктор больше не задавал ей вопросов, вроде все было ясно. Но все-таки не удержался и как бы между прочим и спросил:

- А как к вам относились родственники мужа?
 Во многом это зависело от моего супруга. Он хоро-
- шо понимал, что в незнакомой стране он для меня был единственной надеждой и опорой. — А ностальгия по России так и осталась на всю жизнь?
- Скучаю но родным местам, по любимому городу, по российской еде и, если хотите, по запаху шахтерской
- Так за вашу счастливую судьбу, сказал он, наливая шампанское. — Ничего не скажешь, удивительная судьба! Я еще раз убеждаюсь, что счастье свое мы строим
- сами. Прояви вы и ваш муж малодушие, и одному Богу известно, как бы вам жилось на разных полюсах нашей планеты.

иван-чай

ДЕПРЕССИЯ

Рассказ

Высокий молодой человек в голубой тенниске, широкоция, но очень худой, с болдным лицом, в а хегоях очиках, казалася муачным и неподнымы. Не отном сму умобиртеся и заговорять, как он преображался, покорая собессанного живым строуроным, митостью на акаушенностью токас. На вид он казался здоровным, по мало кто вика, что в дестие ил тажело болье. И есло бы не дабота митери, то вряд ли обругу молгой быолдемы и энал, что ет од дряз ужи еспыталы все, чего митель, что ет од дряз ужи еспыталы все, чего митель, что ет од дряз ужи еспыталы все, чего митель, что ет од дряз ужи еспыталы все, чего митель, что ет од дряз ужи еспыдене. Ребога, запас его неприямных в спиртному, часто про-

мицировали его на выпняку и однажды решили напонты.
Бъл мечер. Они гурьбой заглянули в кафе. Пахло шанилыками, острым соусом. Со весх сторон допосились веселые закелывые голоса.
— Выпъешь? — спросил один из них, обращаясь

к Олегу.

«Была не была!» — махнув рукой, подумал он, припи-

Пил медленно, с остановкой, словно дегустатор, ощущая во рту неприятную горечь и думая про себя, что в этом

нет пичего хорошего.
Назавтра он заболел: тело казалось не своим, подташнивало, имло сердце. С трудом он вспоминал вчерашпий

мечен.

«Негодян! — думал он. — Они проверяли меня, считали, что в белая вороны. А ни меть бы что». Он крабрился
и перед ребятами стесиялся показать синю слабость. Да
и кто мог поверить, что одна выпитая рюмка могла вывести
сто из равновесия и заставить впервые задуматься о смысле
заблани.

[162 СТИХИИ ПРОЗА

Надо же было такому случиться, что ятот день оказался роковым в его жизни. Вроде бы вичего не пердвецало плохого. Мизьы шла своим черсдом. Как обычию, читались лекции, проводились семинарские занятия в университете. Друзья пригласими его на день рождения к Наташе, которая ему иравилась и, как ему казалось, отвечала взаниностью. Представился хороший повод для встречи. Но Олет призадумался, вспомния с ное отвратительное состояние после посещения кафе, но ему не хотелось упасть лицом в грязь перед сокурсинками.

на вечере было весело: играла музыка, пелись песни, На вечере было весело: играла музыка, пелись песни, Наташа пригласила его танцевать, и он почувствовал прикосновение ее теплых, румяных щек. На душе было радостно.

Ребята гурьбой ввамимсь в общежитие, а Олета, шелшего позады всех, остановна дежурный милиционер. Олег удивился, ему поквазалсь это оскорбительным, и между ними возинкла перебранка. Слово за слово — и удар милиционеру в ухо. Оскорбленный страж порадка не оставны ато без последствий, а ректор не оставил без внимания счереднос ЧП в университетс. Вых совави совет, и одини росчерком пера за хумиганское поведение Олета исключили из университется.

Такого оборота дела он не ожидал. Все рухнуло в одночасъе. Перед глазами промелькнули и жизнь на Севере, и страдания матери, жертнующей всеми финансами, которые у нее есть, на обучение съща, и слезы бабушки.

Находясь в состоянии транса, он вышел на улицу, долго бродал по набережным Невы, потом, как перволассник, ке знав, куда себя деть, катался на метро... Его не покидала мысль: «Как быть? Что сказать дома?» Да никто и не поверит, что он, такой примерный ученик, нсключен из универитета, куда шел учиться с таким желанием... Но факт остается фактом.

Недаром говорят: когда у ребенка раны — у матери болит сердце. Она. на удивление Олега, через три дня

появилась в Санкт-Петербурге. Увидев похудевшего, об-росшего сыпа, ахиула. Она не стала задавать ему вопросов, попяла, что Олегу очень тяжело, что с ним случилась беда... и каким-то тихим голосом спросила:

— Домой посдем?

 домон посдем:
 Олег, лежавший на кровати вниз лицом, пошевелна го-ловой в знак согласия. Она не на шутку встревожилась, так как анала, что Олег с детства мечтал о Санкт-Петербурге. Много знал и читал о нем. И вдруг так легко согласился уехать.

Домой ехали молча, мать на каждой остановке выходи-Домой ехали молча, мать на каждой остановке выходи-да, покупала чест-пибуда куссенького, по пескольку раз угощаривала его посеть. Олег са молча и после траневы синва-ложныся на полжу и отворачивался к стене... Мать не бес-пиковла его пикаквым вопросами.... По приезде домой бабушка, учидев внука, обрадовалась, вегласснука ружами, сказала се радостыво в голосе: — Наконец-то ми расстались с этим Питерои! — Кто

мог осудить старую женіцину, мечтающую всегда видеть внука рядом є собой?

Сказать-то сказала, а, наблюдая за ним и узнав от матери о случившемся, наедине плакала. Перед ней был уже не тот веселый, жизнерадостный Олег, а какой-то маленький

тот весслави, живидальтным след, а ваконя-то мажельным состиутый старичок, сидешций с утра до вечера над книгами, авторов которых она и не слышала: Ницше. Демосфен...

— Очем он думает? — постоянно страшиваю под дочь, удивляясь, что на-а в жиких-то книг, ссор мижая она дочь, удивляясь, что на-а в жиких-то книг, ссор мижая она книгами. Все перемелет-

жинать: — Да это ди встретится в живлим! Все персмедет-ся — мука будет... — Не анаю, — отпечала мать со вздохим. — Ведь это была ето мента, а тенерь он потерья в себя веру. Я уже тоже не раз ему говорила, что все не стращию. Попытается по-ступить в новый вуд в этом году, если не подучится, то на будущий год. Какне его годы, а пока пусть поработает... А он свое:

— Какой я неудачник! Из-за какой-то ерунды пришлось расстаться с городом моей мечты.

В один из вечеров Олег, будто-то мимоходом, сказал матери со страхом в голосе:

— Жить не хочется!..

Она вэдрогнула от услышанных слов, подошла, поцеловала его и, глядя в глаза, сказала:

— В твои ли годы говорить об этом?!

Олег будто бы не слышал се слов. Оставался каким-то отрешенным, чужим, загадочным.
А утром Олега не стало. Мать нашла бездыханное тело

А утром Олета не стало. Мать нашла бездиманное тело в ванной. Ол жежа в научиниях и с острой бритвой в безжизненной руке. Тихо, зловеще, совсем не к месту из наушников допосились звуки «Лунной» сонаты Бетховена, которую Олет очень люби».

БАНКА ВАРЕНЬЯ

Рассказ

— Тетя Шура, можно, я сегодня к тебе приду?

— Приходи, приходи! Я так соскучилась по тебе, — отвечала она. — А лучше одевайся, и пойдем вместе.

Мие было тогда пять лет. Я очень мобил старшую мамину сестру, и, кат конорил на се, на вя мие, дуни не чавла. Муж у нес давню умер. Единственный сын — штурман дальнего плавания — постоянно был в морях, а дочь училась в ниституте в другом городс. Когда наступалы долгие зямние вечера, тетя часто брала меня к себе, читаль мне смаяни, стряпала для меня прирожне т вгодами, покупала конфеты. И хотя я был ребенком неснокойным, часто совал нос куда не следовало, она на меня не сердилась. Она прощалам не и то, что я на полную громкость включал радио, которое она часто выключала, потому что уставала на рабокот дося на часто выключала, потому что уставала на работе. А работала она учительницей. И когда она говорила: ИВАЦ-ЧАЙ

«Ох, как я устала!», я удивлялся: как можно устать от

«Ох, как я устала!», я удиналься: как можно устать от ребат?

Мама наказанняльна мин. чтойн в слушал тетго Шуру, по-тому что она — челопек заслуженный, у нее сеть каяке-то ордена и телеграмма, подписанная самим Сталиным. Мие. консчин, быль вер давно, от коло она получал астеграмму и наградым, я ее просто тяк любил.

Она щам масденно, держам веня за руку, поправляла шарф, вастегнявал путовицы и вътгирала пос платком, от котодого палко мен то сообенных расто.

шарр, вастенивал путоницы и попарала посложного, и которого пахло чем-то особенным. В моей памити манестда остался один случай. Мы при-шам с тетей Шурой домой и удинилсь, что в ввартире го-рит свет. Это приехала ес дочь Светлана. Тетя Шура обра-довалась, а мис было интересно знать, что она привезла. Что у нее в сумке? Сумка была большая, черная, застегнучто у нес в сумкег с умма обла околіная, черная, застегну-тав на большие блестящие пряжин. Мне так хотелось их потрогать. Как только тетя Шура ушла кормить собаку, а Светлана побежала за хлебом, в сразу же сиказался волм сумки. И начал расстегнвать пряжин. И вот сумка раскеры-

Сверху лежала банка с малиновым вареньем. Огляде

Сверху лежала банка с малиновым варением. Осладенщие, я явам лубаноу и, долог кратях, открать крышку Изстова, достал домог и став пробовать варение. Они покавалось вите таким внустивы, такого инкогда не варила мама. Я ел торопіляю, жадно и не ног огорваться... Кто бім мог подумать, что такой мальші мог сесть полизую банку! Иллаков облажвава золоку, подумал. «Что же мие делать?» И первие, что пришло в голоцу, — надо что-то поможить в банку. Ведо пів пустав. Я открым швер с бельем и увидел хрящу закрых крышкой и постами. Банку на место. Только я поставил банку, как на периге цоявилась тетя Шура. Немитою погля пришла и Светална с дурзявляющих піцура. Немитою погля пришла и Светална с дурзявляєтниками. Всесав, счастливая, она всесаю объявила всеси. — с сёчка будем ште чай с малиновам варением. Сейчас будем пить чай с малиновым вареньем.

[166] СТИХИИНРОЗА

Услышав эти слова, я испугался. Хотелось убежать и спрятаться. Я со слезами на глазах тихо пожаловался тете Шуре: — У меня болит живот!.. Хочу на улицу... — Ну, беги, беги, — шепнула она.

Пока Светлана хлопотала над самоваром, я, выбежав на улицу, спрятался под окном и, поднявшись на цыпочки, глядел, когда Светаана будет открынать сумку. Я со стра-хом зажмурил глаза. Ничего не подозревая, она достала банку с «малиновым вареньем» и поставила ее на стол. Расставила блюдца, ложки, принесла печенье и вазу для варенья. И тут я съежился от страха. Светлана открыла банку

и ложкой стала достанать... Вдруг она остолбенела. В бани дожкои стала достаньтв... одруг оны осложенся... очение ке не было никакого парения, она медленно и с испутом достанала какую-то трапку. И. не выдержан, закричала по песлосо. Подбежала тетя Шура. Прикватия днум пальцами тряпку. с брезгляной миний на лице, охая, Светлана доста-

вала ее из банки. — Это же мои трусы! — во весь голос закричала тетя Шура. Чуть опомнившись, она догадалась, чьих это рук

дело. Недолго думая, моя двоюродная сестра скватила ве-ник и бросчлась к ныходу. Я понял, что мне несдобровать. Изо всех сил я помчался домой. Мама удивилась, когда увидела, что я сижу разглядываю картинки в букваре.
— Чего-то неладно с тобой, натворил что-нибудь? —

спросила она. — Все наренье съел, — сознался я, плача

— Съел так съел! Разве у нас мало варенья?

Я не сказал, что затолкал в банку. Я боялся отца, который, узнав о моей проделке, непременно выпорет меня рем-

нем или поставит в угол. «Лучше бы в угол», — думал я, но думать за отца не пришлось. Узнав обо всем, он выпорол меня своим широ-

ким офицерским ремнем, а тетя Шура, простив мои шалости, жалела меня и говорила: — Спрашивать, сынок, надо, спрашивать старших...

167 CHIXH 11003A

Аюдмила Евгеньевна МАНЧИНОВА

милетитись милетитись посламась 29 ноября 1963 года в поселке Дуз (Сахами) в семье военного. Окончила Московский институт культуры. В Ниживевартовске живет с 1985 года. Одна из учредителей художественной галереи «Август». Стихи публиковались на страницах периодической печати, в сборниках: «Постоянство», «Зори Самотхора», «Кедровая грива». Бъла членом литературного объединения «Замисел». Заведует Центральной городской билоитекой.

НАСТРОЕНИЕ

В атом городе мне одиноко: ни ребсика, ни мужа, ни друга ни души. Только поздияя выога слабый след мой скрывает поземкой. Что-то грезится в сером ненастье под фонарным неправедным светом. ...Может быть, я мечтала об этом?
Может, так обретается счастье?

По засыпанной снегом дороге легким шагом, земли не касаясь, пробежать, пролететь, растворяясь в типине, в темноте, в непогоде.

ПЕРЕД УТРОМ

Попытка сна
Закончилась провалом.
За плотной шторой коношится ночь.
Соскальзывает на пол одеяло.
Подушку — прочь!

И в потолок глаза, к той тверди, Где облака, И слушать, как внизу медведем Сопит река.

Как, повернувшись. — ах, невозможно Постель тверда! — Плесиет на камень неосторожно Во сие вода.

И соиный город зеннет, впадая В туман, как в бред. В котором видится и оживает То, чего нет. иван-чай

...Над Москвой мосй купола горят... М. Цветаева

И у меня была Москва! В ней — тополиный пух стеною. И летней жаркою волною Чуть утомленная листва.

Стихи! В метро и на ходу — В коленах узких переулков, Где каждый шаг как выстрел гулкий В затихшем на зиму саду.

И ночью мокрых фонарей И ночью мокрых фонареи
В асфальте черном отраженья,
И наши смутные броженья
Вдоль улиц — или жизни всей.

COCHA Осенью лес

Эвучит тишиной. Струной Золотой Уходящего лета Задета, светла, Рыжеет сосна. Запуталась кроной В синем просторе. Узор не дыша Сплетает, спеша. Расставлены сети -В них шепчется ветер.

[170] СПИХИНПРОЗА

И звуки текут, Изниваясь змесю, Навек з астывая Смолою-слевою.

Нарисуй мне мои стихи. Пусть летят но листу штрихи, И спирали твоих многоточий Обвивают ступени строчек.

Ты художник, а я — поэт. Ничего между нами нет. Жаль, мы оба не так плохи. Нарисуй мне мои стнхи...

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Пустынно. Аншь ветер шуршит Конфетною смятой оберткой, Тряпичный флажок шевелит. И шарик воздушный летит, Расставшийся с привязью тонкой.

И по траве летели кони,
И странном была потоня,
И странные неслись слова.
Я их услышала во сне.
И в каждом звуке мінлась тайна.
И было странные невиде была потону вы выправнить вы потону вы выправнить вы потону звучанью.

171] СТИХИИ ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Окна настежь! Пусть пахнет дождем! И кольшутся пусть занавески! И изящный, насмешливый, деракий Дождь ваглянет в оконный просм!

ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ КУШНЕРУ

Ауст ветер с Невы. Тополя прижимаются к аданью... А. Кушнер

Дуст ветер с Невы. Понторю. Понторюсь за поэтом. И пойду вопреки до Невы, прикрываясь от ветра. Пряча нос в воротник и в карманы — озябшие руки. На свидание с городом выйду. Мы столько в раздуке С ины прожили, что ветер с Невы — как объятие брата.

Я пойду до Невы. Вдоль по Невскому. Будто когда-то Мы бродили здесь с кем-то вдвоем. Мы бродили с поэтом. И размеренный плеск невских воли отзывался ответом На размеренный рити шатию. Будто вместе с Невою Мы по городу шли. Мы Неву уводили с собою.

И размеренный ритм стихов, обретенных однажды, Повторял аскими эхом весь город. И было ненажным, От кого и когда ты услышал впервые, смиряя дыханье: «Дует встер с I leвы. Тополя прижимаются к зданью...»

Просто — низкие облака. Просто — теснит грудь И тяжелеет строка,

И удлиняется путь К сути вещей. И суть Слов изменяет вид.

И очевидность мстит Отсутствием доброты И явною резкостью черт. Где-то сжигают мосты,

Употребляют «нет» Чаще, чем слово «да». И падают в никуда

и падают в инкуда Слова, изменившие суть. И удлиняется путь Отсюда куда-нибудь. И чтоб глубоко вдохнуть, Надо закрыть глаза.

Витает рой чужих стихов Над головой моей уставшей, Нерезкий звук чужих шагов Теряется в листве опавшей.

Звук проносящихся машин Уже не задевает слуха. Свеченье фар. И шорох шин — Как из тоинеля — глухо-глухо.

Иду одна. В ночи — звезда. Невысоко, почти на крыше.

[173] СТИХИ И ПРОЗА

иван чай

Осенний воздух вкуса льда Щенком бродячим губы лижет...

Осенняя сырость Сменяется льдом. Последняя милость — Последним судом.

По следу последних Ульбок и трат Последуй, последуй, Вернешъся ль назад?

Тишайший снегопад, закутавшийся в хлопья Посередине дня...

А. Межиров

Благословенная зима Спустилась к нам. А нам казалось, Что это лишь природы шалость — В снега укрытые дома,

Что будет длиться до несиы Нас убаюкавшая осень. Что не напрасно ветер носит Без листьсв и без снега — сны...

Гак долго не было зимы...
И вот стоим, почти не дышим.
И видим зреньем, сердуем същини,
Как с невозможной высоты
Зима висходит...

[174 СТИХИИПРОЗА

Голову приклонить
На колени кому-то.
Веки прикрыть и плыть
Из ночи в утро...

Из ночи в ночь плыть, Ресницы не поднимая. Не думать, не знать, забыть Все то, что не забываю.

Маргарита Кузьминич АНИСИМКОВА

АНСИМКОВА

родимась в город Ивделе Спердловской области.
Член Союза писателен России. Первая кинга.
«Максийские сказы», вышла в 1960 году Автор более 20 кинг. Наиболее изпоранее исторические романы:
«Наум», "Порушенная невеста», «Плач гагары»,
«Нажда».
Почетным граждании города Нижиевартовска, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель культуры РФ, заслуженный деятель культуры Ханта-Имисийского автомомного округа, лауреат премян губернатора ХМАО
в областы митратуры за 2000 год. Живет
в Нижиевартовске.

СЕНЬКИН ПАЙ

Не на шутку расхворался старик Коконя: на глаза нака-тилась темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся — словно в капкан пойманы.

[176 - СТИХИЛ ПРОЗА

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего — есть места, где земая теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только младшего, Сеньку, не знает Коконя, с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман он пошел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопко борами ходил. Да увидел он вдруг под горой, в логу,

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью, копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дыпит — то затухнет вдруг, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется, клубы ые гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала. Испугался Сенька.

За кустом присел, спрятался, переждать хотел пожари-За кустом приссъ, спритажа, переждата дител помария, де, а оно в осенией ноги разгоралось пуще прежнего. И казалось, что сама земля под ним движется, содрогается, Непутлиным был Сенька с малых лет. По лесям дин и ночью раскаживал, не однажды ель в медвежью берлогу с

отдушиной вталкивал и будил в ней сердитого хозяина. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держат

А жара вокруг стояла нестерпимая. Спохватился тут Сенька, догадался, что тепло земное нашел. Вскочил и хотел бежать в отцовскую сторону, рассказать про чудо виденное, про тепло, про жар, которым

Урман — хмурый, непроходимый лес.

дышит земля, за которым послал отец братьев в разные стоно. Но одна беда: как к огню подойти? Как отцу унести,

показать его, рассказать про то людям?

пидеажи сти, рассказаты про то докудим:

Не занимать Сеньке смекалки, сноровки. Он сухару за комель схватил, подтацил поближе к пожарицу. Поначалу сам на цыпочках шел, до земли едва дотрагивался да к огию

сам на ценпочнах шел, до земли едва дотрагивляся да к огно сухару подталкива.

А прожора стоин будто ждал того: обливал сухару звыками свиним носумния, а потном обим к дрини пламенем, авсветил в темноте, обогрел округу тенлом.

И понеско Сенвка, сколько духу есть, к родным местам, на простор ренной, где отец вика. А в руках тащит сукару, женным огнем зваженную.
В это время Кокона-старик сле вышел из чума с деревинной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзынатус сыгаемей.

ъ сънговеи. Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры. Не один раз луна ходила небом, не два — не пришли

сынойы».

«Видию, далеко ушли», — думает он. Набрался силы старый охотник, вышел сиола из чума и стал стучать по де-ревьям да глужими ударами землю бить. Не услышали сыновыя.

гіз услашали сынічняк. Не хотаслось умирать старику, не повидав сыновей сво-их. Стал просить старик птиц и зверей. Разлетелись с шу-мом по тайте птицы, разбежались по округе явери. А А Прокопка с Никиформ в это врему улеглись на бо-ровнике, мхом выстланной, где речной прибрежный ветер.

гнус оттонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший

шмель.
— Где найти-то земное тепло? — открывая лениво гла-за, Прокопка спрацивал брата.
— Его нет совскей Это отец выдумал! — промычал сквозь зевоту Никифор, на другой бок переворачиваясь.

[178 стихии проза

В это время они услышали громкий птичий крик. Вско-

А птицы летят, курлычут, стрекочут, крыльями машут, каждая на своем языке просьбу охотника Кокони расказывает. Догадались сыновыя, что старик собрался навсегда оставить вемлю. Домой их зовет. Догадались, что отец надумал угодья делить. У отца они немалые. По реке широкой. Югану, танутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностаями да лисами и с другой всякой живностью. В тех урманах сам хозяин тайги жи-

В реках, в заливных местах у чистых песков да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыбких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень — сильный бывает, ветер и тот не догонит его, отстает.

Округлились у обоих глаза, потерялся голос в испуге. глядят друг на друга, боятся, как бы кого из них отец не обделил

Мой пай будет — все урманы с соболями, с кедра-

чами и грибами!— закричал во всю силу Прокопка.
— Нет, мой пай — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами!— перекричал его Никифор.
— Нет, мой пай, — хрипел Прокопка,— на реке, где

рыба стерлядь косяками ходит!

— Нет, мой пай! — орал Никифор. И бежали они так, что травы гнулись, расступались деревья. А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом дорогу нелегкую, дорогу неближнюю. дорогу

неторную. Да не разглядел второпях он корягу смолистую, споткнулся, упал и уронил пламя на землю

и пошел огонь по кустам, по деревьям шарить: зачер-ния кусты, поджет травы, охватил пламенем деревья вок-руг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит: не может он один справиться. Испутался Сенька.

179] СТИХИНПРОЗА

Побежал к реке Югану и давай поклоны бить, и давай ее

просить пособить беде.
А река сложная волны, приумолька, почернела, будто не сышит его. На колени пал Сенька, пригориплями черпает воду и шегичет сквова слежи: не хотелось, чтобы ветер
слышал мольбу его и разнес по тайге тайну, что не донес он земное тепло

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с лица и толкиула его дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода за ним. Сенька смотрит — гла-

зам не верит: вода течет. Он шаг шагнул, она за ним, второй шагнул — она волну подгоняет и сама торопит охотника. Вокруг пожарище бушует, дурит, жжет и палит все вокруг. А протока Юганка торопит Сеньку, вся дрожит мел-

кой рябью. Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы

знали и те забыли.

А речка бежит, позади себя берега крутые оставляет.

А речка бежит, позади себя берега крутые оставляет.

Плами дальше в тайгу не предскает.

Тут выскочил Сенька на крутой ра, а речушка обсякала крут а са крутой сторона к самому Югану навстречу, радже, выбежала. Обнава вода отонь, остров саслала. Черный остров, горсамій остров. Ослядска Сенька крутом, выдит: приумолкла река, приссл огонь к жемле, только черным дымом от него гарь стелется. Обтер изодранным рука-вом малицы² Сенька пот с лица, затянул крошни³ потуже, вадохнул глубоко и в отцовскую сторону быстрыми шагами

надомул хуомон в отодомул сторопу мактрамин шагами отправился.

В это время били бубны. Под раскидистой сосной хоронили старого Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

² Малица — одежда из оденьен шкуры мехом внутры

Крошни — приспособление для переноски грума.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу: «Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове».

Только после этих слов сразу облака над лесом поплыли темные, налетел уратан, встер с деревьев верхушки сломил, многие совсем с корнем вывернул, повалил Сеньку, прижал к земле.

Слышит Сенька тихий незнакомый голос: «Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести».

Оглянулся Сенька вокруг. Никого. Только братья стоят ваме, брови нахмурили, смотрят так сердито, будто Сенька и не брат им. Но осмелился Прокопка и проговорил не-

— Не оставил отец пая тебе. Нам с Никифором разделил угодья. Ты и так проживешь.

 Шибко долго земное тепло старался найти, пусть оно и греет тебя. Ха-ха-ха!
 засмеялся Никифор.
 Уходи скорее на остров к себе, а то еще принесешь

свое пламя сюда, — сказали жадные братья.
Повернулся Сенька. Видит, около ног собака вертится,
в глаза ему смотрит, скулит жалобно. Ничего не взял с со-

бой Сенька, так на остров горелый отправился, позвав с собой друга косматого. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

мито в дружое с ветром и рекои.
Много зим прошло по свету, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мохом, паутинка тонкая исчертила

Проезжали иногда веселые братья мимо горелого острова. Подворачивали упряжки оленей к жилью Сеньки да на бедность ему то связку белок, то боровую птицу оставляди.

А Сенька жил не печалился. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов из гнезда, да потягивалась на суку белка, хвост прихорашивая, выехал на своем обласке на рыбалку Сеньприхорашивам, ввесках на свясм опласке на рыполку сень-кин младший сын. Едет. любуется простором речным, островом родным, на который отец земнюе тепло приносил да много сказок про него рассказывал.

Видит: из-за мыса лодка выплыла да к острову напра-Видит: из-за мыса ладка выплама да к острону напра-нилась. Памяну ширно лодко, разгонор ведух, на берес схо-дят. Увидели Сеньку-маждшего. Подътежам: Говорат что-то из низакомом языке, поинто. Сенька-маждший в мо-жет и позвал их котуу. Захлопотал старый окотник, утощал гостей вкусной нельмой малосальной и ввари жуу налимыю. Рад бвал старин, что люди его про тепло земное спросили. Стал расскаявлать оп. а сам все то на небо поладит, то на Юган ваглад бросит.— не поднимется ми ураган, не рас-ссерантел ан Торму-т на болтальность охотники. Только тишь стояла крутом. Солице ярко светило, река серебривале.

солько тишь стояла кругом. Солице ярко светило, река серебрилась.

«Видно, нуемя пришло!— радостно подумал охотник.—
Видно, пора пришла амодям про земное тепло рассказать да

место появляеть».

Сигорит на гостей, радуется, а они по острову ходит, огладывыемтя. А потом Сепку-старшего и спросмаи.

— Как вомут моды тной остров черный?
Посмотрель вомрут Сеньая, придурна глаза, почесал патерней седую томую, появал плесами да и говорит.

— Тут! Тут Сенькин пай! — И сновы обвес, рукой весь простор вомрут Юстава.

— сененай? — переспросили его люди.

— Сененай? — переспросили его люди.

— Тут тегло земы минет миого-много. Сенька - младиний колать будет. Он знает. — ульбируас в охотник.

И моляя про остроя поилы неслыжаныя. Нефтянно кладовушкой это место люди стали знаять. А когда пришла

· Торум — бог.

[182] СТИХИНПРОЗА

пора, то Сеньку-младшего, как хозянна острова, задвижку открыть просили. Та задвижка была от большой трубы, по которой люди собрамись отгравлять аемное тепло. В тот день народу на горелом острове было видимо-неви-

димо.

Смотрят: Сенька-младший идет — и не узнать его. Разнаряжен по-праздничному: малица белая, как лебяжий пул. яся расшита по рукавам и подолу рисунками замысловатыми, на потах бродин новые, перевазанные у колен разноцдетными интурками с кистями пушистыми. На широком сыроматию решие в номная жисти мом охотичний с разукрашенной рукояткой да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и открыл ее. Заурчало что-то в трубе, зашумело.

урчало что-то в трубе, зашумело.
Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:
— Идет! Идет! Земное тепло идет!

железные сосны

Сказ

Спокойно жил Туетуй в своем стойбище, хотя дел у него из круглый год хватало. Не успеет отогнать в горы оленей, как грибы, ягоды поспевают. Только управится с инии, белая рыба пойдат. Наловит ест Урчуй, насущит, наслоит на виму, а ветры холодиве тут как тут. Чум скорее надо чинить до оленей глать. Погуляли они на душистых мяхах, нажировались на лакомых грибах, силы набрались. Шерсть на них блестит, бороды у быков отросли, они ими тропы метут. Рал Туетуй.

ма иму олестит, опроды у обков отросли, они ими тропы метут. Рад Туетуй.

Гонит он однажды оленей, песни поет. Повади нарты бежит олененок с черненьким пятнышком на лбу, мычит

ИВАН-ЧАЙ

тихонько, тоненькими рожками снег бодает. Посмотрел на него Туетуй, ульбиулся и спрашивает: — Чему радуешься, несмышленыш?

А олененок встал на задние ноги, забил передними ко-

пытцами да заговорил человеческим голосом:
— Слышал ли ты, как Сепька-охотник в тайге земное

Вскочил Туетуй с нарты, остановил упряжку, мапит к себе олененка, а тот отпрытнул и сторону и затерялся

в стаде.

Быстро бежит стадо, широжном конътами приминает
сисе. Из больших поздрей теплялі пар въегся, стумат друг
одружку ветиктве рогл. Собляют гороштел, в пецет упруазотся, изредая на коренника- шатуры въздавняют и опять бетут, карасныя выким высупул. Все было бы хорошь, да сомно
олененка не дают поков Туетую: «Какое такое тепло Сенька пами». Эх.

ка нашел?» на паписат» А зима припла сиежная да лютая: сиверко слал одну металь за другой. Стучат опи по почам в тугие степы чума, порпявт сорвать его! Хлещет, валит спежище. Сомменного света не видит миного дией Туетуй.

 И чего раздурилась пеногода? — сказал он вслух, т чето размурнама петопода;
 казам она вклук, связывняя нарты, чтобы ветер не раскидам их, и тут услышам вдруг стук оменьих копыт. Огланумся — на задних ногах олененок стоит. Вытянум шею и тонорит:
 Это мороя и метели найденное Сенькой тепло об-

ратно в земью спратать хотят!
— Откуда ты знаешь? — спросил Тустуй и хотел схватить олененка за ухо. Тот ловко перевернулся через голову

и убежал.

и усенал.
Покавалось солице, оглядело каждую ложбину, каждый кустик пригрело и ручьы послало. Весца пришла! Недалеко от болота постанил Тустуй свой берестиной чум. Уснул крепко-пакрепко, отогрев кости на солимыке. Спит и сла-шит, как утки и гуси в небе кричат. Обрадовался Тустуй,

выскочна из чума, смотрит им вслед, а они не летят дальше, все над болотом кружат. Потом сели, спрятались в траве н кустах.

«Хорошо!» — подумал охотник. К вечеру сще стая прилетела, а за ней другая. Кричат в небе, кружат, места индут, чтобы дать отдохнуть крыльям. Черно на озере стало. Птицы такой шум и гам подняли, что Туетуй уши сухим мхом заткнул, надел на голову меховой треух. А птицы оруг на разные голоса. Не вытерпел охотник, схватил большой тальниковый прут н давай гонять по болоту и озеру уток.
— Откуда вас столько взялось? — закричал Туетуй, обтирая вспотевший лоб. И услышал голос сзади

— Они, глупые, испугались железных сосен, которые

на болотах люди поставили. Обернулся Тустуй и опять олененка увидел.

Откуда ты все знаешь?

— Я сам туда летал.

— Как летал? Кто тебе крылья давал? — удивился Тустуй.

— Я на облачке летаю. Как только оно спустится на болото, я и сажусь на него.— И побежал олененок, подпрыгивая на тонких ножках.

— Да не бегай ты!— крикнул ему вслед Туетуй. —

Расскажи мне про сосны железные.

— He-ког-да! — крикнул олененок. — Облако под-

Видит Туетуй: спускается на болотину, как лебяжье оде-яло, легкое облако. Задело легонько мох на кочках, при-гнуло траву и дрожит нетерпеливо, в небо подняться хочет. А олененок как разбежится — и прыг на него! Свернулся в клубочек, как белка в дупле, только рожки острые, как сосновые сучья, торчат. Поднялось облачко, поплыло над тайгой и рекой.

[185] СТИХИИПРОЗА

— Прилетай скорес!— кричит ему Туетуй. А олененок ему с высоты рожками машет. Долго ждал охотник олененка. Рыбачит ли, ягоды ли берет, сети ли чи-нит, а сам все на небо потлядывает, все про железные сосны пит, а сам все на необ пододавляет, все нао желевные состоя думает: «Как будет жить человек, что в костер бросать бу-дет, если кругом сисцы железные будут?»

Однажды в утренний час снова услышал охотник голос

олененка:
— Туетуй, Туетуй! Не печалься! Желеаные сосны скоро упадут, на болото дождевые тучн полетели. Они зальют огонь, утопят и сосны в воде.
Ничего не сказал Туетуй, сел на кочку и слышит — тихо стало вокруг, спрятались, присмирели птицы, перестала ло-

стало вокруг, спрятались, присмирели птицы, перестала ло-виться рыба, замолькам, спрятались в Тэрвае комары. Страх вяж, Тустуя. Рыбачит Тустуй и видит, как по пебу ильнут из дальней стороны тучи. Пльнут тихо, сеют мелкий дождь, как будто

устали.
— Туетуй. Туетуй!— кричит саади олененок и с кочки

на кочку прыгает.
— Отчего тебя радость берет?— сердита спросил его

ожитник.
— Иворвали тучи псе свои наряды о железные сосны!
Вымли всю воду на неки, а люди тольки смеются. Сидят
у жаркого костра и песіи поют.
— Не болгай своим цершавым языком пустые слона!—
прикрикнум на оленекка Тустуй.
— Правлу, цивару говоро Пучи с ними не справилисы!
Мне облачко расскавало. Оно визьмет мени, чтобы на тех

людей посмотреть. люден носмотреть.
— А можно с тобой? — спросил охотник.
Замолмал олененок, отошел в сторону, кватает мягкими
губами мох, уфято не слащите слов Тустув. А из-за леса обдачко вынамле и спустилось на болото. Вскочил на него

одененок, крикнул:

— Садись, Туетуй! Полетим вместе. Вдоропул Туетуй, побежал и встал на облачко. Поле-тело оно над тайгой. Сколько летело, Туетуй не помнит. Только видит: впереди огни показались. Ярко светят в ночной тайге, манят к себе облачи

— Это сосны железные! Сосны железные! Видишь, люди там! — кричит олененок. Схватился Туетуй за край облачка, свесил голову и слы-

шит — грохочет что-то, голоса людские.
— Сюда, сюда! — кричит кто-то с земли.
Видит Тустуй — железная громадина и небо поднимается. — Отлетай, отлетай, облачко! — кричит олененок. —

Порвет тебя железная сосна. А Туетуй смотрит на людей и глаз оторнать не мо-

— Понравилось³ — спрашивает олененок. — Это болото Аганским называется. Сейчас мы с тобой на Вар Ё гаи слетаем! Потом на Юганскую Объ полетим. Там везде же-

лезные сосны стоят, а рядом огни горят.

Замолчал Тустуй. В глазах радость поселилась: вот что сделали люди на сыром болоте

— Здесь они тепло под землей нашли. — кричит олененок.

— Да ну?! — воскликнул Туетуй.

В это время опять зазвенело железо и еще одна сосна стала подниматься к небу.

— Оставь меня, облачко, на земле! Пойду я к этим людям. Хочу вместе с ними тепло искать, сосны железные

сажать буду. И опустился, говорят, к вышкомонтажникам бывший охотник Туетуй. Пришел к ним как друг, как брат. Хорошо

ему. Живет с песней в сердце. Когда вместе с товарицами Туетуй поднимает новую буровую, видит он в небе белое облачко. Оно то низко

[18]] СТИХИ И ПРОЗА

иван-чай

к земле опускается, то над самой вышкой плывет. Может, думает, что Тустуй к старому чуму лететь хочет. А тот улы-бается облачку и машет рукой: — Лети, лети! И расскажи всем — у Тустуя хорошая

ЁТАНСКОЕ ОГНИШЕ

Сказ

Проживет иной человек на жемле, как дим проплывет. — пикакого следа писле себа не оставит. Подумаещь так: для чето члял, только небо коптилу 2 А другой Имнег себе, только дину длепшеле откуда что и берется? За какое дло ни возымется — в рукая кее спиритах, какое слово на кажет — все в строку идет. Такое ситворит, что и череа вска внуки его вспоминать будут.Так это било имл не так, но то, что охотние Еган на жеме жил, ум тично установлено потому как притока Еганская есть, урочище Еганское есть и сама речка Еганка жинет!

Течет она тихо среди буреломов. Весной наполняется водой, выходит на берегов, заливает всю округу — и не найдень се русла, а к летней поре упадет в берега и течет смирню и тихо, будто слупает, о чем встры и травы, кусты и деревья разговор ведут. Вот в этих самых местах и жил охотник Ё ган. Много

рядом боров и урманов было, а он как облюбовал эти места, так тут все время и промышлял. И была у него своя особая приметина. Не будь ее — мало бы кто знал про Егана. А приметина была в том, что зверья никакого никогда Е ганохотник не бил, стрел не точил, луков не гнул, самострелов не настораживал, даже канканов, которые ноги зверям увечат, и тех не мастерил.

Была у него великая любовь ко всему живому!

[188] СТИХИИ ПРОЗА

Зато ловушки какие умел делать Ёган! Такую смастерит, что ввери сами к ней бетут. Только он вынесет ее в бор, а вверь уже тут как тут. Сидит себе в клетке! Идет тогда Ёган тихо, осторожню, чтобы не напусать

Мает тога. Е тап тико, осторожно, чтобы не напутать зверя. Присвадет на корточки перед желекой, погиворит со зверем, корям пложит, потом пладить по голове начиет. Взередопнится было леспий житель, зубы скалить станет, да только залостя у него скоро проходить начитет. Кого лесковое слово за сераще не берет? Мало-помалу привымет зверь, да и станет жить с охотником в великой дружбе.

да и станет жить с охотником в великой дружбе.
Привольно жилось зверью с Е таном. Как услышат они, что он в тайгу понист — ягод и побрать, грибов ди поссойрать, орехив посшибать или рабу половить — все навстречу к нему бетут! Все норовият руми дизнуть. — аксе, так та до цјеми исстах умудристси добраться. Для каждого Е ган ласкивое слово знал. А ссли на кого из зверей озорстато нахолно, — умел. Е тан громким голосом страх и водить. Громкий голос его повторяли деревьи и травы, кусты и јреты. Смирисли звери, поджимал муши, прятались в поры, и сколок всем приходил мине. Полько такое редко бывало с Е та-

Охотинки со исей округи любили к нему в гости еданть. Мастер он был небылицы всякие рассказывать. Лицо у Ё гана ульбчивое было, в главах всегда смешники плясали, а вверошки в такие минуты к нему с разных сторон тайги беждам. Принадут волосатыми губами к узу и шемут ежу, рассказывают, кто что видел вокруги. Так бы, может, и промять Е гаи, если бы не прибежал

Так бы, может, и прожил Еган, если бы не прибежал к нему в весениною пору медведь с опаленной бурой шерстью. Добежал зверь до чума охотника, пал на траву и дежит, стонет, как человек, головы поднять не может. Захлонтал Еган, забегла викрук исколаного, малины

Захлопотал Е ган, забегал вокруг косоланого, малины ему в насть толкает, медом морду мажет, а медведь трясется от страха, косматую голову под расшитую рубаху охотника прачет.

[189] СТИХИИ ПРОЗА

 Беда! — ревет зверь. — Из озера огнище выскочило! Зарево до самого неба вылетело.

 Какое еще огнище? — удивился охотник и побежал со зверями к тому месту, где медведь огонь видел. Тихо кругом. На озере волны ворочаются, на них утки плавают, качаются, травы на берегу шелестят, от росы го-

ловы к земле гнут. — Ты, наверное, сегодня много мухоморов сл? — спросил Ё ган медведя.

Тот виновато покачал головой, потер лапой глаза и отправился в бор берлогу строить.

«Какой еще огонь на озере был?» — думал Ё ган и не заметил, как к своей речке подошел. Шел-шел по-под яру и видит: поперек речки бревно

лежит. «Откуда такое бревно ваялось?» — удивился охотник. Побежал по нему быстро в легких кожаных бродежках. Только хотел на берег выскочить и обомлел: ноги-то его на щучьей голове стоят! А она выставила зубы и большим ртом воздух хватает.

— Как это ты умудрилась в такую маленькую речку попасть? Или жадность тебя сюда принесла? — выскочив на берег, закричал Е ган.

— Столкни меня в речку! Дай сил набраться! — шеп-

чет цука. Схватил Ёган с берега палку березовую и давай ее под щуку подкладывать. Вертится щука, буровит брюхом илистое дно речки, изворачивается полосатым те-

AOM. Долго бегал охотник по щучьей спине, то хвост, то голову отталкивал от берега. Очутилась наконец щука в воде. Растянулась вдоль берега, высунула голову и ска-

зала: — Это огнище выбросило меня сюда из озера! — Какое еще огнище? — снова удивился Ё ган. — Все

тихо кругом, спокойно. [190] СТИХИ И ПРОЗА

- Ox! - простонала щука. — Вот отдышусь и расскажу тебе тайну его. Вдруг века моего не хватит, а у людей

память длинная.
Сел Е ган на берет. Долго по небу ходила луна, много раз подбетали к обрыву звери, но как увидят, что Е ган все еще со щукой разговор ведет, убегут.

О чем говорила цука охотнику, так никто и не знает. Только с той поры стал Е ган искать тайную дорогу к огницу. Стали звери терять Е гана. Как ни подбегут к его чуму,

а еловая палка опять поперек лежит — аначит, нет Е гана дома. Соболь скажет, что рано утром его на яру видел, лиса днем его след на поляне нюхала, а заяц перед дождем с берега видел, как Ётан в колданке по озеру плавал. Но скоро совсем потерялся Ётан.

Всполошились звери и давай бегать по округе. Под каж-

дым кустом, под каждым деревом обыскали, обнюхали его след. А Е гана нигде нет!

— На озере он! На озере он! — кричал заяц, прыгая на

Сели звери на берег, прижались друг к другу, глаз с озера не спускают, а потом принялись кричать. Эхо далеко уносило их крик, а в ответ шумел только ветер.

Вдруг опрокинулась волна, и из озера показалась боль-шая щучья голова. И говорит щука: — Не ищите вы своего Е гана! Не придет он к вам боль-

ше! Отнище он пошел искать. Когда найдет его, тогда и ждите своего Етана! — И, ударив широким хвостом по воде, спряталась обратно в озеро.

Потосковали звери, поискали еще Ё гана и разбежались в разные стороны. Бегают, всех спрашивают: «Кто знает,

где огнице живет?»

А Ё ган тем временем все шел и шел за своей речкой. и привела она его к большому озеру. Остановилась, завертелась, закрутилась около его ног, разными искрами засверкала. Так и зовет охотника дальше, так и манит.

[191] СТИХИ И ПРОЗА

— Иди, иди, Ёган. Тут недалеко живет огнице! взметнув волны, сказала она.

изметную подны, сказала она.
Вдру как опрокниумось озеро! Зашумела, занела на разные голоса нода, мки выстальнеь перед Е таном, и очутился он под землей. Птичных голосов викру и склышно, солиечного луча не видно. Владоогную сердце Е, гана.
— Тае ты тут жинешь, опище? — крикцу» Е ган в темногу. Разнеслось далжею зох. Слышит: под питами сновы речка заявенела, а впереди черная денка с косой, как вюроною крымо, подказальс. Темт в сторные тихо, черным глазами, как днумя озерками, на охотника смотрит и манит к себе, золет. к себе, зовет.

— Не к тебе я пришел, а к огиницу! — крикиул охот-

Захохотала черная денка, замотала из стороны в сторо-

ну черными косами.
— А огинице без меня не живет! Там, где меня унидишь, там и его жди! — ответила она и потерялась, а вокруг по-

текла река пахучая.
— Иди, иди сюда, Ёган!— прожурчала под погами речка. — Смотри, огнище сюда бежит! Пранду девка ска-

Показалось вдали зарево, осветило все подземное цар-ство, и увидел Е ган реки разноцветиме и камин красоты неземной. Зажмурился охотник от света яркого, приложил

руку к глазам, а сам в узкие щелочки между пальцами поглядывает, смотонт, как огнище дурит, высокими языками земдю лижет, стелется по глади рек, только красные языки

земмо лижет, стемстерот по глади рек, голько красные являм леятя в развистероны, до гальникось приут, будто при-село перед Е таном, раскаленной бордой размачивал. — Пришесь мо мые! Отласкал меня, манчи! — засис-стело опнице и данай от радости прытать, искры метать, тустым дамном фыркать. — Полько ты меня, кчолек, ско-рес на простор пусты! Только покажи мне в твоей земле тре-цину! Ну и разгулямось и на простор! — спистит опище.

И представил охотник Е ган, что сделает жадное огнище с его бором, лесом, с его зверями и птицами, и замолчал, прижался к земле, как песчинка малая, и уснул в чужом подземном царстве. «Видно, не пришла еще пора про тебя говорить, на простор тебя пускаты!» — подумал он про себя. много аим простор теоя пускаты» — подумал он про себя. Много аим прошло, много выог прошумело над землей. Даже авери стали забывать, когда в этих местах Ё ган жил.

В один из весенних дней медведь в малинник забрел да вдруг услышал в стороне голоса людей. Остановился зверь

и тихо за ними отправился, за лесины прячется, их разговор слушает. А они на берег Ë ганской речки вышли, свои чумы поставили, костры жечь стали, а сами все про огнище разговор ведут.

Слушал, слушал их медведь и обратно в малинник по-шел да как вспрыгнет вдруг! Сучья затрещали, кусты по-догнулись, птицы в разные стороны полетели. Выбежал медведь на берег реки да как закричит голосом человеческим

— Тут оно, тут! Тут живет Ёганское огнище! Сам Ёган ва ним ушел!
Испутались люди, бросились бежать кто куда, а мед-

ведь ревет им вслед:
— Куда вы? Тут оно, Ё ганское огнище! Ищите его тут! Кто знает, поняли ли люди слова зверя или сами узна-ли, что отнище в этом месте искать надо, но только постро-

или они здесь вышки железные.

Прислушались люди, услышали земную силу, а когда взметнулось к небу огненное зарево, залило светом всю округу, люди от радости стали бросать высоко над головами шапки, обнимать друг друга. В это время выбежали на берег и звери, своего Е гана среди них отыскать хотели. И не зря, говорят люди, они его ждали. Тут он был! Раз людям свое огнище отдал, значит, и сам в родной край вернулся. След его и соболь видел, и лиса на поляне снова учуяла.

119.1 стихи и проза

и	BAH	- YAI

ΚУДА ΛΕΤΑΛΑ ΓΑΓΑΡΑ

Дни считала гагара, чтобы лететь в родную северную сторону. Только скоротает ночь, от радости защелкает клювом, перышки на шее переберет, пересчитает и закроет главом, перышки на шее переоерет, пересчитает и закроет гла-ва. А перед тлазами сразу попъмет тупара мистая да ягод-ная. берега тальниковые да кочки с высокой травой, а во-круг все гнедаг вгарын, пухом выстальные. Торогима, ани стагра, торопика— и пришла пора! По-несла весна тепло в северный край, а вместе с мим и все

несла всема тепло в сеперный край, а вместе с ним и все птиры авторопильсь. Астят, радуются, на родную земам насмотреться не могут, криком своим привет сё шмлл. Гагара сще издам узнава свой острою: загототала, захопяль крральями, объ-тела его много раз и усласъв на конкур. Сидит, голациаться не может, крымав распутана до самой земам. Сама не ве-рит, что дальяна дорога позады остальсь. День прошел. другой. Осмотрела гагара на острою към-зъй кустик, видит — никого радов иет. Астят птиры мимо гагарьето острова, шумят крыльями. Устанет камая, садет ут поздаль, подожмет алики, вытяниет шею и важно проговорит. — Развет ка не манешь, птира, что ото кваи сторов? Ба-

подаль, подожмет далим, вытавиет шем в важно проговорит—
— Равет тъм е манеции, пута, что от нави сторов? Ба-гарий? Что это мы, тагары, на дво ныряды в в клювах своих землю впятасиваль? Вот и стала вожрут земля! Оттого и вых теперь привольно живется!
Провричен стиды, отпланиется гагаре и улетит. Простору много в северном крае!

Так на гагарьем острове никто и не селился, не смел своих гнезд вить.

Довольна гагара. Вывела она своих птенцов, научила их нырять, планать, затем стала учить летать, крылья пробовать, силу в них копить.

[194] СТИХИ И ПРОЗА

Плавает гагара по озерным волнам, любуется птенцами и слышит над головой свист. Видит: пара чирков летит. Покружили птицы вокруг гагарьего острова и сели в траву. Прокричала гагара, а чирки сидят и не поднимаются на крыло. Стала гоготать гагара, а чирки все сидят, будто и не слышат. Поплыла гагара к тому месту, где птицы сели.

— Или вы не знаете, чей это остров? — важно говорит она, подплывая. — Или забыли, кто землю со дна морского достал?

— Все мы помним, гагара, — ответил чирок с почер-невшим крылом. — Только вот чируха моя дальше лететь не может, силы в дороге потеряла, да и заблудились мы. Видишь, как поздно летим? Еле-еле до твоего острова долетели. По всей реке шум стоит, на берегах костры горят, в лесу сосны железные выросли! — И чирок замахал крыльями, посмотрел под кочку болотную, а чируха там уже яйцо снесла.

— Совсем стали забывать птицы, кто эту землю со дна морского доставал! — не унималась гагара. — Ох! — въдохнул чирок. — А вот нам по дороге ос-

трохвостка сказала, что не вы, гагары, эту землю сделали! Вздрогнула гагара, закоткала, будто ягодой подавилась, а чирок свое:

 Острохвостка сказала, что ваша земля холодная и мокрая, а вот дальше твоей земли огонь живет! Тепло живет! Просто у вас, гагар, клювы короткие, вот вы и не нашли тепло, а оно далеко спрятано!

Почернела гагара, слова сказать не смогла, от обидных

слов чирка у нее даже крылья силу потеряли.

— Каная это еще острохвостна тебе сназала? На чьей земле все птичье царство живет?

— Не внаю!

— виновато ответил чирок.

— Но правду

сказала острохвостка, что не достали ваши клювы тепла, а оно есты! Я сам его видел! Даже крылышки опалил.

[19!] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Видишь, какое сизое оно у меня стало? Это оттого, что

отия блияко летел.

— Врешь ты, ленный чирок! — закричала тагара.

— Не хотел лететь дальние, лот и выдумал про земное тепло.

[де ему тут въяться? Смотри: кругом вода и вода! Да и кому

| Дае сму тут ваяться! / могри: кругом вода и вода! Да и кому
— И тебе надо! — сказал чирок. — Если бы здесь
было тепло, замен тебе летать в чужую сторону? Развестала бы ты крылья ломать в дороге? Жим бы всегда домя
Ничего ему не сказала гатара, закручалы жамойно и поднялась. Объетела несколько раз свой остров и полетела...

К.

Куда ты полетела, гагара? — закричал ей вслед

чирок. А она летит, шею вытянула, крыльями воздух режет, торопится

торопится.
Летит гагара через тундру в видит: стада оленей пасутся. Ходят олени по болоту, ягель едят, оленят бодаться учат.
Увидели в небе гагару, закинули на спины рогатые головы,

мычат: — Куда полетела, гагара? Или уже холода почуяла? Села гагара на рога семигодовалого быка и спросила:

— Кто-нибудь из вас про земное тепло слышал? Замолчали олени, наклонили головы, мох есть пере-

стали.
— Видел олененок земное тепло! — сказал гагаре ста-

— Видел овененок вемнос тепло! — сиадал гагаре ста-рай омень. — И осовы вижельные видел. — Зачем оно вам, это земнос тепло? — сердито спро-сила гагара. — Равен плого вам винется на моей земне? — На какой — твоей? — спросил ожнь от моей земне? — А разве вы не знаете, что ату землю мы, гагары, со дна морского своими кловыми досталы?

Отитъ вамолчали олени.
— Хорошо будет, если сюда земное тепло придет! — бегая по кочкам, кричал олененок. — Круглый год грибы будут, круглый год.

[196 СТИХИ И ПРОЗА

Не стала слушать его гагара, взмахнула крыльями, полетела.

— Ты куда? — замычали олени ей вслед, но она и не

слушала их. Летела гагара, летела, до тайги долетела. Видит: зверье все в работе: медведь берлогу строит, выгребает яму, только земля в разные стороны летит. Белка грибы

сушит, шишки в дупло таскает, запасы на зиму готовит. Соболь дупло мастерит.

Увидели гагару, закричали все в один голос:
— Куда ты полетела, гагара? Неужели так быстро холода пришли? Расправила крылья гагара, уселась на кочку и спраши-

вает:

— Кто-нибудь из вас слышал про земное тепло?
— Нынче зима теплой будет? Можно и берлогу не строить? — спросил гагару тугоухий медведь и бросил в сторо-

ну пень Может, и грибы снегом не заметет? — радостно пропищала белка.

— Бестолковые авери! — рассердилась гагара и поле-тела дальше. Летела, летела, устала. Вылетела на речной простор и села на берег, чистит клювом перья. Услышала, как рыба по воде хвостом хлестнула. Нырнула гагара в воду и поплыла. Смотрит: в тихой заводи собрались рыбы. Хвостами шевелят, плавниками играют, а сами на одном месте собрались и слушают сырка серебристого. Он говорит торопливо, из маленького рта пузырьки летят:

- Если земное тепло будет нашу речку греть... Не дослушала его разговор гагара, вынырнула из воды и полетела дальше.

«Что это они как сговорились: только про тепло земное и ведут разговор? Может, мне человека спросить? Он лучше всех знает». И полетела гагара к жилью человека. Летит, а на пути все гремит и шумит. Увидели ее маленькие ребята и закричали:

иван-чай

— Гагара, гагара метит Говорят, что это они, гагары, всю северную земью со дна морского своими каковами досталам. Хорошая итиць гагара!

Стала на корумить вад томовами ребят да скоро и села на поменицу, чуто подала от домян.

— Устал, итица — дасвоин спросил се мальчик и стал поправальть сй перыпию. — Ты совсем не в ту сторону детиш— с карал он. — Навериес, дорогу потерала?

— А это правал, что под моей вемьей моди тепло вышён — спросиль агара.

Удивися мальчик, тот гагара человеческим голосом говорит, но не кнугулася, ответил:

— Правау, правду говорят! Видишь, как моди все радускта!

дуются

дукития
Вздохнула гагара и сказала:
— И кто только это тепло не любит? — и полетела.
Долго летела. Мимо леса и мимо болот, мимо озер и вдоль

рек, проток.
— Куда это ты летала, гагара? — спрашивали ее

птицы.

— Летала — земное тепло смотрела! — всем отвечала

— А видела земное тепло?

— А видела вемпос тепло?

— Видела винела I желеніме состім видела I На самой вершине такой состью отдыхала. Плама видела, жак пію
з жима міврымаєтся и в ночи такене. Около него ходила,
вгодал сал. И трубу, по которой земнос тепло идет, тоже
видела. Джек салім за ней потреда!

И полетела гагара на сной гатарий остров радостігую

весть своим птенцам рассказывать.

[198] СТИХИИ ПРОЗА

ТРУСЛИВОЕ СЕРДЦЕ

Сказ

Силы у Ювана котъ отбавляй, и ала столько же. Плохо, когда не анает человек, куда силу девать. Потому и не доблим его, на правдники никто не приглашал. А он от этого еще алес был. В молодове-то годы, правда, приглашали, да только всегда Юван с кем-нибуда ссорился, в дразу дея. Худая молав быстро летит по свету. Вот и персетали его в тости знаять:

От обиды такой уехал он далеко, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Агафьей ввали: тикая-тикая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а о на сразу вся вадрожит, как осиновый лист на нетру. Да и олени, и собаки его бозлись: каждый на сноих боках испытывал его пинки и удары. А сели узнавал Обыли, что у кого-то праздник, скал тогая он за далекие персты, брал отиенной воды и приезжал домой чуть жив. Все и ворге и вокру готкнут кажется, персстают дышать: Агафья, олени, собаки. Даже деревы, кажется Агафье, не машут своими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван.

Обидито и Агафов, после уснет, а она наденет лыжи да убежит в тайгу к оленям. Они ласкаются к ней, лижут се руки, жалеют ее.
Просиется Юван, скучно ему, что инкто не слушает его,

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет, найдет Агафью, растолкает оленей, привезет ее домой да снова побъет.

Плохо живется Агафье. А куда пойдешь? Родных нет у нее, все боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да терпела побои. Куда денешься?

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Агафья взяла чуман да пошла в лес к зверям. «Пойду, — думаст, — попрошу у зверей воды, которую они пьют, может,

напившись ею, Юван добрее будет». Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет, ушки наво-стрила, обхитрить кого-то хочет. Агафья поклонилась ей низко.

 — Лисонька. — говорит Агафья, — дай мне воды тво-ей, которую пьешь. Может, сердце добрее будет у моего Ювана.

— Не жаль, Агафьюшка, да только хитрить он перед тобою будет. — Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Зато, мо-

— Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Зато, может, ало пройдет у него.

— На! — И лиса налила ей воды.
Идет адалише Стафия. Сиотрит, соболь с дерева на дерево прытает. Умидел Агафово.

— Зачем появлаовала? — спрашивает.

— Да кочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь.
Может, Юван добрее будет.

— Стоило нати! Принес бы сам. Да ведь попробует он мосй воды коте рызботе, тработе.

— Вит и корошю. — говорит Агафая. — работа не портит человека.

тит человека.

тит человека.

Дал ей соболь смоей водь.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес все гуще. Слашин Тлафам — треск пошел по лесу.

Подходит медведь. Скорием дегревы вырывает — берлогу строит. Увидел Атафью — остановился.

— Какими судьбами?

— Да вот пришла к тебе виды просить. Ювана своего

хочу напонть, может, эло у него и пройдет.
— Да, эол он у тебя. Только ведь моя вода сделает его

еще сильнее.
— А разве не нужна ему сила? — говорит Агафья.
— Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует.
На, бери, для тебя мне не жалко! — И медведь налил Агафъе в чуман своей воды.

1200 СТИХИ И ПРОЗА

Долго шла по лесу Агафья, пока встретила лосиху.

долго шла по лесу Агаряя, пока встретила лосиху. Мычит лосика, бегает беспокойно, плачет. — Горе у тебя какое-то? — спрашивает Агафья. — Ох, горе! Горе! Лосенка потеряла. А ты что здесь

Ох, горе! Горе! Лосенка поторяла. А ты что здесь делаешь?
 Да не вовремя, видно, я пришла. Хотела водля гопросить для Ювана. Может, не таким дамы будет.
 Не малко, Атарыюшка, да сердце очень мягкое у него будет. Жалости много будет. Добрым станет. А разве мужику таким надо быть?

мулипку таким надо ометь?
— Да этого у Ювана и в помине нет! — навкриос, впервые за всю свою жизви умыбнулась Агафья. — Без добра плохо жить человеку. Только куда ты мне ее нальешь? Чуман у меня почтя полняй. Тут и лисья вода, и соболья. и медвежья.

благодарила она лосиху и отправилась домой. Только стала подходить Агафья к юрте, видит — белки

в разные стороны по деревьям несутся, соболь мечеста, Догадалась Агафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде, закричал Юван на Агафью.

а она прижалась и сидит ни жива ни мертва. Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спать лег. Вошла Агафья тихо в юрту, поставила чуман со звериной водой. Не успела она опомниться, как проснулся Юван да как крикнет, и не стало вдруг Агафын, а зайчиха большая сидит под столом и дрожит вся. Глазам своим не верит Юван: Агафья тут стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча чуман и выпил всю воду. И тише вдруг

— Агафыошка, — крикиул. — Иди сюда, Агафыопп-ка! — А Агафы ингде нет. Сидит только илд столом зай-чиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на руки Юван, начал гладить, догадался, что Агафыя от страха в зайчиху превратилась.

12011 СТИХИНПРОЗА

<u>ИВАН-ЧАЙ</u>

Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам винопаят. Собак стал сам кормить, оленей пасти. По-могла ему вериная вода. Только с тех пор манси никогда не быот зайцев: не хо-тят, чтибы у них было трускивое сердце. Тайта принимает только отважимах.

Николай МЕРШ

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА Афгани, Афгани Игра политиков — капкани. Десятия сотен с новых лет Наделя цинковый жилет. И десяты лет. И десяты лет. И десяты лет. Доржал в руке жиной букет Для кына... на земле чужой. Он там нашел себе покой. И варуг осталаеть мать одна... И каждый вечер у окна... В руке — доржащая медаль... О сыне... вечная печаль.

Марьям Халядшах-кызы МАМЕДОВА

родилась 1 апреля 1955 года оправлений в менятельной оправления «Замысел». Печатается в периодических наданиях

это мой город

ЭТО МОИ ГОРОД
Восход... Просымается город.
Доброе утро. Самотлор!
Легко оцущается колод.
Луч солица в ладонях озер.
Родной простор — тайга, роща.
Голуби над Божным храмом
Факсаом покоритель Алеша
Дорогу освещает нам.
Тут каждый двор знаком мие
И родные лица земляков.

россыпи

Породнила нас на этой земле Крепкая дружба и любовь. Жить и трудитъся здесь молодым, Строить и беречь свой очаг. А молочиве туманы как дым На перелете в сибирских иочах!

ГОДЫ НЕ ВЕРНЕШЬ...

«Мие бы твои годы...» Да что бы ты делала с ними? Начала бы все сначала! Увы... мой пароход у причала.

[205] СТИХИ И ПРОЗА

Валентин Петрович ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ

ОКСЯННИКОВ: ЗАЯРСКИИ
родился 20 нюля 1934 года
в городе Вомновах Донецкой области. В Нижиевартовск приехал и 1974 году. Работал на руководящих должностах в системе «Едавтоменнофетсал», в объединении «Нижиневартовсктурбонровстрой». Автор книг: «Хатынь», «20 лет второго дыхания или Любовь земная», «Любиной», «Щука и пескарь», «Стики, рожденияе жизніво», «Право на павиять», «Войти в зенит», «На когорских веграх», «Огню манерскор».

СЕВЕРНЫЙ АПРЕЛЬ

Ночным укрывшись покрывалом, Еще крадутся холода, Еще сисга лежат устало,

[206 СТИХИИ ПРОЗА

И стынет в лужице эвезда. И все же солице

безмятежно Поутру крышн золотит,

И небо чисто

и безбрежно, Оттаяв к полудню,

парит. Идет пора преображенья И смотрит вдаль

нз-под руки. Она сулит мне

вдохновенье И просто лучшие деньки.

НИЖНЕВАРТОВСК

Бьются ветры крылом о крыши, Горизонг за тайгою

тает.

Нижневартовск,

ты меня слышишь?

Память сердца не погибает. Синева проглянула

в тучах, Солнце режет лучами дали.

[207] СТИХИ И ПРОЗА

иван-чай Но морозы над Обской кручей!

как они нас терзали!

Невозможная боль разлуки...
Но друг друга мы не забудем,

Так пожмем на прощанье руки!

Александра ОСИПОВА

Зачем мие радости земные,
Зачем мие суета сует?
Ведь есть же чудсса иные,
Чем пьянство, блуд и звон монет.
Мие иужен Бот как стержень жизни,
Как столп земного бытия,
Чтобы служить своей Отчизие,
Чтобы мобить ее, как я
Мие иужен Бот, чтоб беспорочно
Пройтя іп мизни до конца.
Он где-то рядом, знаю точно,
И различаю свет венца.
Поверив в жизнь души бессмертной,
Не буду, словно жалкий раб.
Пасстись за нечистью инертно,
Цепляться за нечужный скарб.
Я вместе с Богом... Я спокойна.
В душе лампадочка горит.
Ветречаю каждый день достойно.
Без раздраженыя и обил.

Лейла ПАШАЕВА

Ичать учитесь между строчек,
В той пустоте живые чувства.
Там больше правды, меньше точек,
А потому совсем не пусто.
А то, что черным или синим
На белом фоне. — то скелеты.
А вы вкладитесь, только сильно,
На то, во что они одеты.

Я сегодня весь мир обманула, А еще обманула себя. И в душе моей снова уснуло То, что вспыхнуло, блеском сверкнуло, То, что чувствовать можно любя. И опять жизнь в привычку вползает. Как гремучая, злая эмея. Все тускнеет, и меркиет, и тает, Что-то в сердце моем умирает,

И спасти это «что-то» нельзя. Мое сердце — живая гробинца, Замурован любви огонек,

Он на помощь зовет, он стучнтся, Он не может на волю пробиться И сгорает под горечью строк.

Дружбой не пренебрегай И не проверяй на прочность, Иногда одна неточность Может выплеснуть за край.

Дружба — дар, случайность, вдруг. Он не каждому дается, Он ломается н гнется,

Если друга предал друг.

Дружбой не пренебрегай, Пусть ее потреплет ветер. Пусть осудят все на свете, Только прочь не убегай.

ИВАН-ЧАЙ

Дружбой не пренебрегай, Дорожи ей, словно мамой, Береги, храни, спасай От размоляки глупой самой.

Так легко ее терять, Так легко ломать и спорить, А потом готов отдать Все, чтоб вновь ее построить.

Потеряв же, не найдешь, Хоть к земному съездишь краю, Не отъщешь, не вернешь... Я-то точно это знаю...

Юлия ПИРОЖКОВА

BECHA

ВСЕТИА
Наконец она пришла,
Долгожданная весна.
Хоть вокруг и гравь, и сырость —
Солице ярче засветнось.
Дуб от спачки встрепенулся,
Звонкий ручеек проснулся,
Ветерок в окно стучится,
И поют от счастья птицы.

ДОИГРАЛИСЬ

Что сказать вам, девчонки, мальчишки? Про войну говорили нам книжки. Их читая, порой засыпали, А наутро в войнушку играли.

Только стала она настоящей, Обозначенной точкой горячей. Зазвучали тревожные вести Про Чечню, про бои и «груз-200».

И теперь вот, девчонки, мальчишки, О войне узнаем не по книжкам. Тот растет без отца, тот — без брата. Донгрались в войнушку ребята...

[213] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

СЧАСТЬЕ

С-РАСТПО.

Радуга светлых
И ярких лучей —
Мир озарен тобою.
Счастливы сотни
И сотни модей,
Что распрощались с войною.

ПАМЯТЬ

Залечит время раны зла. Но все прекрасные минуты — Крупинки света и тепла — Я сохраню. Я с ними буду...

грезы

Подарили 6 мне белую розу. Розу чистой и светлой любви, И предстала бы жизнь в моих грезах Раем правды и доброты.

РАДОСТЬ

Отчего на улице светло?
Отчего на сердце хорошо?
Отчего бегут, поют ручьи?
Это оттого, что вместе мы

214 СТИХИ И ПРОЗА

Павел Семенові ПЛЮХИН

родимся 10 октября 1948 года на Южном Уражс. С 1973 года работает в Нижневартовске, в «Городских алектрических сстях». Признается, что «любовь к стихам и выращинанию роз — как раз то, что частично компенсирует перенапряжение недетской, но любимой работы». Стихи быми опубликованы в челябинских и инжикевартовских газетах. Автор сборника «Гуси-дебеди».

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Москва богата блеском, суетой. Мне нравится моя Сибирь сильнее. С ее необвичайной простотой Она сще надежней и добрее! Здесь ценят по-особому тепло, Когда мороз спорачивает уши, Скажу вам честно: Как мне поведло — Такие доле и такие долин Такие люди и такие души!

ИВАН ЧАЙ

Немыя колодец вычернать до дна.
Когда его шитают родиния.
Іак и любовь — бел берегов она!
И мы — на середние той режи...
Могу осленуть, обо всем забить,
Тореть когоры и такть, словно снег,
Когда белющь ты по тропе-судыбе,
Наперекор всему...
ко мие!

СЕДИНА

СЕДИНА
У седина сеть преимущество одно —
Ей властно все: и муза, и вино.
И менщина бескраниям любовь.
Ромдение, и смерть.
В ней нет лукаяветам.
В ней мет лукаяветам.
В ней мудорости и выдоряжки — вдвойне!
Маль, и ехваяет только узаженыя
Порою к старикам и седине!

Ты — капелька росы на

Ты — запах розы, что в моей руке!

[216] СТИХИ И ПРОЗА

Ты -

тихий ветерок,

угнавший облака! И рядом ты,

и очень далека.

ты

Нам, должно быть, не хватает часто Маленького солиечного счастья, Не жватея пстреч нам и разлук. Нежно обвивающихся рук. Но я рад, что ссть на свет ты Искорка, счастля вое митовенне, Боль души, тревоги и с омиеныя, Мом мысли и мої мечта.

Мне ге хватает света, Мне солнца не хватает, А может, жду я лето, Что сердце согревает.

Гитары не хватает, Веселой, семиструнной, А может, лишь мечтаю О той девчонке юной?!

Мне речки не хватает, Искрящейся, хрустальной, Но иволга печально То плачет, то издыхает...

ИВАН-ЧАЙ

Чего ж засуетился? Чего ж так недоволен? Быть может, я влюбился? А может, Просто Болен...

За окоником снова
Объетает лего
Круппым и безавучным
Зализаног мысли,
Остывают меры,
Іде-то оборванине
Я и сам не знаю,
Уколори варине
На бету споем.
Я и сам не знаю,
Клюдно варине
Неумели прежде
Ты вне только снилась?
А проснука — осень
Бродит за окном.

Анобить глава Другие не хочу... Когда в душе Затеряны сомненья, Когда, как дождь, Стучит мие по плечу, Задумав что-то, Аистопад осениий.

[218 СТИХИ И ПРОЗА

россыпи

Я снова выйду
Утром за село.
Гае только ветер
Одинокий бродит,
Ему скажу,
Что мнотое
Прошло...
Но грусть осенияя
Так долго не проходит.
Скажу береами,
Анстым, облакам,
Чтоб очень ждали
Сомнечного кеста.
А над полами,
Грустивани слетка,
На крыльях добедн
Уносит к югу лето.

[219] СТИХИ И ПРОЗА

Михана Николасвич РЕЧКИН

родился в 1950 году в селе Муромцево Омской области. Окончил Омский кооперативный техникум. Работал

Окончил Омесния колиперативным техникум. Работал ревизором.
В Никинеаритовске был активным членом литературного объединения «Замысса». Участник всесоюзных семинароп писателей. Автор сборников: «Жам меня на заре», «Икома». Лауреат многих литературных пречий. Живет в Москве.

ВЕРНИ МНЕ ЗУБ

 $\rho_{acc\kappa as}$

В тот осенний день Максимыч основательно перебрал. Домой добирался где на броиях, а где вдоль стеч на ощуть. Если кто и зивал в родном Питере каждый камешек на до-роге, каждую выбониу в стенах — так это и. Собаки на него не лавли — зивали. Кошки при виде его огромный звероподобной фитуры спины дутой не выгибали — привыкли.

[220] СТИХИИ ПРОЗА

Но в тот день что-то нарушилось в привычном для Максимыча мире. Во-первых, выпил что-то не то — тошнило; в трамвае проехал две лишние остановки, кондукторшу обозвал «фигисй на лямочках». Во-вторых, смешно сказать, впервые в жизни заблудился. А в-третьих, и это самое гнусное: в чужом дворс его жестоко избили, правда, и он когото крепко зацепил, но на душе было мерако. Какой-то сосунок ему. в прошлом мастеру спорта по боксу, выбил зуб, да еще на самом видном месте!
Домой явалился страшней грозовой тучи, да это еще

слабо сказано. Жена, едва открыв дверь, тут же шмыгнула

в ванную — там он ее обычно не тревожил. — Маты — рявкнул муж с порога. — Мне зуб выбили! Вот, посмотри!

Пошарашавшись по квартире и не найдя жены, он тол-кнулся в комнату сына. Он был не один, с Юлей — любимой девушкой, к которой Максимыч относился очень уважительно, а когда бывал трезв, даже смущался. Юля была стройной, эффектной блондинкой с непере-

даваемо изумительным смехом. Максимычу более всего в ней нравилось слышать, как она сместся.

Остановившись на пороге, он, шатаясь, протянул в сторону сына правую руку, медленно разжал ладонь: на гряз-ной широченной длани ребята увидели большой желтый зуб.
— Вот... — тяжко выдохнул Максимыч. — Выбили...

Как я завтра на работу пойду? По лицу его покатилась крупная слеза, толстые губы

обиженно дернулись.
— Петр Максимович, — осторожно взяла его за плечо

— 1 Гетр (Улаксимович, — осторилили взялае сто за полоди Оля. — Вы не расстраивайтесь, у моей мамы есть очень хороший стоматолог, он вам новый зуб вставит. — Этот, — Максимыч качнул ладонью, — он уже ни-

когда мне не вставит.

Тут его нетреавый вагляд наткнулся на портрет индий-ского святого — Саи Бабы. От сына он не раз слышал

о невершитемы чудогнорных способиостах Бабы. Другу сыма он череа фото убрал опухиль головного моята. «Вот счас и проверемы» — решим. Мансимым и, шаятум к портрету, историзу в его сторону далонь с зубом. — Ну та, святой Как там тебя. — Баба! Зуб мне вы-били, видниць? Верни мне зуб, ты же все можеши! Или если изыпильно, то уже и не человек для тебя, а за Сын и Юля незаметию выскользыули из комнаты, быстро падемость и ушим. А мена Мансимыма еце долог слашала зравтоворь мужа с Бабой. Петр то начинал кричать, то стучать по столу кульком, то материться, но потом ватих, слышалось только бормотание и тяжкие вадо-хи. (Как дорого, оказывается, человеку то малое, что он

ммеет.)

Наконеу Маккимым угомонился. Лег спать. Спуств час
жена по-кошамы вошал в его комнату. Он зрапел циумно,
с надрывом. На прикуоватной тумбочке лежал его драгоценный зуб.

Угром он встал как обычно. Вошел в ваниую, уммлся.
Побрился. Прывычно почистил аубы. И шагнул на кузию,
виновато ульбаясь:

— Марица, извини за вчеращиее, перебрал немного...
Вдруг он ваметил, что жена как-то странно приглядывыется к немей.

вается к нему.

— Постой! Мне же вчера зуб выбили! — Он быстро вериулся в ваниую. К зеркалу Обнажил зубы Все до единого целы! Не поверил. Отцупал пальцами. Попробовал на

прочность.

— Ничего не понимаю, — растерянно пробормотал он.
Вошла жена. На се ладони лежал его выбитый луб.

АКУЛИНИНО МАСЛО

Рассказ

Бабка Акулина временно устроилась на дефицитную ра-боту — вахтером проходной Увальского маслосыркомбината

В первый же день работы она сняла телефонную трубку и, важно откинувшись в полуразвалившемся кресле, набрала номер своей залушевной подруги Манюни. — Мань, — деловито начала она, услышав возле уха

тоненький знакомый голосок. — Я на месте. Внедрилась. Начинаю действовать... Че говоришь? Да не боись, не перебориду. Ну ладно, пока, до связи. Она небрежно положила трубку и уставилась на дверь. Скоро должны пойти рабочие. Ага, вот уже кто-то топочет

по крыльцу. Дверь открылась. На пороге возникла крупная фигура

незнакомой женщины.

— О, у нас новый вахтер?! — вскинула она брови. — Как вас зовут?

— Акулина Ивановна мы.

— А я Вера Семеновна, мастер.

 Вот и познакомились, — обрадовано заулыбалась бабка. — Верочка, а как бы мне грамм сто маслица к чаю? — Увы, Акулина Ивановна, у нас с этим очень строго.

Директор — зверь, за каждым шагом следит. — А-а-а, — расстроенно протянула Акулина. — Де-

лать нечего... придется прихлебывать всухомятку. — И мы с собой приносим, — в тон ей посочувствовала

мастерша и пошла дальше. — А сама как буханка! — съязвила Акулина, когда за

той захлопнулась дверь. Она еще много раз пыталась заводить «масляные» раз-

говоры с разными спецами комбината, но все напрасно. «Вот

гады! — кипела она. — Весь поселок знает, что они тащат масло вивсю, продают, а тут даже на чай жалко! Ну, доберусь я до вас!»

Акудина стала строить план міцения, сгорая от него-дования, но. видимо, змоции так захлестывали ее старче-ские склерозные мозги, что ничего путяюго из этого не вы-

ходило. Решила позвонить подруге. Обсказала ей обстановку и попроснаа совета.

— A ты ночью попробуй погадать. — выдала та, святки ведь..

— На чем и как? — раздраженно спросила Акулина.
— Слушай сюда. — пискнула трубка. — Возъми боль-шой лист бумаги, напиши на нем печатными буквами, чего

пой лист бумаги, напили на нем печативами буквами, чего хочещь умагъ, пося е этого нашенти на бумагу заговор. Записъввай, — Манюзи произвътовала слова заговора и продолжала дальще: — Потом подовти лист и брось его на
больщую тарьжу мам подное. Когда бумага сторит, пепапокажет тебе ответ, только глади внимательней. Поивлад
— Да, поивлал. — Дари, попробую Все равно занимателея нечен. Ну если проходную спало, в тебя с того света
доктацу! — с. нарочиетой угрохой выговорила она. опуская
на рымат телерона трубку.
Акулина сделала все так, как учила подруга, и с любопоитством стала рассмитривать осеящий на блюде пепа.
«Ничего не поняти». Бремия это. Муть голубаж», —
воръзал она, натиже с ужадеж коть что-то. Помоуре сросады, повоенила Манюне.
— Слушай, ты, бабя-сежка, — рассержению начала
— Слушай, ты, бабя-сежка, — рассержению начала

Слушай, ты, бабка-ежка, — рассерженно начала

— Слушай, тв., бабка-сжка, — рассержению начала она, — инке у меня не подучмось.

— Што?! Никаких букв не вышло? — пискиула трубка.
— Букв?! — с умилением перспросила Акулина, снова всматривавсь е ренельностой соотуры. — А з думала. Постой-ностой. Есть што-то похожее на букву «О», потом...

— К. — шъ. "В. не то «Б», не то «В».

— А дальше? — Дальше... Слушай, они тут как гюпало! «Х», кажется. — Это все? — Нет, дальше то ли «С», то ли «О», потом на краю поменьше отвъть «С», похоже.

— Ну и што посучилось?

— Так... постой, счас перерисую на бумагу. — Акулина достала из стола ручку, чистый лист и стала повторять на нем пепедыные контуры.

— Ну што? — нетерпеливо спросила трубка.

— Што, што... Черт те што получается... О... Б или В н X, C, C. — Ну-ка, ну-ка, повтори еще раз! — попросила Маног я.

— Слушай, так это што — ОБХСС? Ну да, если вторая Б, а не В, то так! А при чем здесь ОБХСС?

— Акулина, дура старая, ты знаешь, кто тебе ответ прислад?

россыпи

- XTO? — Ато!
— Ои! — многозначительно выдала трубка.
— На каво ты намекаешь? — не поняла Акуля.
— На Его, дура! Только Он мог такое присоветовать.
— Даты што?! — холодея от догадки, выдохнула Акулина. — А если?.. — Нет, Он. — Ба-а... че делать-то?

— Решай, ты гадала, а я спать ложусь, боле не звони. Акулина надолго задумалась. И как-то незаметно для себя уснула. Поутру в дежурке раздался звонок. Бабка сняла трубку.
— Чем занимаешься? — прозвучал над ухом знако-

— Чай пью с... маргарином да газетку вот читаю. Об-хохочешься. Слушай, тут описано сиидание девушки с пар-нем. Счас... Ага! «Она шла и штормила бедрами, а он смот-

[225 СТИХИ И ПРОЗА

рел на нее всасывающим взглядом!» Это еще не все, потом они сели на скамейку друг против дружки и счас... «Его опи сели на сважилу другијали по дружил и загланул под коќку». Во! Видала, какая теперь молодежь пошла, а? Жуто! — Акула! — ванизгнула трубка. — Ты чем там зани-маешься? Я для чего тебя туды устроила? — Тъ што?.. Хочешь, штобы я пошла и ограбила

склад? — разом вскипела Акулина. — Ты двигай своими «роликами», соображай, как до-

быть масло! бенть масло!
— Я счас меняюсь, через три дня снова выйду на де-журство, а за это время што-нибудь сплануем. Все! Не порти мне югле ашетит! — отрелала ина и бросила трубку. О Нем обе бабки-заговорщиды вскоре забыли. Стигло

ли устраиваться на «масляное» место, чтобы потом (за спасибо живення!) подарить плоды своих мозговых усилий тому же государству? Какой прок?

Все на комбинате тебя начнут люто ненавидеть, а госуларство в думнем случае даст почетую пензиндеть, а госу-дарство в думнем случае даст почетую грамоту. Опять же — за что? За предательство! Нет, такой исход подруг явно не устраивал. И они нашли выход из положения. В опе

В очередное Акулинино дежурство, когда в конце ра-бочего дня автобус с рабочими подъехал к комбинатовским воротам, бабка выскочила из проходной, подбежала к во-

дителкі и расстроенно запричитала:
— Ой, миленький ты мой, выпустить-то я тебя не могу.
Только што авонили из ОБХСС, сказали, задержать вас.

Счас они подъедут с проверкой!
И тут же назад, в дежурку. На пост.

21 тут же назад, в дежурку, гта пост. Водитель вмеждению передал путающую иовость в салон автобуса. Реакция бъала почти мтновенной! Из окон планика» в призаборный сугроб разом полетели бумажные и целлорановые пакеты с маслом. Неожиданно снова ныскочила Акулина и начала лихо-

радочно открывать ворота, махая руками:

- Езжайте, сэжайте скорей, я как-нибудь отбрешусь!
- Автобус рванул с места и вскоре растаял в сумерках зимнего вечера

«Все! Сработало!» — облегченно переводя дыхание, приссла на лавочку довольная бабка. А когда сердце перестало бухать в старческой груди и перешло на нормальный ритм, она подошла к сугробу и принялась, кряхтя, выни-

мать из него увесистые пакеты... Перетацив добычу в проходную за печку и надежно укрыв ее хламьем, Акулина сняла трубку и набрала знако-

- мый номер: Ты готова?
- Да! Санки, коробок?

- Да!
 Тут килограмм сто будет! Мне придется свади тол-
- Ничего. Дотянем. Было бы што тянуть. Тогда ровно в двенадцать жду. Пока.
- «Операция» прошла четко, как по маслу. Акулина и Ма-июня полюбовно разделили добытое пополам, а когда прощались, щуплая Акуля, хлопнув дородную Маню по кру-
- тому плему, спросила:

 Ну што?. Чай теперь тьоя душенька довольна, а?

 А то-о... расплываясь в улыбке, протянула подруга. Масла как грязи!
- Смотри, мы с тобой теперь подельщицы. Если заложишь меня, — она приставила к шее подруги большой кухонный нож, которым только что резала масло, — убью! – Но в глазах Акули при этом прыгали веселые бесенята.
- Я твоя мысль, а мысль убивать нельзя! строго заметила Манюня.
- Пойдем-ка лучше попьем чайку с маслом. А может,
- налить чего-нибудь покрепче³... Нет. Я на посту.

ИВАН-ЧАЙ

ПРО БЫЧКА

Рассказ

Значит, ты говоришь, колдунов нету? Не скажи, милок, не скажи-н... А вот послушай, што со мной нонешной зимой приключилось. Боле семидесяти годов прожила, но такова еще не было.

Вошила я, значится, ночью в огород колодец закрыть, как счас помню: тишнин крутом Ісподня. зведам на небе перемигиваются, дымки на труб выотся. Звядыма колодец, постовла малость, морозец за цеки начал пощипнявать. Наладилься было обрати в нябу. Вдруг тажму, за стогом вроде как зад телячий виднестех Я тулы. Так и есть, стоит наш бычок Ванька и сего уминает. Ах ты, явва, думалю, высе-таки из хлеяка. Ишь, к - зелениес прилабунился.

Вавда в тадовый прут пожиме и ввинипула телья по спиве раза, другой. Он как вибронитес — и вайда винесто элема черев несь отород к авилоту Я за име. «Куда тебя мисковансе несет?!»— причум А он прет черев стурей самера за поменения по томе по поменения по томе по поменения по томе по по сени вывъдшем черев стурей самера. В вышено отоска, прилежу не монет, въстран, я томенен дав по сени вывъдшем черев дей ступила — и по поме. И так и задак пребоведа видаративатися — завиза, по томе да томе по томе да томе на коменения по томе и так и за по томе да томе по томе да томе на по томе. И так и задак пребоведа видаративатися — завиза, по томе да томе на потоме да по томе на потоме да по томе да по томе да томе на потоме да томе на потоме да томе на потоме да по томе да томе да томе да по томе да томе да

[228 СТИХИИ ПРОЗА

села на снег, выругалась как следоват, вроде полегшало. Встала, начала доски по одной отрывать. Голову бычку вниз

дестам, пачала доски по одног проввать. 1 слову объчку вниз пригирла да из Дары-то выпиткиула.

Объяда я его за шею и говорю: «Ванечка, дурачок тачакий. Пошли добром в хлев, а? Стара я за тобой по сугробам бетать...» Стоит он, слухает. Я ему за ухом почесала, по бокам похлопала, даже слово дала до самого забоя боле прутом не стегать. Опосля подтолкнула его легонько под зад — пошел он, видно, понял. На твердую дорогу выбрались, живей зашагали. Волосы у меня на голове запуржило, сама вся в снегу, хто бы видел — ну чисто снежная баба. што ребятешки на ухице лепят.

што ресолешам на уляде «петь». Вдруг техок из с того, ни с сего с дороги сворачивает и прямиком к Симонихиным воротам. Я кричу: «Куды»! Назад!» А он будто и не слышит. Я его заворачиваю, а он назадал Уон мудго и не съвщит. л его заворязнаваю, а он кружится на месте и целятся к энтим воротам проскочить. Запыхалась я, села на бревна у палисадника, пот по спине ручьем течет. А бычок, будь он неладен, спокойнехонько подошел к воротам и уткнулся в них мордой. Кое-как отдышалась я, стала на ноги подниматься, а не могу. Думаю:
«Э-а... без нечистой силы тута не обощлось». Ілянула на Симонихино окно, а из-под занавески свет выбивается. одинилалию одно, а из-под зананески свет выбивается. Время к подхорет Смиони-материя и подхорет Смиони-ка-то. Вот почему бычка скоды затянуло. Будь он хоть с с белой звездочкой во лбу, а то ить всек как смоль черный. Ну, думаю, влипа. Если она до утра коломата нада-дилась, замерану вдесь, не сходя с места. Вот ить зловред-

ная старушонка; еще када я маленька была, она надо мной потешалась. Сестру пошла как-то искать, заглянула в Симонихин двор — никого. А ить видела — сюды Нюрка шмыгнула. Зашла. На окно глянула: Симониха сидит, на меня смотрит и нехорошо так ширится. Я от страха в крик и бежать, а вокруг откуль ни возьмись крапива — высоченияя... А ить не было ее, ей-бо, не было, в одну минуту будто выросла. С испугу сунулась я через нее — как она меня жиганет! Цельную неделю в крапивных волдырях ходила, а перву исчь вовес спать не могла, орала дурнинункой, пришлуксь мамке в бочоюх из-под сурцов воды наливать, там и сидела под ее надзором. Опосля дией пять капилала.

И за што она меня так невзамойная. Симоника эта, — не заваю. Сказавамы, щто дел омби по молодскит удумалься на ней за сем са к ней, да попреме оттипорным. Может, за то нашему роду и метит. Чего говоришим Эл к, сколь гиров ей? Усто му с йн цитал-то? Када и девчинкой по умирам бетала, она такая му была, как и счас. Колдоснотно передать меному, мот и виньете, язви ее. Правав, как -то слуг пустная, будто вирчых и сей домны приехать. Идем мы ра з с могм делом. счотрим, в играмы деява писалыя у окий счлит, книжку читает. Потом молля загазива ее виделя и шталых вслижетовых в меляй робом. В прием в дели сей дели образовать на премежения и дели образовать на премежения с дели образовать на премежения. В сам образовать на премежения и дели образовать на премежения с могм образовать на премежения с члета у премежения и дели образовать на премежения дели образовать на премеж

Мой Петруха полдеревни обег, пятнадцать топоров насобирал, раздал этим вариакам, и пока дух переводил, они тридцать кубов, как один, превцежали. Ей-богу, не вру. Но вот как-то вечером гнала я мимо симонихинского

двора поросенка да в ишель заплотиую нечаянно заглянула. Смотрю: стоит Симониха на крыльце, в руках брюки внучнины держит и бляху кирпичом надраивает, знать, штобы шибче блестела. Пришла в домой, делу про то рассказываю, а он мие и говорит: «Неужто ты до сих пор не поивла, што нет пикакой внучки. Это она сама деякой оборачиваца и по деревие ходит. Спачала парней одурила — они ей дрова перекололя, в теперь, въщо, планирет на покос их заманитъ».

Вот так-то!

Но это я уже в другу сторону ударилась. Про бычка аосказать нало. Сику я, значится, на бревнах, Симониха колдует, бычку в ророт стоится, а мороа еще пуще крепчает. Начал под куфайкий меня пробирать Я итъ спотемин. Што асалта? Хота караух кричи. Встать-то ие могу! В Бога я давно уж не верую, а тута как приперло — сразу вспомнила. «Господи, — шену, — прости тъм меня, грешпую. Чо с меня ваять-то, как есть непутевая, такой родилась, такой и помурать буду».

Пробую встать — эад как приморозило. Начала молитым вспоминать: «Иже еси на небесех». воля тюля. "цветы Божки, дветы кренки». « Кажие туть к черту, щеты! Замеражи вконсц! А другие молитым инкак вспоминть

Замерала бы я, сели бы ис Вашка Стоял, стоял он, надосло, миль, опопернуюся и пошел ко мис: В анух шагах остановился, замычал. Я ему: «Вамечка, миленький. Подобля поблике, родненький ты мой». Понимат ить добрые схова-то. Переступна контатами. Удватильсь я обении руками за его голову там, гае рожки наметились, а вкгать не могу, плачу на приговариваю: «Ванечка, миленький, ослобони ты меня. Как перед Богом кланусь: реаать не буду—мини сколь душе утодиль. «О и как потянет, кобка затрещала, и меня будто подбросило. Упала я на коленні. Глядь, а Ванька развернумся и пошел. Упела я за его хвотс успитнъся, да так на скрюченных ногах до самого дома докан-дыбала.

Возая своих ворот обняла бычка за шею, слезы меня душат, целую его в мокрую морду. Совсем как есть

расхмопалась. Впустила его в хлевок, а сама скорей в избу. Зуб на зуб не попадает. Вхожу, а дед мой спит, только пузыри от него отлетают. Ему и невдомек, што бабка едва не окочурилась. Если бы не Ванкка... «Господи. — спохватиокочурилась. Едли ов не Банова... «постиди. — сильяти-лась я. — Как же теперь ему скавать. што бычку слово-то дала не резать?.. Поклялась даже». Во рту разом пересох-ло, язык как наждак сделался. Схватила я со стола самоло, явык как наждак склался. Схявтила в со стола сампринк, краит открыла и, склален и ей было моды. — всю до дня въщедила. Сразу как-то спокойней стало, разделаси истать удетале. — Заятра. — думаю. — разберусь. На худой конец Ваньку и продять можно.

И приспаска мнес сви. Склау будот бы дома, на давке, открывается дверь. и заходит Симиних. Все старуки пе

лета сгорбленные, как коромысла, головы полушалками укутывают, на ногах если не пимы, так шерстяные чулки до укутывают, на ногах если не пимы, так шерстяные чумки до колен среди кета — кропящиясть он герест, и без палочии инкуда. А ята в легком платочике, стоят прямо, лицо как у молодум; а зубы молени са ропяные, столуба. Подходит ко мие, садител рядом и тихо ятак говорит: «Што засмот-реалеь, Мотя? А глянь-ка на себя в веркало». Вялая в со стола осколок, глянула в исто. Господи, мордочка с кула-чишко, нос как фита. глажи ученькие. Рот открыла, а там только два передних зуба, как опеночные пожим, торчат. Волосички и подвое учето. у мальения. только два поредник зуба, как опеночные пожик торчат. Волосения пе голопе, чисто у маденци, только седеннык А Симоннха мис и говеротт: «И для чело ты, Мотя, жинешь? Какая такая от тебя польва людам» Цельными динми, как полкан, по умицам шастаешь, разные сплетни собираешь, а вот истобы путного чело сделать — тебя тута нет. Вот зачем ты маю телла почво по сутробам гоняла?». Я ей: «Да Та чело! О костисы!». А утром будит меня Петруха. Разленила в глаза, смотрог, мице у маво еда бело-е пребелое, и и кровники. Убо и те побелели, боргарена трисета. «Никак епо ликорадка забирает», с перосоныя споражно. А от «Слания, мать, присинсе, да просинсь же!» Я ему. «Да разуй глаза-то!

Проснулась уже! Чево тебе?». А он шенотом: «Пойдем-ка в хлевок». Я шенчу: «Зачем?» А он крестится на образа и говорит: «Ты сначлас коди, глянь, опосля скажу». Я встала, моги в пимы ткнула, полущубок накниула, вышла. Подхону к хлевку, дверь отворила, смотрю: темно, ая сще нар оттуль валит. Если бы не комице в стене, на воссе бы не разглядеть. А в голове мысля крутится: «Неужто околех Ванька-то?» Пригляделась, Гостоли, што это?! Два бычка стоят как вылитые. «Чур меня, чур...» — шегну со стразу-то. И тут как обухом но голове. Кинулась в хлев, схавтила одного аз ули, аручтоо. Ага, меткы! Так ить я ж Симонизина бычка... батопики ты мои!...
А ты говоришь, колучнов еггу.

А ты говоришь, колдунов нету.

Борис Владимирович РОМАНОВ

РОМАНОВ
родился в 1964 году
во Владивостоке в семье уссурийских казаков.
В 1965 году Романовы приехам и Нияневартовск. Здесь
и окончил выхоу, зател ПТУ-41. После службы в армин
работах слесарем, оператиром по добыче нефти. Член
дитературного объединения «Замысс».
Стихи публиковались в газетах, коллегивных
сборниках. В 1996 году вышла перавя кинга стихов
«Осенний ветер». Заочно окончил
Привневартовский педаготический институт.
Был корреспоидентом талеты «Земские вести»,
сейчас корреспоидентом газеты «Земские вести»,
сейчас корреспоидент телекомпании
«Самотлор».

ВАРНАЦКИЙ ПОЭТ

Меня никто не звал, не ждал, Я сам явился. Козел в хлеву конем заржал, Я в дом ввалился.

[234 СТИХИ И ПРОЗА

РОССЫПИ

Стихом по нервам пробежал, И, между прочить Схватими исе вдруг кто кинжал, Кто кистенечек. А ночь осенияя темна. И знают ины: В Сибири публика грешна, Но справедлива. Куза позваль? Про то рассвет Расскажет новый: Ведь и на ингел. Я поэт! Хоть непутеный.

КОСМОПОЛИТАМ

Человек, проклинающий Родину, Не злодей, а безумный урод. Ни на что в этой жизни не годен он. От таких меня, верите, рвет.

Да, бывает обидно, что яыродки Расплодились на нашей земле. Их ущербные, грязные яыводки Кто-то кормит и холит в тепле.

А они горлопанят, болезные: «Крах империи, мол, справедлив!» И мучения их бесполезные Не облегчит никто... Пристрелив.

я болею

Я болею не гриппом, не хандрой, не чумою, Но я болен серьезно, а в общем, давно.

[23:] СТИХИИПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Я болею Россией, родной стороною, Я попал в эту боль, как под дождь проливной.

Я болею забором кривым у дороги, Опустевшей деревней российской, святой. Я болею бутылкой пустой на пороге Возле каждой двери, где найдешь ты постой.

Я болею старухой в куфайке с клюкою, Пъяным дедом с веревказии жил на руках, Развалившейся церковью, грязной рекою, Испохабленной пашней в цербатых камиях.

Болен яром, что полон костями народа — Мусульман, православных и многих других. Не отпетые души меж нами проходят И болеют, наверно, за нас, за живых.

ВСЕ УШЛО

Душа остыла, как очаг, Лишь ветер по золе гуляет. Уж лед давно в моих очах На мир безжизненно блистает.

Не честолюбье, не любовь Искрою не сверкнут во мраке. Аншь равнодушно вновь и вновь Скользну пером я по бумаге.

Где радость праздников, любви? Где страх, и ненависть, и храбристь? Душа не дрогиет, не зови, Не тронут ни печаль, ни радость.

[236 СТИХИ И ПРОЗА

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

А за окном уже второе сентября. И птицы мне сказали: «Собираемся». А мы с тобой уже забыли, как заря Встает. Ведь мы с тобою не встречаемся.

А мы с тобой уже забыли, как дожди Бъют по ладоням радужными каплями. Передала ты фразу мне: «Не жди !» — Со стерхами и розоявыми цаплями.

Я понял все. Мне больно, но светло. Я слевы лью над этими страницами. И остаюсь на зиму. Все ушло. Один, со снегирями и синицами.

СЕРБИЯ

Опять бомбят себе подобных. Опять кишки на мостовой. И снова в небе крики злобных Стервятников. Над головой,

Над куполами Божьих храмов, Над минаретами свистят По воле сатанинских хамов Осколки бомб, ракет, гранат.

А Третий Рим грозит натужно Им дряблой ельцинской рукой: И мы, мол, тоже, если нужно, Владеем силой кой-какой.

И адесь же молят попрошайки Себе кредит очередной

ИВАН-ЧАЙ

У той же ястребиной шайки. А бомбы риутся. Кронь — рекой.

БОЙ КУРАНТОВ

Памяти В. Высоцкого

Пришел твой час.
Пробил он громким боем.
И мир застыл мгиовенно и затих.
Ушел от нас
И не позвал с собою, Как звал всегда... Сорваниясь под обрыв.

Хоть бывший враг, Мурлыкая довольно. Читает твой и газете некролог. Пусть будет так!

Он сам и добровольно Клеймо Иуды заслужил, как смог.

А ты хрипел И струны у гитары Терзал не аря, как будто гнал коня. Успел. Успел. Не даром. Да, не даром Ты вырастил его! Ero! Меня!

Ты нас кормил Своим мужицким слогом. Ловили мы, как клеб, разннув рты, Тот правды пыл, С каким разил ты погань, И становились сильными, как ты.

238 стихнипроза

А бой часов,
Что век тебе отмерил,
Все бъет и бъет. Терзает душу вновь.
И стынет кровь
От тяжести потери,
От стона русских полевых ветров.

БЕЛОВОДЬЕ

Когда околица замрет И иочь задернет шторы. С конем я выйду из ворот При башлыке и шпорах.

И путь неблизкий я начну Сквозь снет ли, в половодье В одну прекрасную страну С названьем — Беловодье.

Там, на востоке, средн гор, За морем, за лесами, Страна прозрачнейших озер Лежит под небесами.

Там нет печалей и невзгод.
Там нет вражды и злобы.
В долинах лето круглый год,
А на горах — сугробы.

Там люди добрые живут По православной вере. В озерах лебеди плывут, В садах гуляют звери.

иван-чай

Туда лежит нелегкий путь Сквозь орды и кочевья. На тропах душегубы ждут. Засады на деревьях.

Но я от пули ускачу. А вырвутся поводья — Дойду, пролезу, просочусь. Я верю, в Беловодье.

МОЯ МЫСЛЬ

Если жить мне останется десять минут, Ну, а дальше затменье в уме иль судьбе, Я не буду грустить, что кончается путь, Проживу те минуты с любовью к тебе.

Все уносится вдаль, исе уходит в века — Города и дворцы, мир предметов, людей. Все вокруг заржавеет, рассыплется в прах. Будет нечным лишь отблеск от чувств и идей.

И воняится стрелой моя мысль в небеса, Звонкий космос усилит ее во сто крат. Все узнают про лучшие в мире глаза. И как был я удачлив в любви и богат.

АТЕИСТЫ

Не бывало такого в России. У святых ком стоит в горле. Атеисты несметной силой В храм тугими рядами поперли.

БОССРШИ

И ввалились туда оравой, И кричат они, как в хлеву:

— Это кто там крестится правой?

— Л-левой! Л-левой!

ПРОВОЖАЕТ СОКОЛ

Провожает сокол соколят в полет. Провожает батька казака и поход.

Сокол соколенка подтолкнул крылом, Ну, а батька сына осенил крестом.

Конь стоит буланой масти под седлом. толь стоит органом масти под седлом. Сам казак румяный с батькой за столом, Рядом с атаманом, батюшкой попом. Эх, гуляй, кудрявый! Погрустишь потом.

Песню удалую батька затянул Про судьбу ликую, про степной разгул, Про цареву службу да про Дон святой, Про казачью дружбу, про курень родной.

Вынесли иконы. Вышли провожать. Совершив знаменье, тихо плачет мать. В новой портупее, с шашкой на боку Кланяется парень батьке-старику,

Кланяется людям, матушке родной,

Крестится на церковь с голой головой. Атаман станичный плетку подарил, Батюшка на ратный труд благословил.

Натянул папаху на кудрявый чуб. Целовал казачку в прелесть алых губ. Потрепал братишку, выпил «на коня».
— Прощеванте, люди. Помните меня.

Соколенок с криком замахал крылом. Сын казачий лихо вдруг валетел в седло. И младая сила ринулась в полет. Что там дальше будет?.. Бог их разберет.

КАВАЛЕРОВО

Гравийный тротуар в Лудье. Вдали большие замки-сопки. Мы с дедом рядышком идем. Я парень взрослый и не робкий.

Всдь мне пошел уж пятый год! Я сам шагаю с дедом рядом. А утром выгнал из ворот Свинью, пролезшую в ограду.

И мы идем, в руке рука, По делу, а не ходим просто. Ведь мой карманчик пиджака Топорщит ножик острый-острый!

Мне ножик бабушка дала, Чтоб я грибов набрал к обеду. Такие вот у нас дела, Добытчики мы нынче с дедом.

НОВАЯ ЗИМА

Заметает поземка следы, Снежным саваном грязь укрывает. Хлопья письмами новой беды Или новых удач налетают.

Кто их анает? И кто их прочтет? Эти руны ледового царства. Мие же ясио, что кончится год, С ним успехи мои и мытарства.

Не желал я поры белых мух, Все держался за грязную осень. Верил: солнечный луч не потух. Под холодным дождем шмыгнул носом.

Ожидал для души своей блажь — Где же бабье, индейское лето? Но я выдохся. Сдох мой кураж. И в лицо мне — ледовым кастетом.

НИЖНЕВАРТОВСК

Этот город, что проклят был тысячу раз, Этот климат, что кости корежит в дугу. Как-то, не любя, во все это увяз. И уехать теперь не хочу. Не могу.

Валентина Владимировна СВИНАРЕНКО

родилась в 1948 году в городе Донецке. С 1978 года работала в НГДУ им. В.И. Ленина. Стихи пищет со школьной скамыи. Печаталась в периодической печати. Живет в Нижневартовске.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Стихи не ткутся из веселья. Их не рождает пламя дня. Для них — монашеская келья При скудиом отблеске огня.

Они без порожденья страха Из рваных мыслей и речей Рождаются, чтоб лечь на плаху Или сгореть в огне печей.

То вдруг они, как крик от боли, Теней, нацеленных к броску.

[244] СТИХИИ ПРОЗА

Стремящихся к желанной воле — В рифмующуюся строку.

И не удержишь и не вправишь. Назад их не берет душа. Как пенье черно-белых клавиш, Текут они с карандаша.

Не руша ни любви, ни страсти И не деля их пополам, Стихи, не подчиняясь власти, Нацелены к другим умам.

ПРИХОД ОСЕНИ

Пусть горек осени настой, Но пью его без сожаленья. И города, и все селенья Ее пустили на постой.

Пестрят последнею красой Леса и рощи. Как сквозь сито, Поток лучей скользит косой — Скатилось солнышко с зенита.

Все золото нам напоказ Развесила повсюду осень. И драгоценны между сосен Лазурь и солице, как алмаз.

Не бью с тревогою в набат, Что лист от клена мне на сдачу... С приходом осени стократ От года к году я богаче.

[245] СТИХИ И ПРОЗА

возвращение

Посвящается моему отцу Высочиненко Владимиру Семеновичу

Умолкли авуки канонады, И узники концлагерей Через ворота и ограды Стекли в пространство мирных дней.

Домой, в Россию, мчался поезд. Замученный, полуживой, Но верящий и в долг, и в совесть Отец в нем возвращался мой.

С непокоренною душою, Поднявшись наконец с колен, Он в состязании с мечтою Спешил домой под своды стен.

Вставал в виденьях его город, И счастливо смеялась мать....Приговоренный умирать Так был еще завидно молод

И жаждал ощутить, что минлось. С родных отеческих земель, Как благодать ему, как милость, Распахивал себя апрель.

Уверовав, что все не снится, Домой уверенно идти. И чтоб друзей, знакомых лица Встречались только на пути.

[246 СТИХИИ ПРОЗА

РОССРШИ

А уцелевшие березы Указывали путь к крыльцу... Из-под руки невольно слезы Текли у пария по лицу.

Мелькали за окном селенья, Равруху, боль в себе тая... На остановках птичье пенье Врывалось песней бытия.

[247] СТИХИ ПРОЗА

иван чай

Игорь СЕВЕРСКИЙ

ПОРОВ СПЕТСТВЕТ

(ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ КИРИЛЛОВ) родился

1 декабры 1954 года в горное Красный Луч Лучанской
объзсти. Окончил факультет журналистини Уральского
университета. Работал редатитуры таветы В Варга-,
заместителем реда-ктира газеты «Местьюе врема»,
руководителем пресс-центра «Нижневартовисифетелаза».
Руководителем пресс-центра «Нижневартовисифетелаза».
Руководителься пресс-центра «Нижневартовисифетелаза».
Руководителься пресс-центра «Нажневартовисифетелаза».
Нажне Спета журналистов России. Жимет в ХантыМансийске.

БЕРЕЗЫ В СНЕГУ

Варут меня поманили
Березы в снегу
И лопатистый кедр.
О-химавиций синью.
И помужетовам я,
Что без них не смоту.
Оттого и уеха.
На Север России.
Ва-то-степы остамись
В завывном цвету,
В окорных переливах.
И оставил я ту,
Ту, которую очень любало,
Чтобы строить лобастый
И кряжиестый горол.
Чтоб себя самого
Исплатать на малом
Исплатать на малом

[248] СТИХИИ ПРОЗА

россыпи

Ведь от этого люди
Становятся крегие.
И увидеть, как в домнах
Поларных вегров
Отливают мунские
Упрамые плечи.
Варут неия поланили
Беревы в снегу.
Край далекий, зовущий
Померяться склой.
И почувствовал я —
Бея него ие смогу.
Оттого и уехал
На Север России.

ЭТИ СВАДЕБНЫЕ САНИ

Эти свадебные сани, Две дорожии параллельно. Я с любінмой — ветер с нами. Ц]еки милые алеют. У мосій любимой пожки В шубу кутаны соболью. Мчятся спадебные сани В чистом поле. У мосій любимой очи, Вутом светелу вымыл да зажег отонь поярме — Переливами играют. Никого на белом свете — Тольжо в да ветер і польняй. Да любимай с з мінюю... А очнусь — і окню стучится дождь дождь с сенняй и холодняй.

[249] СТИХНИПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Госпитальная палата,
В занавесках серых окна.
Кто-то рядом тихо стонет,
Кто сквизь стоны шлет проклятья,

Ну, а где-то в чистом ноле. Сани свадебные катят.

ПЛАЧ

ПАРЧ
Над рекой, на крутовре,
Одинокая береза.
По песие на этом месте
Съвниво пение капеди.
Под березой — холм могильный,
Каска с краснов звелдов.
И линь только приговете
В подлень мартовское соолце,
Как жена о павшем муже,
Плачет старая береза.
Плачет старая береза.
И невеступной свело
И невеступной свело
Зака, береза правно ружні,
Но зазубренный скложою
Годертво, правне среды,
Так свет в повествания
И как только приграель
И как только приграель
И к судаб составналь
И как только приграель
Как мена о павшем муже,
Как мена о павшем муже,

Валерии Николаевич

родился 22 июня 1940 года в городе Улан-Уда. Окопчил Куйбышевский авиационный техникум. В Нижиеваритовсе жинет с 1976 года. Член литературного объединения «Замысса». Стики публиковались и периодине. Автор сборгинка стихов «С верой, въдеждой, любовью».

ПРИДИ, ОЧАРОВАНЬЕ...

Ушедших дней очарованье Мне никогда не возвратить. Зачем же выпали страданья? Я так хотел тебя любить.

Я помню синих глаз вниманье, И яркость губ — от юных лет. Приди ж ко мие, очарованье! Ты для меня — весь белый свет.

[251 СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

жизнь благодарю

ЖИЗНЬ БАЛГО/ДАР! У березки милой Часто в стою. С нею, как с подружкой, Миото говорю. Отчето, березонька, На душе тенло? Почему, родимая. Все вдуре расциялой Возвратильнеь итицы. Ужений педального, Весело цебечут. Песенки пюют... Как прекрасен все же Каждой жизни дены Бегаст, резвится Бегаст, резвится
Молодой олень.
Теплый дождь по крышам
Весело стучит,
Молиней и громом Молнией и громом Душу веселит... Распустились листья В северном краю, Обь, озера вскрылись. Жизнь благодарю.

МОЛЮСЬ ЗА РОССИЮ

МОЛОСЬ ЗА В Я молод душою И сердцем всегда И буду писать, Несмотря на года. О жизни, любви Писать буду вечно,

[252] СТИХИИ ПРОЗА

россыпи

Прожить дважды жизань Не дано инкому Вессмертен лишь Вог. Помолюсь в Ему. Прошу для России Я счастья, надежды. И те, яго в России Наживу лишь видат. Им это до и народа, Его и обидат. Защиты у них Не найдешь, человек, Исчезнут они. Словном армотом и сомотом в родину ве родину ве родину ве родину ве родину ве родину ве родину веро. Счастливой ей быты!

[253] СТИХИИПРОЗА

Надежда Викторовна ТКАЧУК

родилась 11 декабря 1977 года в горлас Донецке. В Нижневартовск приехала в 1988 году. Учится в исударстиенном педагогическом институте на двауматете филосогии. Член украинского прилетительного общества «Веселка». Стихи печатальсь в периодических изданиях города Нижневартовска.

Как здорово спешить домой с рабиты, Как хорошо всегда спешить домой. Там круговерть, житейские заботы, Но ценим мы уют, любовь, покой.

Пусть этот день такой же, как вчерашний, Но снова вместе вся моя семья. Я подойду, ты дверь откроещь настежь: «Привет, родная! Эдравствуй, это я!»

[254] СТИХИ И ПРОЗА

Пьянящий, дурманящий запах сирени, О нем невозможно словами сказать. Как строки сложились в стихотворенье? Сама не пойму, не хочу понимать.

Есть в мире далекие жаркие страны, Богатства несметные, тайные клады. О них не мечтаю, как это ни странно, Милее подарка мне в жизни не надо.

Живые цветы — вы как напоминанье О крае, который очнулся от сна, Где зелень лугов в переливах, в сиянье, Где, радуя душу, бушует весна.

И я сохраню эту ветку сирени — Свидетеля грустных и радостных слея. Ты легкою сделала жизнь на мгновенье: Увидела солнце, тепло и мороз.

И тут же увяла, но в жнани короткой Ты счастье и редкий покой принесла. Теперь и на Север волшебной походкой Придет молодая, шальная весна.

А мне ли плакаться?

А мие ли плаваться?
Арузья — надежные.
Цветы — помалуйста.
По будням — праздники.
А в праздник — всехо:
Засторые — пир горой
С гитарой, песнею.

[255] СТИХИ И ПРОЗА

ива ⊬-чай

А песии — добрые,
Тосты — завдравные.
А скли грустно вдруг.
С собой умуавлю я:
Все пережрутится,
Все перемелется,
И завкружится снова
Жизни мельиица.

[256] СТИХИИ ПРОЗА

Елена Александровна СЛИПЧЕНКО

САИПЧЕНКО

САИПЧЕНКО

в городе Нижневартовске. В 1995 году вместе с Татьяной Джарты выпустила первый сборник стихов. Постоянно печаталась в различных первои «Постоянство», «Зорн печаталась в различных первоидческих изданиях, стихи опубликованы в сборниках стихов «Постоянство», «Зорн Самотлора». Окончила факульет журнаместики при Университете професоюзов в Санкт-Петербурге. Работала в Центральной городской библиотеке методистом по СМИ. Член литературного объединения «Замысел». Член редакционной коллегии сборников стихов и прозы «Иван-чай», «Зори Самотлора. Выпуск 2-й». Работает корреспондентом радио «Эфир».

ТВОРЧЕСТВО

Расская

Я полюбила! Первый раз в жизни и, кажется, последний, потому что другого такого мужчины уже не повстречаю, наверное, никогда. В моих больших глазах поселилась

[257] стихии проз \

неведомая ранее иссобъеммощая нежность. Мир стал на-миното врче, занажи острее. Теперь в часто плачу. Но не от горя и не от състъства. Простот эта, например, когда набла-даю за вграмещиния детъми, вли читаю чън-то стиля, нам ниму пъвното бомжа, спивуето под кустом у дороги. Вот лежит себе этот бомя в полной гармонии с окружающим миром, не мух кроппи. Эвшие в бы покосильсю в гот сторо-ну и подумала: «Сколько ж въс развелось, дармосомі», а теперь испытываю к нему жалость и даже попимание, что ли... Одним словом, чувства обострились, и, конечно же, это отразилось в первую очередь на моем творчестие. В раздичных тетрадях, блокнотах и даже на пачках сигарет стали появляться новые стихи, пропизанные неисчернаемой любонью к единственному человеку на свете. По старой привычке я продолжала предавать их гласности, чтобы друзья и коллеги, так сказать, «заценили». Первым цензором оказалась заведующая отделом.
— Ну. как? — спросила я, закончив декламировать

новое произведение.
— Что-то не в вашем стиле. Лена. — ответила она задумчино.

— То есть? — Похоже на лижовные романы. Какое-то оно женское

Я оторонела. Если вы денушка двадцати днух лет от роду и наши стихи обниняют в женственности, тут есть над чем задуматься. Нет, ей читать это стихотворение, кажется. было бредовой затеей.

Кто же сумеет понять и почувствовать мое нынешнее состояние? Только собратья по перу! Борис — поят, журналист и просто хороший парень, вот образец корректности и тактичности. Он никогда не обидит автора. И даже указывая на недостатки в произведении, это прозвучит не как назидание, а как предложение, типа: «А вот я бы ядесь написал так»; или «Мне кажется, что в этом месте пужно подобрать другое слово». И ты с радостью соглашаешься что-то переделать, процесс правки происходит безболезненью. Одним сломом, я решила, что ом меня поймет Вдрумие вспомнился наш разговор двухгодичной давности. «Я когда прочитал твое стихотворение «На столе стояло фото», то просто обалдел, — признавался Боря. — Я тебя зауважал как поэта. Подумал: «Надо же, деячонка такая молодая и так сильно пишет». Оно у меня из всех твоих стихов до сих пор самое любимос. Особенно строии: «Да кому какое дело до того, что было так…» Еств в них что-то мужское!» Стоп! Боря отпадает! В его глазах я больше поэт.

Воможно, по этой же причине впоследствии отпали и другие ценителя мост творчества. Мие тивориль « Асна, что это за слони? Ты же пишешь отличные стихи. Например, про Нижневартовск. Как ты там наш город и в квост и в грину. " Стихотворение действительно месткое. Но если я его и написала шесть лет назад, то исключительно из любви к своему городу, а не для того, чтобы его порочить. Возничает вопрос, са правильно им мои стихи поинмают? На моем творчестве, оказывается, стоит клеймо, а и его не замечаю. А тут всех удивила, отощла от стиля. Что? Влюбленная Елена? Это из раздела фантастики. Она же у нас «почетный падам»! Одини словом, понимания своей любовной мариен и так и не втеретны. И это меня даже расстраивало, до определенного момента.

Однажды на работе я шла по коридору, мельком глянула онно... и остановилась. Там. за мокрым стеклом, на холодном ветру, в нудной мороси неудавшегося северного лета куда-то по своим делам шел мой любимый мальчик. Рабочий день заканиналася черся полачаса, черся час мы с ним встретимся, но ведь сейчас вот ОН, совсем рядом, рукой подать, а здесь пялькое воино! Боме мой, как глупо... Я просто стояла и смотрела ему вслед. А потом мое сердце стало биться через раз и, как адреналии, ударили

иван чай

в голову мысли, чувства, слова. Дайте мне ручку, карандаш, что-инбудь пинуущее, и побыстрее, помалуйста! Мне сейчае нужно не потерять, не обронить ни одной фравы из тех, что верстка в полове, высь стоит только учть-чуть от влечься, и уже не отыщешь их потом никогав. Черев десять минут я отправиль по сети Интернет самому лучшему в мире ценителю моей поэзим эти строки:

Я видела тебя в окие.
Ты просто шел куда-то мимо.
Но так тревожно стало мне
И без тебя невыносимо.
Мы вктретичка лишь через час.
А зассь кания-то дсеть метроя
Так глупо равделают час.
И ты маешь навстречу ветру.
Бемать, догнать и удермать.
Обиять, и полит целоваться,
И никогда не выпускать
Тноей руки на тонных пальцев.
О, сели боможно быль мие
Все сделатьтя, как я котега.
Я видела тебя в окие.
Ты уходил, а в смотрела...

КОКТЕЙЛИ И МЕЧТЫ

Рассказ

Совершенно верно, так называется фильм. в котором Том Круз играет начинающего бармена. И жотя Круз ве относится к иси, мои к умумов, настоятьсям рекомендую посмотреть этот фильм тем, кто хочет добиться успеха в жизни.

1260 СТИХИ И ПРОЗА

Что касается моей жизни, то в ней до сих пор изобилия успеха не наблюдалось, скорее, наоборот, недостаток. Чего не скажешь о мечтах. Их у меня столько, что порой задумываешься: «Откуда они берутся?»

Мечта «о коктейлях» родилась прошлым летом совершенно случайно. В тот день на работе вершилось великое перемещение мебели по случаю ремонта. Вместе с другими коллегами я бодро двигала кресла и столы, но. не привыкшая к большим физическим нагрузкам, быстро выбилась из сил. Поэтому во время обеденного перерыва я, как испанка в час сиесты, отправилась в зал массовых мероприятий, прилегла на диван и в который раз залюбовалась «Барбарой» — так между собой мы называем комплект столовой мебели — этакий уютный уголок в зале. В «Барбаре» меня привлекал главным образом бар, который, к всликому сожалению, всегда пустовал. Вот если бы такой себе до мой... А у меня не то что бара, дома как такового нет. То есть я хочу сказать, что жить с родителями не так уж и плохо, но в жизни каждого человека наступает момент, когда ему хочется иметь свой дом.

И было мне видение! Вудто я стою в вечернем платье за миниатюрной стойкой бара. А за мовим плечами таниствен по поблескивают и гражаются в зеркалах польне бутылки с заморскими этикетками. Я смешинаю в крустальных бо калах коктейлах со льдом и ягодами, раввлекаю гостей забавными историями и чувствую, что среди имх стоит ОН—мужчина моей мечты, возможно мой будущий муж, и смотрит на меня с нежностью и лыбовыю.

Эта картина настолько потрысла меня, что в потерыла митерие к лействительности в чемуюм и компании дружей отвертла ставшее банальным пиво. Не менес банальными мис казальсь водка и портвейн. Эти напитки заслуживали въимания лет в 16—17, отчасти потому, что были еще непознанивыми, отчасти питому, что мы гнались за «романтикой и сланой». Ведь, распивав водку на берегах Оби, мы как бы бросали вызов, а заодно приобщались к своим кумирам рок-музыкантам, которые во времени молодости и Советского Союза занимались такой же сруцкой где-то в Ленипраде. Но потим поумнеми, всерьез занились карыерой и теперь в вещете славы наверниям потребляют достойные налитки. А мы, как дураки, до сих пор им подражаси и тешим себя жалкой оттоворкой, что, мол. водка — это наша надиональная гордость, поэтому интя се надо часто и

в больших количествах.

Одним словом, что-то для меня изменильсть раз и навестал в отношении к выпивке. Как человеку, замученнюму
серым бытлом, хочется перемены мест и нових впечатасний,
так и мне захотелось открыть для себя в нанитках новые
вкусы и ощрущения. Помню, однажды в студенческую бытность мне это удалось. Тогда з совершению случайно падыла в стакан с гольным пиртиейном газырованной минеральной воды. Эфект бым пограсающим! Напитик, блатодаря
газым, напоменал шампанское и вызывная состояние легкой
афформ и блаженства, но, в отличное от шампанского отечественного производства, был приятен на вкус, и опьянеше быстро прохидыло. Мы погреблаям мой коктейль до
угра, скупилы всю минеральную воду в близасжащих дарьках, к немалому удивленном продавщий, которым были хорошо известны вкусы обитатьсяй студенческого общежития. Это была радость открытия! И вот теперь мне хотелось повых открытия! И вот теперь мне хотелось повых открытия!

дись повых открытии.
Время шло, а мое воображение по-прежнему будоражими мифические коктейли. Вскоре друзья узнами о моей мечте. Как обычно, все унирается в физиколую стороур дела. Это вам не пикинк на Оби. Нет, меня не повеля в роскошный бар. Зато мне подарили кингу рецентов коктейлей с швиаривыми иллострациями. Пятивадиять минут я была счастляна, разглядывая картиния с изображениями развикальберных бождов и униваех романтическими названиями коктейлей: «Грустный попедельник», «Черный

бархат», «Падающая звезда», «Дохая лошадь», «Потрошитель»... Затем из груди моей пырважа горествый вздох я обратила винмание на ингредментя». Вы знаете, сколько стоят шотхальское виски, канадское виски, техная ами вермут 2 м. Драмбуны Что такое, это «Драмбун»? Знакомый парень, в недавнем прошлом бармен, а в настоящем грузчик, поведал мис. что этото сладкого ликера у нас в городе вообще нет. Одним словом, книга име пока не пригодилась. Она стоит на поже между томым фантастични и приклоче-

А недавно мне позвонима подруга, у которой случных с больно и с казама: "Агена, давый вышем водим. Она предложима это выссыма вовремя, так как у мняя тоже бым кризис, душевное равновесие было парушено и прибължалось к отметке «срям». Я отпестиль, что сейма прирасу и, немното подумав, спросима: не взять ли мне лучше по дороге всетаки пива) «Тет, — ответстила она. — давый просто вишем

го подумав, спросила: не взять ли мие лучше по дороге исстани пива? «Нет, — ответила она, — давай просто выпьем водки».
Мы сидсаи на кухие до полуночи друг против друга и изамвали душу. И пили эту чертову водку. С каждой выпитой рюжкой обеим становилось как-то дстес. Таял ком в гор-

ле, таяла боль в груди и превращалась в горючие женские слезы, скнозь которые размито и тумання видислись наши разбитые мечты. Нет, не менты о коктейлях, а те, другие, на которых строится вся жизнь.

**

ний и ожидании своего часа.

Еще вчера пришла всена! Так мне кавалось. Мър пробуждался ото сна, а в смеялась. Как будто не было и нет беды у дома, Ни одиночества ста лет, ни в торле кома. Лишь птиц небесных перелет и день весенний. А на реке ломался лед чужих сомнений, И тольно снет мог без стыда на людях плакать.

263 СТИХИ ПРОЭТ

А грязь и лужи— не беда, простая слякоть. Еще вчера вела капель все ближе к маю! И вдруг опять мороз, метель. Я замерзаю...

БОТИНКИ

Кольцо сдано в ломбард весной минувшей, Но мне не жаль, жалеют без колец. В ломбард порой закладывают душу. А нам с тобой уже не под венец.

Все вещи продавались и терялись, Что о тебе напомнить мне могли. Их нет. А вот ботинки, те остались, И как назло, я снова на мели.

А помнишь, как мы шли с тобой на рынок, И ва руки держались, как в романах? В итоге — пара сношенных ботинок Напоминает мне о наших планах.

Я в них, дырявых, топаю по лужам, И мне уже не страшко быть одной. Тому, что ты тогда не стал мне мужем, Я очень рада нынешней весной.

MAME

Ты корабликом бумажным Со стихией бытия Билась долго и отважно, Это точно помню я... С вищетой и перестройкой, С безработицей и злом. Ил последних сил, но стойко Защищала этот дом.

264 СТИХИ И ПРОЗА

РОССЫПИ

За детей, за солице в мае
И за счастье — как в кино.
Только даже мы не знаем
Было ль у тебя оно...
Может быть, за спор извечный
С невезеньем и бедой
Ты осталась безупречной,
Деловой и молодой.
Ми с сестрой уже варослеем,
А тебе вослед глядят.
Может быть, за вобилеем
Вее теперь пойдет на лад,
Может, за полоской темной
Повявиля белый цвет.
Юбилей твой переломный
Независимо от лет!

Владимир Николаевич ФИЛИППОВ

родился 26 июля 1947 года в городе Карака (Румыния) в семье военного. С 1979 года жинет в Нижневартовске. Работал в Нижневартовске. Работал в Нижневартовске годем техевоплании «Сферахудожником. Стихи публиковались в периодических изданиях города. Неодиократный победитель полтических городских конкурсов. Член литературного объединения «Замысел».

ПО СУЩЕСТВУ ИСКА (из цикла «Полигон»)

Я — боль Земан! Рожденный в русских росах, Сын лучшей из известных пам планет, Вадымаю свей тъскеместний посох — Свидетель бед людских и их побед. Я — вто «мые в деситках поколений Бескитростных и каноцикся глад, Что блеском благодарности горели,

В дымах ночей разглядывая вас...

Мы помним: вы — весы Господин, звезды!

К вам, призванным судить двадцатый век.

Прише, опять, пока не стало поздно,
Вновь осудить свой вынужденный грех.
Я знаю, каясь, принявший на плечи

л знаю, каясь, принявшим на плечи Груз корви павших братьев и калек. Что мне пред Богом отчитаться есть чем: Я заа с лизвой хлебнувший челонек! Я — это «мы». Рождавшиеся с верой В непогрешимость Истины Небес,

Вскормившей мир духовной правды хлебом И облегчавшей наших жизней крест,

Молившихся на языке России — Страны, где никакая кабала Не в силах веру в Господа осилить. Руси, позолотившей купола,

Руси, позлолявшей купола, Пришелшие завъчества на смену Сияньем византийского креста...

"Всей сутью не приемлющий измену, На утажя показниято костра Стоящий в рост, рожденный, чтоб не полаять. Впитавший мудрость множества веков. Іляжу на вас, бесчисленные звезды, Ілазиидами Христа учеников, Плазиидами Христа учеников, Плазиидами Христа учеников.

Проживших по-людски, по-человечы

Добро, что Небом послано, любя!... От имени народа я отвечу,

А Зло — пусть отвечает за себя.

А Эдо — пуств отак на так и В извечных распрях разумом уставший И поседевший рано неспроста. Держу ответ я, на колени вставший: С тех пор, как я уверовал в Христа.

Мечом, огнем, копытом конной лавы В последний раз — грохочуцей броней, Поставленный ребром, стоял кровавый Вопрос господства над моей землей.

Точивших зубы оказалось много:

То в схватке с дикарем и палачом Узнав, что их Болван — главнее Бога, Я рухнул под его кривым мечом:

По всех сестер, что мать в трудах растила (Да будет пухом ей сыра земля). Другой, меня убив, уводит силой К ногам очередного короля:

То к берегам, где я вчера посеял, Ломился третий, якорем звеня.

Ломпаска трелат, аворем заколом Подада сад, скребя ногтями землаю. Он думал, что ничейная земля?! То даль степей кому-то не по праву, То ширь лесов... И, вновь пойдя войной,

Готовил враг кровавую расправу
Над хорошо вооруженным мной.
А как же? Там, гдс хлеб растет вкуснее
Сокрыт металл, пригодный для монет!
...И шел Молох проклятой карусслыю Кровавых поражений и побед.

Кровавых поражении и посел. Не умирая в старости спокойно, Іонимый в дым обидами утрат, Кормилец уходил опять на бойно, Обияв жену и будущих солдат, Из века в век!. Ваглянув устало в небо, Сунил бинты, но изо всех углов

Текла к его границам мести пена
Из глаз и ртов проломленных голов

Псов, Сатаной науськанных для драки — Моей святой земли кошмарный сон.

[268] CTHXH H IIPO3A

За что нам, объясните Бога ради.

По мертвым вековечный перезвон, Звучащий каждый раз кончиной света Народу, прославлявшему Христа?!

За что ты терпишь нелюдей, планета?
Что скажешь, Вифлеемская звезда?

Сгорали свечи в наших изголовьях. И сыпалась могильная земля,

На семь локтей пропитанная кровью, Слезами вдов и криком воронья.

Мон седины — пеплы тех пожарищ. Что нес мой дом, сгорая, как свеча, Вновь справедливо солнце отражалось

Звенящей сталью моего меча, Когда мы эдесь вставали брат за брата.

А лбы, разбоя несшие огни, Возмездие в зазубринах булата — Последнее, что видели онн.

...Припав к ведру с колодезной водою, Я знаю, что напился не водой —

Настойкой на костях убитых мною И сыновей, не защищенных мной...

За нами звезды, миллионов тени -

Сверхсумма тон немыслимой цены, Что может лишь кровавым наводненьем Насытить глотку проклятой войны,

Которая ндет, все сокрушая, От эры шкур, пещеры и дубин!

И как мне было жить, не нарушая

Главенствующей строчки «не убий!».

В сороковых, когда, утроив силы, Дополнила прожорливая смерть

Еще одним пластом отцов могилы, Из коих состоит России твердь?

Я — это «мыл». За много поколений Святих и справеданных ратных дел. Простите нас, упаниих на колени, Что больше их, чем бог того хотел. Вот почему— пока не стала поздио — Я, все прошедший русский человек, Взанамо к вам, всеи богопоция, явезды, Судять народы, сеющие грех, За невежаване жать по-человены, А зло и безавлоние твора! Рубды, ожно, щрамы да увечья Не считамы догоское ученя За прожитое мной тысичелетье. Костры и колья, голод и учма. Распяты, плажи, цепи, петли, плети, Пленечия, связащие с учма, Топым, жтим, копштамы давим и да дам, танком тражами тоня Закованного, в карцерах пюмы, Аля пьтое инструментами заеня. Растерам был, расстрелыи и повещен Я исполи бумкально каждый час! И сели в чем действительно я грешен, Так яго в том, тот в е последный раз. Простите нас! Так долго мы молчали, Оттортувые от своих святынь, Когда «помя» быльно я грешен, Так яго в том, тот ве последный раз. Простите нас! Так долго мы молчали, Оттортувые от своих святынь, Когда «помя» стала по том, том стала по предыми в датектурно пыль. Таков расскад. Платекста не ниците. К вым, призванным судить треки модей, Вывамо я — залонных и защитных Огромной территории своей: Опять отродымо не дает пюмя Их адский современный арсенал

россыпи

Блокадных технологий, а для боя — Солдат в куски кромсающий металл. Судьбы своей лихой хватив по ноэдри, Поставленный на Божий судный кон, Я вгаядываюсь пристально и остро В святые лики дедовских икон, Который век ніцу у них ответа: С какой же целью Бог меня создал? И почему вблизи кончины света
Так поглупел, что на ислам напал?!
Не доглядел. Поэволил сатанистам, Разогнанным с Инсусовых земель. Осесть в Руси, а нашим душам чистым В итоге сесть на иравственности мель. И вновь стрельба! А нехристей контора, Маразмом глобалнама наойдя, Везла в Афганистан все новый порох, Рискнув на многотомнике «вождя». За все, чем мы грешны пред мирозданьем, За власти наши, за ошибок час Ба власти наши, за ошноок час
Прините, звезды, наше покаянье!
Я знаю, вы надеетесь на нас.
Я просто Человек. Живу на свете,
Не все, что Небом послано, любя... От имени добра я вам ответил. А эло пусть отвечает за себя. Но именем христовых поколений, Вступая в новый, двадцать первый век. Пред ликом всех галактик и скоплений В последний раз предупреждаю тех, Кто зло несет и сатанизму служит, Что в пекле эта кончится стезя! Готовьтесь, я приду по ваши души, Ведь с вами по-хорошему нельзя:

У вас всегда был вместо сердца камень. А я свой бой со влом не нрекратил, А я свой бой со элом не прекратил. И «мы» непобедимы кулаками... Все ввезды слышат: я предупредил! Все ждут Христа, не канувшего в Лету. Он явится, вопрос неоспорим. Пода заграмбовать мечи в планету И честно отчитаться перед Ним. И мне плевать на чьи-то возраженья — От вас покоя не было и нет. ...Грузи, сынок, мое предупрежденье В сей Богом нелюбимый «Интернет»...

...Напряженно живем — Нет причин для веселья как будто,

Пет причин дол оссольного и причина и причина Каждый день без пятнадцати семь Слышии: «Фирма «Ланкорд» Вам желает приятного утра...»,

То вчеращнего дня Суета забывается всем.

Суета забывается всем.

Благодарно кивиув,
Кто при деле, спешит на работу.
Те ж., кто духом упал,
Получив настроенья сигнал,
Снова полын надежд...

—Значит, Богу угодио, чтоб кто-то
Ухом в годиния о мас

Утром вспомнил о нас И удачного дня пожелал.

Нина ЦВИРЕВА

ЗОВУТ К СЕБЕ

Зовет меня к себе тайга, Зовут моря и горы, Зовут приволжские луга, Степных полей просторы.

Я к ним иду, я к ним спешу, А путь мой не короче. Огромный мир в себе ношу Бессменно — днем и ночью.

Но мне не в тягость этот груз: Дари! А он не скуден. Меня добру учила Русь, С добром нду я к людям!

РОДИЛАСЬ Я В РОССИИ

Родилась я в России, В белом царстве берез, Где красуется синий За деревнею плес.

Там дожди за овины Упадут, так потом Прорастут луговины Не одним васильком.

[273] СТИХИИПРОЗА

Удивят разноцветьем. Разнотравьем луга. Стать бы вновь малолетней! Снова 6 легкость ногам!

Босоногой, адоровой В жгучесть утренних рос Мчать за рыжей коровой, Завернувшей в овес.

Там, на родине, где-то Клевера зацвели. Глубже чувствуешь летом Близость трав и земли.

Душу всю растревожит В летний день сенокос, И трава занеможет, Пав под музыку кос.

Вся я здесь, до кровинки, На лугах, средь берез. Будто каждой травинкой Край мой к сердцу прирос.

МАМИНА ДЕРЕВНЯ
Мамина деревия Василево,
Хоть разок нас вместе собери
В час, когда рассветом васильковым
Стелется роса в подол зари.

Лина в огороде и орешник, Рослая береза над окном

россыпи

C майскими жуками и скворешней Прячут под ветвями отчий дом.

Изгородью дед мой обозначил Выгон для колхозного скота. Детство на гривастых конях скачет В облаке ольхового куста.

С песней на луга несутся дроги, Женщины спешат на сенокос. Смешана роса с копытной дробью. С деревянной музыкой колес...

ОТВОРИЛА ПОЛНОЧЬ ДВЕРИ

Я не верю! Нет! Не верю Беспричинному уходу! Отворила полночь двери В синий купол небосвода.

Звезд неистовые свечи Колдовским мерцали светом. Тайна ночи, канув в вечность, Омрачила скорбью лето.

Стали все твои печали Белой тенью покрывала. Отболело, отанучало Все, что ты от нас скрывала.

ИВАН-ЧАЙ

ОГОНЬ ЛЮБВИ МОЕЙ

Так хочется к груди твоей прижаться, Склониться на усталое плечо! За все, за все с разлукой расквитаться! Огонь любви моей бери! Еще!

Куда мне деть неспрошенные чувства? Кому их раздарить на склоне дня? Прошу тебя, великое искусство, Открой все людям! Раздари меня!

Под внешней огрубевшей оболочкой - Чистейшие сокровица души. Как жаль, умрет живительный источник! Что ж ты к колодуу, друг мой, не спешишь)

Асонид Владимирович ШКОДА

родился 19 декабря 1936 года
на Полтавщине. Окончим летное училище,
Ленинградскую высшую школу профсковов.
В Ниживеартовск присха. в 1974 году. Работал
на ввнапредгриятин. Стихи были опубликованы
в периодических изданиях. в сбориниях: «Зори
Самотлора». «Меня по свету молодость носила»,
в альманахе «Эринтур». Автор поэтического сборника
«На грани нежности и скорби». Живет
в Самаре.

меж Владимир». Конвульсивность танцев. С челками седыми Группа иностранцев. Нас едва впустили. Как уж я старался! Трудно, как Бастилия, Столик мною брался.

[27] СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Интуристы хором интуристы хором
Нашу водку глушат.
Чувствую, что скоро
Запоют «Катюшу».
Мы сидим и слушаем,
Не раскрывши рта.
Те слова в «Катюше», Да душа не та.

ПРИЗНАНИЕ

ПРИЗНАНИЕ.

Ты была и злой, и доброй,
Бесарактерной и гордой.
Очень честною, и врушкой,
И красиной, и дурнушкой,
Свийским парнем, сущей бабой:
де-то храброй, где-то слабой,
И веселой, и угромой,
Страшно умной, просто дурой.
Всякой в развые года,
Нелобимой—

микогда!

*** ***
Он охранял надежно дачу,
Брехал заливисто, незло.
И всен умом своим собачым
Он понимал, что повезло.
На цепь железную посажен, Доверьем щедрым дорожил.
И сердцем добрым и отважным Хозяйке доблестно служил. В грозу, в тревожное ненастье Она брала его в свой дом. Как он смотрел! С каким участьем

1278 СТИХИИПРОЗА

Скулил, повиливал хвостом! И были влажные ладони, И обли влажные ладони, Крупинки пота над губой, Испуг в глазах и сумрак ночи Его счастливою звездой. Из окон скользко и упруго Тянуло горько с квозняком. О, как лизал он эти руки Своим горячим языком! По стеклам капельки катились. И шорох листьев стал острей, Шерстинки инеем покрылись, И пар струился из ноздрей. Но вот закончилось крушенье Листвы, уютного тепла, Она сняла с него ошейник Она сияла с него ошейник
И дверь спокойно заперла.
Прощально скрипнула калитка,
Машина сияза, шурша,
Скользиула... Выцветший и липкий
Шел дождо чуть слашию, не спеша.
Шли на покой в туман растенья, Ручей листву кружил и нес. Большой, лохматый и растерянный Стоял забытый всеми пес. Порою небо сотрясалось От самолетов. В чудеса Дворняге верилось: казалось, Что возвращается гроза... И вот он преданно и верно Все сторожит сырую тьму И ждет: придет она, наверно. И бросит косточку ему.

[279] СТИХИ И ПРОЗА

Процай, мой город.

Търощая, мои город.

Ооль моя, прощай,

Прощай, дневник несбъявшихся пророчеств,

Тетрадь ночных не спетых одиночестн

И чистая и светлая печаль.

Процай, мой город.

процен, вкоптород.

Кто стал до боли и родным, и близким, Всем кланяюсь земным поклоном низким. Я бы остался — не могу, нельзя.

Прощай, мой город, еду далеко,

Простясь со всем былым, шагнун в иное. Забуду ли, что все пережитое И нажитое было нелегко?

Прощай, мой город. —

радость и беда. Что сердце, сердце?

Сердцу не прикажешь. Ты что-нибудь мне

на процанье скажешь? Процай. А вдруг... А вдруг не навсегда?!

Соседка-холостячка очень ловко,

Подпрыгивая, вешает белье: Так высоко натянута веревка — Попробуй дотянись-ка до нее.

Попрооуи дотянись-ка до нее.
И в сторону мою бросает вагляды,
Халатика запахивая борт.
И вдруг — жена за мною где-то свади:
— Куда ты зенки пялишь, старый черт!

Евгений БРАВЕРМАН (Израиль)

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Смотрите, друзья, что у нас за окном происходит: Последняя осень двадцатого века уходит, Последняя осень, как инщенка с торбой, с клюкою. Бредет по планете устало без сна и покоя.

Прислушайтесь молча, что в душах у нас происходит — Неужто и там что-то с осенью вместе уходит... Сменилось столетье, и новое ждет у порога, Но нет и не будет прекрасней, чем наша эпоха.

> Н.Б. РОТАРЬ (Моллавия)

ГОРОД С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Стихи не ложатся строкой на бумагу, Но очень поздравить мне город мой надо За то, что приют он всем нам подарил,

За то, что достойно все годы в нем жил. , что достояно все годы в нем жил. Есть много того здесь, о чем рассказать, Я дань свою городу должен отдать, История жизни его и моей Так тесно сплелись, неразлучны мы с ней.

[283] СТИХИ И ПРОЗА

иван-чай

В нем дружбу народов отпраздновать надо:

Тут разные нации шестнуют рядом, И в них уваженые друг к другу видно. Почти как в Союзе, как было давно.

И этим гордится всегда наш народ: Каков Нижневартовск! Каков хоровод!

И с годом грядущим живут все дружней Татарин, удмурт, моддаванин, еврей,

Башкир, украинец и русский. Душой Вам скажут открыто — в нем жить хорошо. Он молод, мой город, постарше есть люди,

Но мы, горожане, любить его будем. И пусть ему тридцать всего лишь пока, Но память свою он оставит в веках.

Он в центре России, в Сибири, стоит,

Завет Ломоносова в нем говорит:

Он нефтью и газом всегда был богат, Не только российский народ в нем жить рад.

Сюда иностранцы стремятся толпой.

Известный он город, с открытой душой.

Ты, мой Нижневартовск, родной, дорогой!

Равиль ГАЛИАКБЕРОВ (Татария)

САМОТЛОР

Приходилось ли вам бывать В наших сибирских краях? А смогли бы вы оценить Красоту Самотлора? Самотлор, Самотлор —

Причудливое название.

[284] СПИХНИПРОЗА

мы вместі

Самотлор, Самотлор
Навсегда нас приворожил
Посреди чустой тайги
Влещег озеро Самотлор,
Город новый нами построен
На берегу Оби.
Наш далений Нижипевартовск
Знают за пределами страны.
Миллиардные тонны нефти
Жемчужиной нашей —
Самотлором — даны!
Горожане полобили
«Самотлорские иючи».
Правдијукит всем миром
Здесь и сабытум.

(Перевод с татарского автора)

Алексей СИМОНОВИЧ

(Белоруссия)

ЦВЕТИ. НИЖНЕВАРТОВСК

Югорская земля, ты стала родной Для многих молодых белорусов. Не за рублем, не для модной славы Творили они добрые дела,

Тут построили город Нижневартовск, Тут нас работа объединила на века. Народы доброю семьею Прокладывали дороги к нефти и газу.

[285] СТИХИИ ПРОЗА

иван-чай

И мы горды своими земляками. Их разумом и силой смелых рук. Людской рабочею семьею, Где каждый жил с пригожим,

светлым словом — друг!

Я безмерно рад интересным встречам И сегодня в городе твоем. На обустроенных кварталах Зеленые, вессине уборы.

Цвети же, город небывалый, Йди к счастью своей дорогой! Так будь же красивым и надежным, А жизнь пусть станет счастливой и светлой.

(Перевол с белорусского автора)

Ольга МИЦЛЕР (Германия)

ТЮРИНГИЯ

В сердце тюрнигского леса Туманов кисейных завеса, Хрустальная хрупкость росы

И запах почтовых конвертон, А в них — аромат сантиментов И светлые детские сны.

2861 спихи и проза

MI BMECTE

Вот в лужах купается лето, Роса наполняется светом. Ждешь писем и теплой погоды.

Термометр еще только десять Отмерил. И лес вновь не весел, И гномы попрятались в норы.

И под серебристой луною Идешь ты замшелой тропою С трепетно бьющимся сердцем.

Коряти разбросили щупальца, Тебе сказки Гофмана чудятся, Знакомые с самого детства.

Но выплачет небо все слезы, Пройдут и тревожные грозы, И, первым письмом согретый,

Ты выпьешь остатки лета, И яркими светлыми красками Засветится фотоальбом.

Конверты как птицы бумажные,

Слова в них самые важные: «...На этой планете живем».

Когда устанет биться об асфальт Унылый дождь-самоубийца, Когда мне перестанет синться Встреч прошлого фатальный аромат.

[287] СТИХИН ПРОЗА

иван чай

Когда напомнят грусть и непогода О том, что так и не случилось, Увижу, как в страданье исказилось Лицо, почти забытое за годы.

Иа жизин вырвано лишь несколько страниц. Но главные они, кричит шестое чувство... Ты вспомнишь все, чтоб улыбнуться, А я — чтоб спрятать боль в тени ресииц.

Что может быть страшнее одиночества. Поскливей света одиноких звезд, И маминых неоценимых слез, И имени, по-адешиему, без отчества?!

Что может быть страшнее одиночества, Когда захочешь чью-то руку сжать? Но пальцам только ветер ощущать, Горячий ветер дальнего отрочества.

Что может быть страшнее одиночества Весны, вдруг захлебнувшейся дождями, Людскими теми дерэкими страстями, Растераанной самой на клочья стать?!

Что может быть страшнее... Но не хочется Бессмысленный вопрос вновь повторять. Не так уж это сложно — усмирять Улыбкой нежности свирепость одиночества.

ХЕЛЬМУТ

Рассказ

Он кричал мие ужасные вещи: что я русская шовнинстка, отрицающая нормальные законы нормального развития пормального общества. Он ставил мие в вину, что как раз к воскресенью у нас заканчивается хлеб. «У нас в воскрессные магазины закрыты, детка». Ну, хорошо, закрыты, и обеденных перерыяюв ист. в привыкиу, только ис кричи.

Он сердился, когда на вопрос, что ты будешь делать завтра после пяти, я отмахивлалеь «да, так...». Он старался приучить мени давать конкретные ответы на конкретные вопросы. Ну откуда я знаю, что я буду делать завтра после пяти? В завтра педе нетих! В завтра еще не наступнаю. Он курить мне ежедневник, чтоб я все записывала: когда и кому позвонить, что купить и куда. Я честню все записывала, но, иссчастье, забывала в него заглянуть, чтоб прочитать.

Он алился, когда я получала «манунгн», и говорил, что я живу ие «по средствам». На что в отвечала, что практически вестда живу «без средств», и он давал мие десять марок на завтрак. На все деньги я покупала мороженое, и заканчивалось это, поития, обланичным.

Пока я болела, он сам следил за временем приема лекерта и готовил мие дистические блюда. Он очень любил дин. когда я бъла больлы (болеть всръев я инкогда не умела), потому что я оставалась дома и в течение недели или больше не приносила штрафов за парховку (да не бъло там инкакого закава) или за безбилетный проезд в автобусе (билет я так и не смогла отъскать в своем бездонном рюк-

заке).

Он ругался, что у меня никогда нет с собой носовых платков. «Загляни в свой рюкзак: карты Таро, отвертка, Бердяев. Нормальные женщины набивают свою сумку косметной или деловыми буматами». Я соглашалась, что я непоумальная женщина, и он успоканивался.

ИВАН.ЧАЙ

Наверное, ему нравилось лелеять рядом с собой Несо-

Если он уезмал на веделю в командировку, в пять днёй жила в искрометном беспорядке акоаса: питалась вблюками и чинсами, ложилась спать, когда начинал светать, начинала писать повый роман или торжественно сжигать старый, педуалиніск. Зато следующие два дия мис аврадыными темпами прикодились наводить порядок: мить посуду, раскладывать по местам вещи и белить потолок (рукописи не только торят; но и силыно контят). Кончалось это трагически, оп приезжал и не мис найти свои документы, силальные со строительствим нащего» дома, спра-

вичинк по холодильным установкам и любимые тангички (тапочим в паделаль когда ходила за сигаретами. Ни куда они делись потож?!). Он радовался нашей встрече, доставал пылесос и завимался уборкий еще два дви. Куда делась поливина нашей посуда, он не спрациявал — я забола вынести пажет с околожами в мусор. Ему и кравилось, что в слащимом міного жестикулирую,

когда говорю, поэтому каждый вечер по пятницам, именно по пятницам, оп учил меня правильному немецкому проманошенно. Через десять минут зациятий меня начинало сводить челости и прослеживаться довольно заметное ланкание, так что наутро в бликайшем » БКСWE» в, яка ин пвталась, не могла объяснить продлащине, что хочу зеленый горошем в блоее крупной расфасовке. Атак как замунальномы всегда суббитними утрами, после пятничных уроков, то все продлащицы в магазине были уверены, что в если не немя, то уж точно и говорю на лежецком, и объясняльно-

Он считал, что эта упорядиченность (среда — спорт, четверг — книо, пятница — занятия немецкия, суббота — замуни) действует на меня дисциплинирующе и выстраннает мою жизнь в более или менее прямом направ-

[290] СТИХИ И ПРОЗА

со мной жестами.

Он сам звоння мосму редактору и уточняя, к какому сроку должна быть готова статья. И есям я, асптяйничая, питалась отговориться тем, что нет вдокновения, грозился, что привяжет меня к стулу перед компьютером.

Он был потрясающим днагностом и успевал майти отреавлающее прогивовдие для монк сумасшедших маси еще до того, как они оформальносу меня в голове. Так, мы не получиля штраф за купание в главном фонтане Мильна во время наших итальянских каникул, меня не дагнула полицейская лошадь (лагнула она рядом стоящего старичка, а поладить се в все же успель), и мартышка из цирка «Кортфель», у которой в отобрала кокосовый орех, вцепнылась в волосы не мине, а своему хозянну. Правда, она поцарапала моето "диагноста», когда он хотел помочь доесенропцику учять животнос. Дома, когда я смазывала моему бесстрашному борцу студностями седанный адома, ос частамиво ульбался и говорил, что ня меня бы получилась хорошая сестра милосердия.

Наутро он опоминься и сказал, что насчет сестры милонить на медицинский факультет. И твердо решила постунить на медицинский факультет. И мой вдолювить ть поввонил своему «страховщику» и попросил увеличить сумму Наfірlich, а также поинтересопался у сроего давожата, чем обычно заканчиваются с удебные разбирательства по поводу «врачебных ошибок».

Он немного нервинчает, но он верит в меня. Хотя, помосму, он предпочел бы, чтобы я всецело посвятила себя журналистике.

Спросите, почему при всех моих недостатках он до сих пор не бросил меня? Конечно, он меня любит. Но решило дело не это. Как-то раз он посчитал, во сколько я ему обощалсь. А такие деньти на дороге не валиются.

ИВАН-ЧАЙ

ФИЛОСОФИЯ БОЛИ.

ИМФОЗОЛИФ ВАНЬКОВ ИЛИ

развитых государств и счастливых пациентов, но вредность развитых государств и счастанивуя кензывается он вредность зарактера мил страсть к зналиву кензывает смандатовски-ненстребиным, почти «станиславсковским» «не верю!» и грустип-ражидоряваниям «не настоящее все». Подруга дней суровых, читыощая по глазам, кричит: «Непорымалыя», де-дуйся прогрессу! « Но я быстренько охлаждаю ее горьковатым: «Ностальгия»

Мой «русский» стоматолог и по совместительству психоаналитик (русский человек своей «левшинностью», благодаря которой все блохи подкованы, хочет объять необъятгодаря которой все бложи подкования, мочет объять необъят-ное и, монгимуря тамангами, гренитея стать специальствы в нескольких объястик) не был посредственностью. Нач-нем с того, что в его кабинете виссе далакта - боль — это оцущение, которое появоляет нам острее чувствовать живню. После такого начала пащиет либо быстренью де-лад исти, либо оставался клиентом Диктора на всю живно. ада исил, диоо оставъск клиентом доктора на всю жизнь, даже посмерто. Дели том, что у Доктора бъдо еще одво увъечение — экстумация. Он частенько делал заключения для следователей городского отдела расследования преступнений. Сколько у него бъдо диплонов, я и се подвинявла. В Вобще, жизнь сводила меня с таким количеством ге-

ниев, философов, придурков и присто маньяков, что разме-ренная. распланированная жизнь здесь, взрывающаяся только террористическими актами бюрократии, заставляет

мы вместе

вамаливать руками в режиссерском жесте, восклидать «Не верой» и собственноручно создавать себе проблему, затем виртусном решать ее. жируиться от удовольствия в шквале апллядисментов и сочинять очередной рассказ на тему непостивимости русской дупци.

Надежда ТКАЧУК

(Украина)

Опять кручусь как белка в колесе, И снова день рассчитан по минутам, А вечер плавно входит в утро, Встречаясь на нейтральной полосе.

И разными дорогами спеша Гуда, где мир огромный станет тесен, Налив бокал вина, поднимем вместе, И каждый о своем допьет его до дна.

Вновь луна бессонницу пророчит, Навевая мыслей разнобой. Пожелай мне беспокойной ночи, Беспокойной ночи, но с тобой!

В конце любви все сказаны слова, Стихи прочитаны и песни перепеты. И ты живешь, пока любовь жива, Пока душа огнем ее согрета.

[293 СТИХИ И ПРОЗА

ИВАН-ЧАЙ

Но стоит чувствам чуточку угаснуть, Она в порыве нового огня Восторженно, упорно рвется к счастью, Порою позабыв спросить меня.

Живя с собою в мире, я не скрою, Ей покоряюсь, повинуюсь вновь. Ну вот, мы снова встретились с тобою, Ну, здравствуй, незабытая любовь!

Ты думал обо мне? Я — да. Ты помнил обо мне? Я — тоже. Ночная падает звезда... От станций железнодорожных Нас в лето поезд унесет. глас в лего поезд учесст. Но, уезжая, не прощаюсь. И пусть немало дней пройдет, К тебе, как прежде, возвращаюсь, Мой город...

> Марьям МАМЕДОВА (Азербайлжан)

ЗАВИСТЬ

АЛИИСТЬ
О, сокол! Ты царь птиц, король высокогорья, властелин степи! Пэни огромные крылья дакит тебе впаможность
всегда овладеть высотой, совершать полеты в небесах. Ты
словно плавлень в объятиях просторов. Каждый раз, когда
ты поднимаещися ввысь, я тебе завизую, наблюдав за твоим всалчественным полетом из припасти. Ты детншь и детицы, пока не сделаешь посадку у скалы. Смотришь с высоты на мир. Видиць оттуда все красоты природы, голубое

[294] СТИХИ И ПРОЗА

небо всегда зовет и принимает тебя. Солице лучится над горами, разливая повсюду свое тепло. А ночью звездное небо, кажется, сверкает только для тебя. Когда засветится луна, ты гордо, поднимая голову, осматриваешь все вокруг и засыпаешь, набираясь сил на завтрашний день. Твои родители всегда учили тебя летать, быть сильным и властным над этими горами и ущельями. Так устроена ваша жизнь, она проходит на вершинах, среди скал и ветров. В горах ваше гнездо, и ты учишь своих птенцов летать и быть сильными. Сокол! А я все время наблюдаю за тобой, за твоими потомками. Зависть не дает мне покоя. Из последних сил я двигаю телом, думая, что смогу полететь так, как ты Я очень хочу увидеть земные просторы и просторы гор! Го-лубые небеса и былые как снег облака! Это ведиходения! Какое богатство — дыхание на высоте! Но увы... Я падаю у камией, разбилая в кровь свою глупую голову и холодное скользкое тело. Знаешь что? Я уже устала. Я смертельно устала завидовать и наблюдать за тобою. У меня искривилась шея и устали глаза постоянно смотреть ввысь и видеть каждый твой круговой полет-путешествие. Я тебе уже ие завидую. Я мысленно обливаюсь горной водой ВОДО-ПАДА.

Лети, сокол, сколько хочешь!

ТЫ — БУДУЩЕЕ ГОРОДА

Мальш.... Это твой город. Ты родился на этой земле. Ходишь по большому городу своими маленькими ножками, бегаешь голаешь, падаешь, встаешь. Знаешь, кто ты мальш? Ты — сибиряк! Не забывай этого, когда вырастешь и станешь большим. Сначала школьником, потом сту-

Расти добрым. Научись и за себя постоять, и других защитить от зла и несправедливости. Люби свою родину, малыш, сибирскую землю. Пусть она суровая, но она — твоя. Родину не выбирают — помни об этом. Гордись ее голубыми озерами, шумящей тайгой. Люби свою сибирскую сосну, березу, черемуху, красную рябину. Посади сам маленькие, тоненькие саженцы этих дере-

вье, и они вырастут. Вкуси клюкву, бруснику, чернику, го-

име, и они видыет, и муси кломор, оручнику, чернику, то лубику, о которых славшая от родителей, с их рук попробо-нал. Почувствуй родиой икус!

Почему они так икусны, мальши? Почему кедровые шишки лучше, чем фундук? Потому что они растут на тво-ей родиой земле, в Сибири.

ем родцою жемже, в с новири.
А ты салышая голос таухаря, знаменитой птицы сибирс-ких лесон? Слышал ли ты, как юркует голубь? Посмотри, как любят они летать над Божьим храмом! Корми их из своей маленькой ладоники. Не бойся их. Подойди блииз свиси маленком ладопим. Те соисси ил. Подолди оли-же. Никогда не тнори яло и не желай никому плохого. Ло-ди заметят тною доброту — не печалься. Тебя обязатель-но заметит Бог. Он сделает тебя счастливым. Он будет любить тебя. А награда для тебя — твоя тренетная душа. Береги ее. Будь простым и приветливым человеком, всегда готовым протянуть руку помощи и руку благодар-

Неважно, малыш, кто ты по нации, нажно, какой ты человек!

Где бы ты ни оказался, куда бы тебя ни забросила судьба, нееда помни свою Родину, отца и мать. Будь готов за-щищать сною землю от беды, целуй ее пыльные дороги, ее

цицать сною землю от осды, целуи се пыльные дороги, ее мокрые трансты.

Тною сибирская, сыроватая земля богата пефтью и там, сыроватая земля богата пефтью и там. и когда вырастепь — расскажи о пей другил. Твоя Сибирь, тной город на карте мира заимамог одно из самых

Расти и строй свой город! Пиши о Самотлоре, о его подгах. Пой о нем несни и говори нежным и тихим голосом: «Я люблю тебя, моя сибирская земля, мой чудный Само-тлорский край»!

[290] СТИХИ И ПРОЗА

А пока играй и расти, расти вместе с городом. Помащи своей маленькой ручкой дядс Алеще, который вечно будет держать горящий факел — символ памяти покорителям Самотлора.

ПО ДОРОГЕ ДОБРОТЫ

Сидьное волисние охватывает в сия, не нахожу места, думая: «Вот мир так устроен, что время летит, не остандяваневаем ни а секунду Его нево можно доплать в вернуть. И у всех у нас одна, только одна ленянь. Проходат годы, уплывають всем и тъслечаетия. Сколько еще на Земме продержится человечество? Мы не знаем. Что принесет нам завтранний день? Это остается загадкой. Мы приводим дин на рабите, срс из знак мых и целажомых нам людей. От дневных приключений уставник става закрываются, и мы погружаемся в глубожий сон. Но проходит ничь, и рождается новый день. На первый взглад каждый день похож на другой, но это не так. Богтороре создал каждый день особенным и не-пов-то-ри-мым, каждый день, каждая ночь имеют спое место и стою зна-

Каждый знает, как прекраспа и как коротка жизпь, что полна неожидалностей. Не надо в своих ошибках обвииять судьбу и ждать с закрытыми голами чуда. Ве в человеческого прекрасного замысла, труда, забот и хлопот чуда не произодидет.

Давайте синмем темпье счин закобы! Трезвыми галазым помьторы на мър. Не лабывая прошлого, пострина будущее без опибок, обид и грехоп! И если, смотря в зеркало, ны увидым черпе изтин на своей дуще, то не будем вниить зеркало, постаражем исцельть и очистити здуше. Давайте, увидее друг друга, не забудем поздороваться или хотя бы удмонуться по чето в забудем поздороваться или хотя бы удмонуться:

[297] СТИХИИПРОЗА

Челопека ценят не по одежде, не по цвету кожи, а по ДОБРОТЕ его души! Не важно кто он. Важно — ка-кой он! Не богат тот, который имеет замок. Богат тот, у кого добрая душа. А после грома и дождя всегда светит

солице. Рождественской ночью — путь на небо. Все увидят гомасственской ночью — путь на него. Бсе увидат скопления зведа, сияводки в вышине, загадом стою завет-ные желания и, главное, — сумеют простить и забыть все обиды. Пусть заждал ауды успоконтся ангельских сном. После ночи наступит новое Утро, которое снова будет не-повторимо на этой прекрасной Земле.

россыпи

Слышите гром? Это не гром. Это эхо уходящего века и тысячелетия. Слышите гудок?

Давите гудол. Да, это звук уходящего поезда старого века. Кто проводил его? Время и мы.

Время — поезд, и мы — его пассажиры. На каждой станции кто-то выходит, а кто-то заходит, и никому не принадлежат места в этом поезде...

Он закрыл крепко и надежно свой замок, нанял тысячу сторожей, чтобы Она не вошла в его дом. Приказал закрыть окна и двери, погасил свет, надел на себя доспехи и укрылся одеялом... И вдруг услышал: «Ты уже готов?» — спросила его

Смерть.

Человек пришел в свет. Жил, трудился, строил дом, владел землей, сокровищами. Все оставил. Ушел из жизни, не взян с собою в скромный, темный и сырой «дом» инчего.

298 спихинироза

Мне не так страшна смерть, как слух о ней.

Человеческий мозг, как закрытый сундук, а талант, как сокровища, лежащие в нем. Ключ в твоих руках, и местонахождение бесценного сокровища, кроме тебя, никто не знает.

Я против жестокости и не хочу видеть золотую рыбку в акварнуме, соловья в клетке, красоту под паранджою, невинного в кандалах.

Жизнь — вызов.

Жизнь — борьба, испытанне.

Жизнь — игра, но, пока ты играешь с ней. — твое Вре-

Жизнь — игра, но, пока ты играешь с ней. — твое Время уходит.

Жизнь — тайн

Жизнь — богатство, но, сколько ни дрожи над ним, — Смерть отнимет его у тебя.

Жизнь — долг, который придется вернуть.

Жизнь — бурное море. Судьба — соломинка, держась за которую, выходишь на берег.

Мы — нгральные Карты, которые Жиань выбрасывает, размешивая по дороге Времени, на производ Судьбы. Но Судьбе каждая Карта интересна на своем месте.

Зоя ШЕКЕТЕРА (Украина)

CHEL

В ноябре на Украине, Словно перлы-жемчуга, Что забыты и в помине, — Несусветные снега.

Не видал народ заносов Целых семь десятков лет. Как привет великороссов, Чертит поле санный след.

ПОДАРОК

Тот период в чем-то был хороший. Вспоминаю не за гонорар: Другу, украинцу из России, Подарил тогда я самовар.

СССР остался лишь в помине, Застит солнце чернотою свар. Но с надеждой служит Украине Мой подарок — тульский самовар.

Елена СЛИПЧЕНКО

(Украина)

КОШКИ И ЗАПАХИ

Рассказ

Иногда возвращаешься домой, и страшно хочется напиться. Как сегодня. Что это? Национальное проклятие? Русская тоска? Мне кажется несправедливым, что оно лежит и на моих хрупких плечах, ведь я — женщина. А может быть, это одиночество, которое перекатывает тебя во рту, как карамельку, и ты таешь в этих днях, часах, минутах... Одиночество тоже несправедливо. Девушка моего возраста должна веселиться, танцевать, влюбляться, сплетничать с подругами, мечтать о замужестве, думать о материнстве... Ничего этого нет. Мой город покрыт снегами, и порой мне кажется, что они выпали не в конце осени, а тысячу лет назад. Кажется, что зима с ее холодом и долгими черными вечерами никогда не кончится. Кажется, что женщины, которые толкутся вокруг меня целый день, набитые дуры, а мужики окончательно им уподобились. Есть, правда, один. При встрече он всегда улыбнется, и его улыбка искренняя, как весенний, солнечный день. Он никогда не разговаривает, повернувшись к тебе задом, и никогда не навязывает с остервенением свою точку зрения. С ним можно говорить часами и не умереть от скуки, на него можно смотреть без устали и думать: «Откуда же ты взялся такой?» А еще хочется просто взять его за руку и сказать: «Ты только оставайся таким же, ладно? И обещай, что никогда не станешь занудой».

Кажется, что работа состоит из одних поединков с Канаевой (зав. отделом) и все новых и новых дел и обязанностей, которые валятся мне на голову, а к ним еще присоединяется панический страх, что я не справлюсь. И это един-

ственные ощущения и впечатления, которые остаются у меня к концу дня? Это неправильно! А где же чувственность и восторг, свойственные юности? Что я буду вспоминать много лет спустя на пороге смерти? Лихую молодость? Черта с два. Я буду вспоминать этот вечно темный, вечно зимний город и себя, устало бредущую по сугробам домой. Впрочем, есть в нашей жизни такие события, которые могут показаться не особо важными на первый взгляд. А если присмотреться? Например, сегодня ночью наша кошка спала со мной. Впервые за семь лет. Обычно она спит в изголовье у младшей сестры или в шкафу на моих вещах, там, должно быть, очень ей уютно, поэтому я специально не закрываю дверцу, или в прихожей над вешалкой, на полке для шапок. Мы убрали все головные уборы и шарфы на правую сторону, а на левой постелили ей, там, высоко, она чувствует себя в безопасности и все сверху видит.

А вчера она заснула рядом со мной. Я радовалась про себя и боялась пошевелиться, потому что этот маленький пушистый зверек оказал мне свое великое доверие. Я чувствовала левой грудью ее теплый бок и еще какие-то слабые толчки и никак не могла понять — ее это сердцебиение или мое? Я чувствовала ее маленький, мокрый нос в изгибе локтя. Я многое чувствовала в этот момент.

Все домочадцы обожают ее, но мне кажется, я единственная, кто ее ПОНИМАЕТ. Кто знает, каково быть кошкой в северном городе. Как ей тяжело жить в нашей маленькой квартире с этими однообразными запахами, изученными до мельчайших подробностей. Она уже давно знает, как пахнет каждый из нас, как пахнет от меня, когда я возвращаюсь с очередной дружеской вечеринки и держусь за стену в прихожей, пытаясь снять ботинки, или когда собираюсь утром на работу и беру с полочки флакон с туалетной водой. Она знает, как пахнут ящики, сложенные за диваном тринадцать лет назад и скрытые от людских глаз занавеской. Они пахнут книгами, потому что хранят в себе

интереснейшую библиотеку, которую дед собирал не один десяток лет и наконец подарил мне. Но я, обладая полными собраниями сочинений русских классиков, всю жизнь ходила по городским библиотекам, так как отыскать нужную книгу в этих ящиках, сложенных друг на друга, весьма проблематично, а книжного шкафа у нас до сих пор нет. Она энает запах каждой половицы, каждой тряпки в этом доме, запахи не меняются годами, они уже мертвые. Отец часто говорит ей: «Ксюша, ты хоть представляешь, как тебе повезло? Не голодаешь, не мерзнешь, от собак не бегаешь, а главное — тебя все так любят».

Он по-своему прав. Но кошке это все равно. Она свою судьбу не выбирала. Но если бы Господь предоставил ей право выбора, уж я-то знаю, какую жизнь она бы предпочла. Тепло, сытно... А на кой оно, это благополучие, нужно без запахов? Если бы вы однажды августовской ночью гденибудь в украинском селе под стрекотание сверчков пробирались сквозь заросли, напряженно вслушиваясь (вглядываться бесполезно, там слишком темные ночи) и жадно вдыхая воздух, и чувствовали этот ветер, который принес с другого конца земли все запахи мира, вы бы поняли любую кошку. О, это трудно пережить — столько запахов сразу, и каждый говорит о своем. Так пахнет только в августе, и только там, на Большой земле. Так пахнет лето, достигшее самого своего великолепия — зрелости, но скоро ему умирать.

И вот уже две недели я пытаюсь объяснить Канаевой, что мне нужен отпуск в августе. А она в свою очередь упрямо долдонит: «По КЗОТу вы должны идти в отпуск через одиннадцать месяцев после оформления на работу». Я думаю, КЗОТ переживет, если я отправлюсь в отпуск на месяц позже. КЗОТ — да, Канаева — нет. И я тоже тупею и опускаю уши, как моя кошка, от специфического запаха Канаевой, когда она приближается ко мне слишком близко. Она пахнет старыми вещами, знаете, когда они лежат

в одном шкафу много лет. И как же мне не понять мою кошку, если она бежит к любому домочадцу, вошедшему в квартиру с улицы. Я в таких случаях не обольщаюсь мыслью. что она страшно соскучилась по мне. Нет. Тщательно обнюхивая мои джинсы и полу дубленки, она ловит запахи свежести снега, ветра, дождя, пока они не растворились в затхлой атмосфере каменной ячейки, именуемой современным хомо сапиенс — квартирой. Я все-таки люблю и свой дом, и свой город потому, что других у меня нет. Но вот насчет «офигенного» счастья сказать ничего не могу. Я не то чтобы несчастна, просто мысль, что я живу не там, где должна бы, будоражит мое воображение. Меня тяготит одиночество, но и люди в большинстве своем утомаяют и раздражают. Мне чего-то страшно не хватает. Сначала я все списывала на отсутствие самодостаточности. Но потом поняла, что ведь есть в жизни место, где мне очень хорошо. Там, среди золотых полей, за маленьким поселком, где живут наши старики, проходит теплотрасса. Когда-то в далеком детстве суровые сторожа гоняли нас, не позволяя сидеть на трубах. Но теперь это никому не нужно. И Канаева не знает, что когда я гощу у бабушки с дедушкой, то каждый вечер в одно и то же время поднимаюсь по растрескавшейся бетонной дороге к теплотрассе и взбираюсь на самую верхнюю трубу. Слева от меня молчит заброшенная птицефабрика (последствие независимости Украины), впереди темнеют вышка и бетонный забор военной базы, рядом, только руку протяни, шуршат листьями поспевающие подсолнухи и кукуруза, а над всем этим, обрамленное кровавыми облаками, опускается огромное, по сравнению с северным, солнце. И теплый ветер приносит запах подошедшего к концу лета и еще чего-то тревожного, и звук далекой электрички, и шорох кукурузных листьев; и нет ни вчера, ни завтра, есть только здесь и сейчас, и мне хорошо оттого, что я, находясь в одном месте, чувствую себя во всех уголках земли одновременно, и жаль только, что моя кошка сидит сейчас не рядом со мной на этой трубе, а где-то там, далеко, в Западно-Сибирской равнине, на подоконнике своей каменной клетки, и с тревогой смотрит сквозь оконное стекло.

Аклима САХАБИЕВА (*Татария*)

ГОРОДУ-ЮБИЛЯРУ

Тридцатая весна на пороге, Приближает к нам твой юбилей. Милый город, славный город, Прими откровения души. Город молодости, город романтиков Дал путевку в жизнь нам. Не вспугнули ни ветры-морозы, Лишь характеры закалили нас. Сплоченной, дружной семьей Мы построили тебя. Сохранил наши обычаи, традиции, Вот за что чтим тебя!

(Перевод с татарского автора)

Хусен ЭЛЛАХ (Чечня)

Земля моя, мы так с тобою схожи, Что не по воле хочется всплакнуть. И ужасы, и беды пережили. Осталось только себя нам пережить.

Твою судьбу себе избрав, Из края в край, из непогоды в непогоду, С душой раздвоенной, тебе опорой став, Покоя не даю ни сердцу, ни уму.

Отчизна-мать, Как я хотел тебя объять. Поставил рок свою печать, Судьба нам мачеха — не мать.

Живу не только сроками, Отпущенными природой, Живу, хотя прошедшее В грядущее не в счет. Живу и нежной лирой Чечне погибшей саван шью. ***

Радуюсь, радуюсь вам я, друзья, От волненья, быть может, не в рифму пишу. Так давайте бокалы подымем, друзья, За то, что мы не враги, А мирные дети земли. Поздравим и с тем, что мы рождены Вместе строить и песни слагать.

(Стихи печатаются в редакции автора)

Шамиль ХИСМАТУЛЛИН

(Башкирия)

РОССИЯНИН Я

Родниковые воды вспоили,
Дали силы взрасти, как дубу.
Устремляя взор вечно к небу,
Обнимал необъятные дали земли.
Мелодию песен я заимствовал у природы,
А Тукай вдохновил на стихи.
Мать-земля дала силы для жизни,
Чтобы жил, и любил, и творил.
Не русский я, но россиянин,
Россиянин я, как этим горд!
Мы живы могучею силой дружбы,
Все плохое в жизни нам чуждо.

(Перевод с башкирского автора)

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

ИВАН-ЧАЙ

Сергей АБРАМОВ

УЛИЦА

Пусть тебе приснится сон про другую улицу, На которой никогда не бывает драк, На которой не шумят и ночью не целуются, И не пахнет водкою подворотен мрак.

Люди этой улицы вечно невидимые, Засыпают дворики — листья тишины, Нет на них милиции, не нужны там дворники. И не бренчат гитарами в беседках пацаны.

Припев:

Улица. Улица без времени. Улица, улица без драм. Мне б туда, только слабо верится В то, что я буду счастлив там.

Нет у этой улицы ни лица, ни имени, Не бывает праздников, и траура там нет. На столбах висят часы, а часы без времени. Излучает улица млечно-белый свет.

Чистота и тишина навсегда приписаны К улице без времени и без суеты. Эх, остаться бы на ней, но страшнее виселицы Жить, не зная эла, добра, дна и высоты. Эх, остаться бы на ней, только мне кажется, Что это улица — другая сторона весны.

Припев:

Улица. Улица без времени. Улица, улица без драм. Мне б туда, только слабо верится, В то, что я буду счастлив там.

СНЫ

Собака воет на луну,
А мне приснились годы прежние:
Страна, идущая ко дну,
В руках вождя с улыбкой нежною.
Побед спокойное теченье, и деловых бумаг шуршание,
И планомерное гниение, а нам не страшно наказание,
Ведь в этом нашей нет вины:
Мы не рабы — рабы не мы

Собака воет на луну,
А мне приснились годы страшные:
Моя счастливая страна,
Тюрьмой для миллионов ставшая.
Не перечислить всех имен людей, что быть могли бы с нами,
Но виноват во всем лишь он, а нам не страшно наказание.
Ведь в этом нашей нет вины:
Мы не рабы — рабы не мы.

Собака воет на луну, А мне приснилось все, что пройдено. Я слышал, как кричат: «А ну! Не смей чернить святую Родину».

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Да только шрамов не укрыть, и не уменьшатся страдания, Но, правда, можно просто жить, коль нам

не страшно наказание.

Коль в этом нашей нет вины: Мы не рабы — рабы не мы.

Собака воет на луну, А мне приснилось: понимаю, Что нам бы времечко вернуть, Мы по местам бы все расставили, Но только кто оплатит смерть и материнские страдания По тем, кому уже не спеть? А нам не страшно наказание. Ведь в этом нашей нет вины: Мы не рабы — рабы не мы.

Собака воет на луну, А мне приснилось зарождение: И жизни полная струя, И человека восхождение. Тогда все было как в раю, но превратился рай в погост. И я, как все, стою, жую, я не хозяин и не гость. Но в этом нет моей вины: Мы не рабы. Так кто же мы?

Шаукат БАДАМШИН

ПО ВЕЧЕРАМ

Короче ночь, длиннее день, И пробуждается природа. О, как же хочется народу, Чтоб за окном цвела сирень!

[313] СТИХИ И ПРОЗА

А я влюблен в сиянье глаз И брови черные дугою, Как будто снова Вы со мною, Когда я думаю о Вас...

По вечерам, по вечерам Я возвращаюсь в мыслях к Вам, Я возвращаюсь в мыслях к Вам По вечерам.

А в талый снег стучит капель, И воробьи в объятьях лужи, Но неожиданно завьюжит Уже забытая метель.

Но сердца стук, но сердца бой Напоминают о весеннем. Какое сладостное зелье — Новорожденная любовь!

По вечерам, по вечерам Я возвращаюсь в мыслях к Вам, Я возвращаюсь в мыслях к Вам По вечерам.

БЕЛЫЙ ПАРОХОДИК

Там, где кончается железная дорога, Там, где скучает недостроенный вокзал, Там, где встречаются у самого порога Дети, родители, влюбленные глаза. Там, где взлетает над тайгою самолетик, Где не бывали мушкетеры из Дюма — Город на Оби, как белый пароходик, И, словно мачты, московские дома.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Припев:

Нижневартовск, путь твой труден, Путь твой труден и тернист. Нижневартовск, твои люди Заслужили Самотлорский обелиск.

Эдесь обитают настоящие мужчины, Транспорт утюжит дороги впопыхах. И, как на выставке, как будто их учили, Важно гуляют собаки во дворах. Эдесь и природа пробуждается внезапно. Эдесь день и ночь как прозрачная слюда. Город, конечно, не Сочи, не Анапа, Но все равно люди тянутся сюда.

Припев:

Нижневартовск, наши встречи — Грустный повод для разлук. Нижневартовск, твои речи Как признанье в любви и нежность рук.

Эдесь и метели завывают очень строго, Эдесь факелами освещается тайга. Золото течет по трубам длинноногим, И нескончаемой кажется пурга. Снова проснулся бесконечный ветер. Снова ликуют на небе облака. Белый кораблик в океане Север, Счастья тебе и удачи на века!

Припев:

Нижневартовск, белый пароходик, Белый пароходик, песчаная коса. Нижневартовск, при любой погоде Пусть не рвутся тугие паруса.

Александр БАСКАКОВ

Две недели заняты тобой. Две недели в середине лета. Грушинские волжские рассветы, Растворяясь, тают над рекой.

Две недели в середине лета Телефон молчит, не отвечает. Лишь гудки, как крики старых чаек, Плачут невозможностью ответа.

Две недели заняты тобой... Этим беспосадочным полетом. Бесшабашным сказочным пилотом Улетаю в мир твой голубой.

Две недели заняты тобой. Что еще мне дни пообещают? Может быть, глаза твои оттают... Две недели заняты тобой.

Михаил ВИССОНОВ

ВЕТКА СИРЕНИ

Мне все чаще являются сны, В них далекого прошлого тени, И тоска запоздалой весны, И душистая ветка сирени.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Если цвет небосвода свинцов, В непогоду, в лихое ненастье Мне сопутствует запах цветов, Ну, а запах сирени — на счастье.

Чтобы счастьем наполнился дом — Покупайте подарок к веселью: Продается весна за углом — Цвет отломленной ветки сирени.

Время кануло сказочным сном, От судьбы никуда нам не деться. Нежным цветом сирень за окном Провожает счастливое детство.

Не в моем ли саду расцвела — После долгой зимы — воскресенье, Как невеста дождя и тепла — Одинокая ветка сирени.

Пролетели года день за днем, Грусть нечаянно сердца коснулась, Нежным цветом сирень за окном Провожает беспечную юность.

Мне до боли твой запах знаком, Становлюсь я пред ним на колени И грущу, наклонясь над цветком Увядающей ветки сирени.

Я надолго в далеких краях, И когда возвращусь, я не знаю. Я не зябну в студеных ветрах, Я сирень за окном вспоминаю. Пусть поруганной ветки излом Счастье не омрачит на мгновенье. Продается весна за углом — Цвет отломленной ветки сирени.

Радик ГИЛЬФАНОВ

ОСЕНЬ

День прошел, и ночь промчится. Скоро лето синей птицей Улетит и растворится В стылом воздухе зимы.

И березка застыдится, Что придется обнажиться, Стала взрослою девицей, Да и повзрослели мы.

А наутро лед хрустальный Закует вокруг все лужи. Да и кто теперь им нужен, Кроме ветреного льда?

Скоро выстудит морозом Разыгравшаяся осень. Жизнь проходит паровозом. Станет мертвою вода.

Так и мы, прожив, как дети, Замечаем лишь под вечер: Раньше были только речи Да мирская суета.

[318] СТИХИ И ПРОЗА

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

И зажгутся вскоре свечи, И прощальный будет вечер, И умчимся на рассвете Без возврата, в никуда.

Валерий ГУСТЕРА

Я тебя буду долго искать, И искать я тебя не устану, И стихи тебе буду писать, Я к тебе приползу даже в ранах.

Только, правда, немного устал Я тебя ожидать каждый вечер. Я в стихах очень мало сказал, Расскажу остальное при встрече.

Грусть моя словно камень тяжелый И тревожит меня много лет. Оттого я такой невеселый, Потому что тебя рядом нет.

Марина ДМИТРИЕВА

Такой весною только плакать, Что за весна? Белым-бело. Уж лучше дождь, уж лучше слякоть, А тут опять все замело.

Зимы каприз как элая шутка, Качает, точно колыбель, Но только мне ничуть не жутко, Когда весной метет метель.

[319] СТИХИ И ПРОЗА

Припев:

По заметкам местных газет Я прогноз составляю свой, В нем неважно, сколько лет я с тобой. Как обрывки холодных фраз, Я слагаю из них портрет, Вот такая весна у нас много лет.

Как непогода с неудачей Сплетают снежный хоровод, — Я над погодой этой плачу, — Сказал случайный пешеход.

Машины длинной вереницей Скользят, прокладывая путь, И снова, прежде чем проститься, Ты шепчешь мне: «Не позабудь!»

Припев.

ПИСЬМО МАМЕ

Я пишу тебе письмо, мама, И не знаю, как поставить точку, Мне все кажется, сказала мало Или, может быть, чуть-чуть неточно. Приближает день унылый вечер: Скоро ляжет спать наш старый город, Он надеждами пустыми лечит... А на улице зима, холод. Не волнуйся за меня, мама, У тебя совсем большая дочка, Знаешь, я тебе скажу прямо: Нелегко решать все в одиночку.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАР ГОВСК

У тебя совет спросить хотела, Но о чем, уже не помню точно. Да, наверное, и не в этом дело — Дело в том, что я скучаю очень.

Знаешь, мама, все переменилось, Стали близкими чужие люди, Ты опять сегодня мне приснилась, Я не знаю, что же дальше будет. Время сторожит меня у двери, Вот и все, последняя строчка. Напиши мне, чем живет Север. До свидания. Точка.

Сергей ЗАХАРКО

ЗИМНИЙ ПАРК

По аллее сверкающе-белой Я один потихоньку бреду, А снежинки гурьбой оголтелой Все зовут на скамейку к пруду.

Припев:

И, бродя по снегу скрипучему, Всех друзей и подруг вспоминал, И морозу такому колючему (2 раза) Я лицо не боясь подставлял.

А когда, перемерэший, с мороза Я домой завалюсь, свет кляня, Вдруг увижу, что чайная роза На столе, и друзья ждут меня.

Припев.

[321] СТИХИ И ПРОЗА

Наталья ИДИАТУЛЛИНА

СТАРЫЙ ФЛЕЙТИСТ

В ночной глуши не видно дыма сигарет, В ночной тиши не слышен шум трамвая. И он, не замечая пролетевших лет, Мелодию для флейты сочиняет.

А утром, лишь родится свет зари, Росистой влагой жизнь едва напьется, Из дома выйдет, флейту прихватив, С которой никогда не расстается.

Старый флейтист, что тебе годы, Если ты музыкой молод, Музыкой вечной, которая в тебе! Старый флейтист, что тебе время, Если годы — это не бремя. Ведь музыка вечная живет в тебе.

И, упоенный вечной красотой, О чем-то потаенном размышляя, Он тихо побредет по мостовой Навстречу дню и первому трамваю.

И снова флейту бережно берет, К губам своим привычно прижимает И потайную дверь своей души Великодушно людям открывает.

Мир, утомленный вечной суетой, В объятьях музыки божественной проснется, И в жизнь любовь стремительно ворвется, И день родится чище и мудрей.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Старый флейтист, что тебе годы, Если ты музыкой молод, Музыкой вечной, которая в тебе!

Вершину невозможно покорить. Вершина не рабыня, а царица. И если разрешит тебе прийти, Так это чтоб величью поклониться.

Что мы хотим, на гору уходя? Насколько наши помыслы чисты? Вершину невозможно обмануть, Она как совесть — к ней приходишь ты.

Амбициям не место на горе, И человеческая слава — не предел. А лучше загляни себе в глаза — Того ли ты достиг, чего хотел?

И мы приходим к ней в который раз, Пред красотой ее не устоять. Не победить и не завоевать, Скорее, чтоб самих себя понять.

Мы выше гор не будем никогда, И с этой мыслью мы должны смириться. И то, что горы допускают нас, Не эначит, что должны нам покориться.

Екатерина КАНУННИКОВА

ВМЕСТЕ НАВСЕГДА

Мы будем вместе навсегда, Как в речке талая вода, Как две слезинки на щеке, Как две росинки на траве, Как два цветочка на песке, Как два словечка на листке, Как две березы у реки, Две половинки: я и ты. Нас лепестками алых роз Укроет мир прекрасных грез. Согреет нас дыханьем ветра Надежда, как частичка света, И, как кусочек хрусталя, Хрупки мы будем: ты и я. Нежны, как мягкие пушинки, Правдивы и чисть, как льдинки. Как в море буйная волна Стремится к берегу, так я Спешу к тебе, любимый мой, Хочу лишь быть всегда с тобой. Чтоб, как у птицы два крыла, Мы были вместе навсегда! И знаем мы, что будем рядом, И это будет нам наградой.

ПЕСЕННЫЙ НИЖПЕВАРТОВСК

Валерий ПЕТРУНИН

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Я родился на свет городским, Не скажу, чтобы род наш был древним, Но к земле тяготеют ростки, Вот и я оказался в деревне.

Она встала на тридцать дворов По-над берегом маленькой речки — Цитаделью в созданье миров И с котятами из-под печки.

А дедушка и бабушка Во мне души не чаяли. Взрослел в далеком детстве я Без бед и без печали.

Предания старинные Как будто снова слушаю. Переживаю заново С бабусею Феклушею.

Словно вижу цветастые сны, Помню все с малых лет до конца. Папин брат — он участник воины — Заменил мне на время отца.

Я узнал о добре и о зле, Как идти в темноту через страх, И о нашей, о тульской земле, О Левше и других мастерах. Теперь я вырос, жизни внял, Страну исколесил, Но тех, кто окружал меня, Тогда не доспросил.

А детство ясноглазое Осталось далеко, Где не было отказов, Запретов и оков.

Я узнаю, узнаю потом: Сладким может быть и не мед, И не только под крышею дом, А любовь через меру, что гнет.

И еще много разных наук Мне с годами помогут понять. А пока в детстве жил я без мук, И не думая что-то менять.

Те годы розовой каймой Мне в памяти отметиной: Шенками, кошеной травой, Тельняшкой дяди Петиной,

Лугами с земляникою, Грядущими просторами, Деревней многоликою, Слезами и восторгами.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Борис СВИРЦОВ

НИЖНЕВАРТ.ОВСК-САМОТЛОР

Нарушает безмолвный простор Ровный гул самолета в ночи. Здравствуй, батюшка мой Самотлор! Пусть твои не погаснут огни.

Словно мачты больших кораблей, Проплывают огни буровых. Сколько их на Тюменской земле, Как ключей от земных кладовых!

Факелов яркий свет в облаках, Как сиянье в полярную ночь. Здравствуй, матушка-Обь, здравствуй, Bax! Здравствуй, мой Нижневартовск родной!

Узнаю твоих улиц разбег И стремление ввысь новостроек. Вот и улица Мира, Победы проспект, Храм Христов, что пока недостроен.

Отражаясь в зеркальный овал, Смотрят в озеро стройные сосны. А вокруг за кварталом квартал В красоте своей бесподобны.

Как хозяин встречает гостей, С добрым сердцем, с огнем у порога, Наш Алешенька, Алексей, Покоритель болот Самотлора. Каждый раз, возвращаясь к тебе, Город, ставший для многих судьбой, Из гостей на Большой земле Я сюда тороплюсь домой.

Нарушает безмолвный простор Ровный гул самолета в ночи. Нижневартовск, Самотлор, Не погаснут пусть ваши огни.

Владислав СОЛНЫШКИН

ДВА СЕРДЦА

Два сердца стучат в колокольчик, И тот звенит.
То плачет навзрыд, то хохочет, То тихо молчит.
Под звук бубенца
Птица-счастье вьет в чаще гнездо.
Водой и пшеницей,
Дай Бог, птице-счастье
Наполнить свой дом!

Виктория ТРЕГУБОВА, Владислав СОЛНЫШКИН

КЛОУН

Клоун, клоун! Время снова на арену выходить. Жестом, взглядом, смехом, словом Весь честной народ лечить.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Потешитель публик разных: Белых, черных, синих, красных. Скоморох на склоне лет, Сам ты счастлив или нет?

Клоун, клоун. Кто он? Кто он? Незатейливый мудрец... Кем навеки в смех закован Лекарь горестных сердец?

Грусть упрятавши глубоко, Ты смеешься одиноко Перед зеркалом в дому... Миг, и я тебя пойму.

Рассудив по праву строго, Боль, обиду и тревогу Не доверишь никому — Разве Богу одному.

Клоун, клоун! Ключик сломан От ворот твоей души, Им играют малыши.

Любопытство не напрасно, Не случайно и не праздно. На вопрос мой дай ответ: В чем веселия секрет, Победившего семь бед?

Клоун, клоун! Я взволнован простодушною игрой, Глаз усталых ворожбой... Ты — волшебный мой герой!

Виктория ТРЕГУБОВА

Я — дочь своего времени И ведаю — будет час Заветного озарения: Мы — в Родине, Родина — в нас.

Ступеньками ли, ступенями Ступала ли, шла, неслась... Вэлетом, пареньем, паденьем Судьбы ее нить вилась.

Пророки ли, черные гении, Цари, эвонари, шуты Искали, вещали, верили, Выстраивали, жгли мосты.

Ты всех привечала, не было Отвергнутых и чужих. Родник доброты немереной — Не слез ли родник твоих?

...Под солнцем ли, днями серыми Свой крест выносила ты. Спрошу, хоть не буду первою: Для пропасти, для высоты?

Детей своих, поздно прозревших, Пойми, осень, и прости!

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Андрей СЕЛИВЕРСТОВ

С ДОБРЫМ УТРОМ, НИЖНЕВАРТОВСК!

Город снежный, город вдали. От большой бесконечной зимы Средь тайги и во власти болот Город тихо под солнцем растет. Каждый день он встречает рассвет, Каждый день шлет он ветру привет, И клянутся любимым сердца С этим городом жить без конца.

Припев (2 раза):

С добрым утром, Нижневартовск, Как твои дела? Колыбель твоя качается ветрами, Как снега в весеннем марте, Отступает мгла, И рассвет встает с высотными домами.

Город наш не сказать, что большой, Ты на карте не встретишь любой, Только люди, живущие тут, Про него даже песни поют. Самотлорских ночей красоту В этом городе, словно мечту, Ты увидишь и сразу поймешь, Что не эря ты на свете живешь!

Припев:

Добрый вечер, Нижневартовск, Как твои дела? Колыбель твоя качается ветрами, Как снега в весеннем марте, Отступает мгла, И рассвет встает с высотными домами.

Припев:

С добрым утром, Нижневартовск, Как твои дела? Колыбель твоя качается ветрами, Как снега в весеннем марте, Отступает мгла, И рассвет встает с высотными домами.

НОЧЬ

Когда придет святая ночь, Свои потребовав права, Сомненья прогоню я прочь, Заброшу напрочь все дела.

Она возьмет меня с собой В свои владенья, в высоту, И звезды трогая рукой, Пойдем по Млечному мосту.

Припев:

Станет сказкою быль В ярких красках своих. Только эвеэдная пыль На ладонях моих...

А рано утром я проснусь, Исчезла ночь, пришел рассвет, Я в свежесть утра окунусь И рад, что ночи больше нет.

ПЕСЕННЫЙ НИЖНЕВАРТОВСК

И с сожалением пойму, Что это было лишь во сне, Когда по Млечному мосту Бежал навстречу я к Луне.

Припев.

Александр СУДАК

СКРОМНАЯ ПЕСЕНКА

Мягок свет от настольной лампы, А я нежусь в объятиях лени. Про меня говорят: он талантлив. Я вам больше скажу: я — гений.

Может, я не совсем чтобы скромен, Много песен пишу хулиганских. Говорят, мой талант огромен. Я вам больше скажу: он гигантский.

Я кривить душой не умею, Я свой стих, как стяг, поднимаю. Что ж так мало я денег имею? Видно, что-то не так понимаю.

Содержание

россыпи

- · · · · · · · · · · · · · · · · ·
ВАЛЕРИЙ АКИМОВ
«Вот и зелень леса полиняла…» 9
Царица-осень 10
«Опять осенняя брюзга» 10
«Хоть в годах от юности далек» 10
«Не судьба ли снова виновата?!.» 11
«Сентябревое призванье» 11
Закат 11
«Я любуюсь тайгой не с балкона» 12
Крещение 12
В холода 12
Конец зимы 13
Мне грустно 13
На приезд Алексия II в Нижневартовск 27 июня
1994 года 14
Жизнь за народ 15
МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА «Тяжело испытанье Крестом» 16 «Любима! Его и люблю» 16
«AMOUNMA: LIU N AMOUAM» 10

«Однотонность и однотональность…» 17 «Из Самары через речку…» 17
ШИМУН ВРОЧЕК Теоретик. Фантастический рассказ 19 Три мертвых бога. Фантастический рассказ 30 Оставь последний танец для меня. Фантастический рассказ 46
ГАЛИНА БОЙКО-АНДРОСОВА «И мечусь я, как будто в горячке» 53 Об отце 53 «Может быть, не так я дом сложила» 53
ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА Русь 54 «На чужой стороне пусть богаче живут» 55 Нижневартовская весна 55 «Мороз. Алмазный блеск оконного узора» 55 «Слышно, уж зорюют петухи» 56 Бабье лето 56 «Сердца стучат» 57
БОРИС ГУСЕВ Черная змея. <i>Рассказ</i> 58
ЛАРИСА ГЕЛЬМЕР «Время стало длинней на четыре шага…» 66

Старый рыбак 69 «Через бурьян, через крапиву» 70 Мужу 70 «Неприветлив осенний ветер» 71 «Туман клубится в камышах» 71
ТАТЬЯНА ДЖАРТЫ «Я буду видеть только твои сны» 72 «Теперь я знаю, любовь слепа» 72
ЕКАТЕРИНА ЖУКОВА «Осеннее» 73 «Темно» 73 «Во мне восток и запад» 74
ВАЛЕРИЙ ОСТРЫЙ На белом снегу зеленые листья. Рассказ 75 Руслан. Рассказ 81 Тренер. Рассказ 90
ТАТЬЯНА ЗОЛЬНИКОВА «Любовь— привычка, говорят…» 100
ОКСАНА ИСАЕВА «А я пишу тебе стихи, едва столкнувшись» 101

АЛЕКСАНДРА ДАРЬИНА
Ты меня отыщешь 67
Для меня она родней 68

АЛЕКСАНДР КАЛИНЦЕВ Очаровательная юность 102 Надежда 103 «Зачем рядить мне истину в штанишки?..» 104 Петух. Рассказ 104 Малиновый перезвон. Рассказ 106 Котелок. Рассказ 109 ОЛЬГА КОРОСТЫЛЕВА О тебе 118 «К сыну в кроватку...» 119

АЛЬБИНА КОШКАРЕВА

«Твои глаза — мои озера...» 120 «И вновь весна, и вновь капель...» 120 «Мне тебя не забыть...» 120 «Говорят, что язык — мой враг...» 121 «Что значит жизнь?..» 121 «Как хорошо в лесу тенистом...» 122

АЛЬБИНА КУЗЬМИНА

Вазелиновая баночка. *Рассказ* 124 Фенины дапти. *Рассказ* 131

ПОЛУДИ

Прогулка 136 Вальс на веранде 137 «На Севере я слышу зов Алтая…» 138 Березке 138 Собратьям 138
«Аромат прошедшему послушен...» 139
В.М. Шукшину 139
Просто расхохочешься. Рассказ 140
Я всегда любил ее одну. Рассказ 142
Петровна. Рассказ 146

СВЕТЛАНА ЛИХАЯ

А стоял эдесь дом когда-то... 151 Белый цвет 152 Цветы 153 «Ветер желтые листья...» 153 «Какая жизнь была смешная...» 154 «Стареет мир, стареют годы...» 154 «Я жду тебя, когда пурга...» 155 «Напряжен до предела слух...» 156

ВЛАДИМИР ЛАЙТЕР

Встреча в вагоне. Рассказ 157 Депрессия. Рассказ 162 Банка варенья. Рассказ 165

ЛЮДМИЛА МАНЧИНОВА

Настроение 168 Перед утром 169 «И у меня была Москва!..» 170 Сосна 170 «Нарисуй мне мои стихи...» 171 После праздника 171 «Качалась рыжая трава...» 171
«Окна настежь! Пусть пахнет дождем!..» 172
Посвящение Александру Кушнеру 172
«Просто — ниэкие облака...» 173
«Витает рой чужих стихов...» 173
«Осенняя сырость...» 174
«Благословенная эима...» 174
«Голову приклонить...» 175

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

Сенькин пай. Сказ 176 Железные сосны. Сказ 183 Ёганское огнище. Сказ 188 Куда летала гагара. Сказ 194 Трусливое сердце. Сказ 199

НИКОЛАЙ МЕРШ Черная полоса 203

МАРЬЯМ МАМЕДОВА Это мой город 204 Годы не вернешь... 205

ВАЛЕНТИН ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ Северный апрель 206 Нижневартовск 207

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВА «Зачем мне радости земные...» 209

ЛЕЙЛА ПАШАЕВА

«Читать учитесь между строчек»	210
«Я ухожу. И не мешай мне в этом»	210
«Я сегодня весь мир обманула»	211
«Дружбой не пренебрегай» 211	

ЮЛИЯ ПИРОЖКОВА

Весна 213 Доигрались 213 Счастье 214 Память 214 Грезы 214 Радость 214

ПАВЕЛ ПЛЮХИН

Нижневартовску 215
«Нельзя колодец вычерпать до дна...» 216
Седина 216
«Ты — капелька росы...» 216
Ты! 217
«Мне не хватает света...» 217
«За окошком снова...» 218
«Любить глаза ...» 218

МИХАИЛ РЕЧКИН

Верни мне зуб. hoассказ 220 Акулинино масло. hoассказ 223 Про бычка. hoассказ 228

БОРИС РОМАНОВ

Варнацкий поэт 234 235 Космополитам Я болею 235 Все ушло 236 237 Второе сентября Сербия 237 Бой курантов 238 239 Беловодье Моя мысль 240 Атеисты 240 241 Провожает сокол Кавалерово 243 Новая зима Нижневартовск 243

ВАЛЕНТИНА СВИНАРЕНКО

Рождение стиха 244 Приход осени 245 Возвращение 246

ИГОРЬ СЕВЕРСКИЙ

Березы в снегу 248 Эти свадебные сани 249 Плач 250

ВАЛЕРИЙ ПЛАСТИНИН

Приди, очарованье... 251 Жизнь благодарю 252 Молюсь за Россию 252

НАДЕЖДА ТКАЧУК

«Как здорово спешить домой с работы...» 254 «Пьянящий, дурманящий запах сирени...» 255

«А мне ли плакаться?..» 255

ЕЛЕНА СЛИПЧЕНКО

Творчество. Рассказ 257
Коктейли и мечты. Рассказ 260
«Еще вчера пришла весна! Так мне казалось...» 263
Ботинки 264
Маме 264

ВЛАДИМИР ФИЛИППОВ

По существу иска 266 «...Напряженно живем...» 272

НИНА ЦВИРЕВА

Зовут к себе 273 Родилась я в России 273 Мамина деревня 274 Отворила полночь двери 275 Огонь любви моей 276

ЛЕОНИД ШКОДА

«Ресторан «Владимир»...» 277 Признание 278 «Он охранял надежно дачу...» 278 «Прощай, мой город...» 280

«Соседка-холостячка очень ловко...» 280

МЫ ВМЕСТЕ

ЕВГЕНИЙ БРАВЕРМАН (Израиль) Двадцатый век 283

НИКОЛАЙ РОТАРЬ (*Молдавия*) Город с открытой душой 283

РАВИЛЬ ГАЛИАКБЕРОВ (*Tamapuя*) Самотлор 284

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВИЧ (Белоруссия) Цвети, Нижневартовск 285

ОЛЬГА МИЦЛЕР (Германия)

Тюрингия 286

«Когда устанет биться об асфальт...» 287

«Что может быть страшнее одиночества...»

288

Хельмут. Рассказ 289

Философия боли, или Большая философия. Расская 292

НАДЕЖДА ТКАЧУК (Украина)

«Опять кручусь, как белка в колесе...» 293

«Вновь луна бессонницу пророчит...» 293

«В конце любви все сказаны слова...» 293

«Ты думал обо мне? Я — да...» 294

МАРЬЯМ МАМЕДОВА (Азербайджан)

Зависть 294
Ты — будущее города 295
По дороге доброты 297
Россыпи 298

ЗОЯ ШЕКЕТЕРА (Украина)

Снег 300 Подарок 300

ЕЛЕНА СЛИПЧЕНКО (Украина) Кошки и запахи. Рассказ 301

АКЛИМА САХАБИЕВА (*Татария*) Городу-юбиляру 305

ХУСЕН ЭЛЛАХ (Чечня)

«Земля моя, мы так с тобою схожи...» 306

«Отчизна-мать...» 306

«Живу не только сроками...» 306

«Радуюсь, радуюсь вам я, друзья...» 307

ШАМИЛЬ ХИСМАТУЛЛИН (Башкирия) Россиянин я 308

НАТАЛЬЯ ИДИАТУЛЛИНА Старый флейтист 322 «Вершину невозможно покорить...» 323

ЕКАТЕРИНА КАНУННИКОВА Вместе навсегда 324

ВАЛЕРИЙ ПЕТРУНИН Баллада о детстве 325

БОРИС СВИРЦОВ Нижневартовск — Самотлор 327

ВЛАДИСЛАВ СОЛНЫШКИН Два сердца 328

ВИКТОРИЯ ТРЕГУБОВА ВЛАДИСЛАВ СОЛНЫШКИН Клоун 328

ВИКТОРИЯ ТРЕГУБОВА «Я — дочь своего времени…» 330

АНДРЕЙ СЕЛИВЕРСТОВ С добрым утром, Нижневартовск! 331 Ночь 332

АЛЕКСАНДР СУДАК Скромная песенка 333

И18

Иван-чай: Стихи и проза литераторов г. Нижневартовска / Редакторставитель Анисимкова М.К. — Нижневартовск: литературное объединение «Замысел»; МУ «БИС», 2002 — 352 с. — (К 30-летию г. Нижневартовска.)

Новый сборник прозы и поэзии литературного объединения «Замысел» (при Центральной городской библиотеке) издается к 30-летнему юбилею города \widetilde{H} ижиевартовска.

Произведения, опубликованные в сборнике, не однозначны по своему литературному достоинству, но написаны с любовью к людям, городу, который построили, в котором живут и будут жить их дети.

ББК 84(Р7)

ИВАН-ЧАЙ Стихи п проза

Редактор М. Э. Чупрякова Художник-дизайнер Ю. Н. Окулов Художественный редактор В. С. Солдатов Корректор Т. В. Сергеснко Верстка и преднечатная подготовка С. Б. Григорьева

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 071939, выдана 14.07.99

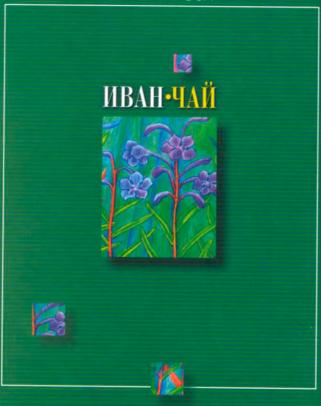
Сдано в набор 01.02.2002. Подписано в печать 14.02.2002. Бумага офестная. Формат $84x108^4/_{32}$. Гарнитура «AcademyC». Печать офестная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 500 экз. Заказ № 93.

ООО «Иэдательский дом ПАКРУС» Представительства Ассоциации книгоиздателей России по Уралу и Сибири. 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Урадьский рабочий» 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

1SBN 5-901214-18-8

СТИХИ • ПРОЗА

Екатеринбург Издательский дом «ПАКРУС» 2002